

Иван Тимофеевич Калашников

Камчадалка

Действие романа происходит в конце XVIII века на краю России, на Камчатке. Суровый край - удаленное место ссылки негодных царскому правительству лиц. Главные герои - местная девушка Марья и спасенный ею с тонущего корабля мичман. Не всем пришелся по нраву их союз, многие заглядывались на красавицу, к тому же в прошлом мичмана заключена некая тайна, и ссыльная цыганка, которой эта тайна хорошо известна, готовит новое злодейство...

Иван Калашников Камчадалка

ЧАСТЬ I.

ОТЪ СОЧИНТЕЛЯ.

Благосклонный пріемъ публикою перваго моего романа: Дочь Купца Жолобова, и особенно лестные отзывы о немъ лучшихъ нашихъ и даже иностранныхъ литераторовъ, дали мнѣ смѣлость издать еще романъ, въ томъ же родѣ и духѣ написанный. Романъ сей не по происшествію, но по мѣстности своей есть нѣкоторыхъ образомъ продолженіе перваго: здѣсь и тамъ дѣйствіе происходитъ въ Сибири, и такимъ образомъ оба сіи романа знакомятъ читателя съ сибирскою природою и туземными обитателями. Въ обоихъ я старался сохранить и оттѣнки сибирскаго нарѣчія; но какъ въ прежнимъ большая часть словъ сибирскихъ, употребленныхъ въ нынѣшнемъ, уже объяснена: то я и не считалъ нужнымъ дѣлать таковымъ словамъ вторичнаго объясненія. Слова же и изрѣченія

вновь употребленные, напечатаны курсивомъ.

Описываемое мною съ настоящимъ романъ происшествіе, имѣющее сценою своею Камчатку, я отнесъ къ концу прошедшаго столѣтія, когда управленіе Камчатки было еще устроено на общемъ Учрежденіи о Губерніяхъ, и когда большая часть Камчадаловъ еще сохраняла вполнѣ свою вѣру и обычаи. Послѣ же того положеніе ихъ весьма измѣнилось, и съ худомъ и въ хорошемъ отношеніяхъ, какъ то: первое: они претерпѣли ужасную повальную болѣзнь, истребившую, въ началѣ минувшаго царствованія, большую часть народонаселенія Камчатки, такъ что въ острожкахъ имѣвшихъ душъ сто и болѣе, осталось послѣ оной не болѣе пятнадцати, а индѣ и менѣе; второе: приняли всѣ христіанскую вѣру, а съ нею вмѣстѣ и многіе русскіе обычаи и третіе: получили удобнѣйшее и сообразнѣйшее, какъ съ нравами ихъ, такъ и вообще съ мѣстнымъ положеніемъ Камчатки управленіе, и въ быту своемъ во многомъ улучшились, особенно

со времени пребыванія въ Камчаткѣ Петра Ивановича Рикорда, оставившаго по себѣ память начальника умнаго, безкорыстнаго и проникнутаго живымъ рвеніемъ ко благу ввѣренной ему страны.

I.

НОВЫЙ МЕТАФИЗИКЪ.

Камчатка! Вотъ слово, которое и въ самой Сибири, т. е., по мнѣнію многихъ, въ царствѣ вѣчной зимы, составляетъ предметъ страха и удивленія! Какова же должна быть сія страна? Но ничего не бывало! И Камчатка, какъ никакая другая страна въ мірѣ, имѣетъ свои невыгоды, правда; но и свои выгоды, свои бури и свое ведро, свои снѣга и свои цвѣты. Преимущественно внутреннія земли пользуются климатомъ весьма умѣреннымъ и даже, можно сказать безъ увеличенія, благообразнымъ; берега хотя менѣе плодородны, но также нельзя назвать, особливо восточный, совершенно неудобными къ народонаселенію; только одна южная часть, называемая Лопаткою, отличается суровостію климата и бесплодностію почвы: это есть обширная, съ юга на сѣверъ болѣе ста верстъ

простирающаяся, бесплодная пустыня, въ самой южной оконечности необитаемая и покрытая тундрою, далѣе же къ сѣверу загроможденная сопками {Сопка, остроконечная гора.}, придающими ей видъ, особенно со стороны моря, самый дикій и печальный.

Посреди сего необъятнаго кладбища природы, въ окрестностяхъ рѣки Озерной, по юго-западному берегу моря, въ первыхъ числахъ ноября, тянулось нѣсколько санокъ, покамчадальски: шежхедовъ, запряженныхъ собаками. Въ каждомъ шежхедѣ было по цѣлому цугу, или, по-тамошнему: по нартѣ {Въ Охотскѣ и въ другихъ сѣверныхъ мѣстахъ нартами называются самыя сани.} собакъ, т. е. по пяти, изъ коихъ четыре были заложены попарно, а пятая -- впереди. Шежхедъ есть самыя легкія санки, состоящія почти изъ однихъ полозковъ и четырехъ довольно высокихъ копыльевъ съ укрѣпленною на нихъ ремнями тонкою рѣшеткою, на которой помѣщается сѣдокъ. Двумъ сѣдокамъ на одномъ шежхедѣ ѣхать нельзя, а потому и въ описываемомъ нами караванѣ путешественники сидѣли каждый на особомъ. Въ одномъ изъ

нихъ сидѣль старикъ съ большею сѣдой боро-
дою, но еще свѣжимъ лицомъ, въ чертахъ ко-
торого была замѣтна особенная доброта и
кроткая важность, спутница лѣтъ и опытно-
сти. Подлѣ него двигалась длинная, несклад-
ная фигура, которой ноги едва умѣщались на
полозкахъ {На шежхедахъ сидятъ обыкновен-
но, спустивъ ноги на правую сторону.}, руки
преважно было сложены на груди, а малень-
кая, со вздернутымъ носомъ, одноглазая го-
ловка значительно обзрѣвала вокругъ се-
бя, показывая видъ глубокаго вниманія и
размышленія. Впереди сихъ путешественни-
ковъ ѣхала дѣвушка, повидмому, лѣтъ шест-
надцати, собою прекрасная, смотрѣвшая съ
величайшею беззаботливостію на
окружавшіе ее предметы, и то приближавша-
я къ каравану, то вдругъ пускавшая собакъ
рысью и далеко уѣзжавшая отъ своихъ сопут-
никовъ. Всѣ трое были одѣты по-камчадаль-
ски, съ тою только разницею, что старикъ и
дѣвушка имѣли на себѣ платье наряднѣйшее,
нежели ихъ товарищъ; различія же между
мужскимъ и женскимъ платьемъ не было ни
какого. На двухъ первыхъ были олени пар-

ки, т. е. похожія на рубашку, съ узкими рукавами и съ кулемъ назади, для покрытія головы вмѣсто шапки, вывороченныя вверхъ шерстью шубы, у которыхъ воротъ и подоль были обшиты щеголеватымъ, по-камчадальской модѣ, подзоромъ, и опушены бобромъ; на длинномъ же товарищѣ ихъ была надѣта, подобная паркѣ, только меньшей длины, съ широкими рукавами, куклянка, сшитая частію изъ звѣриныхъ, а частію изъ птичьихъ кожъ, съ такимъ же кулемъ, какъ у парки, и, сверхъ того, съ длиннымъ хвостомъ. На ногахъ у старика и дѣвушки были торбасы, т. е. сапоги съ красными изъ тюленьей кожи головами и съ замшевыми голенищами, также украшенными преузорочными подзорами, а на сопутникѣ ихъ камасы, или сапоги, изъ оленьей кожи вверхъ шерстью. Само собою разумѣется, что такой же нарядъ имѣли на себѣ человекъ четыре Камчадаль, сидѣвшихъ въ остальныхъ шежхедахъ.

Караванъ тянулся по горѣ. День былъ довольно теплый, въ отношеніи ко времени, но сумрачный. Сѣрыя облака висѣли грядями по небу, далеко, далеко простираясь на юго-за-

падъ по безпредѣльному горизонту, и, наконецъ, сливаясь съ водами океана, посреди котораго, на самомъ краю небосклона, возвышался выходящій изъ безднъ уединенный Алаидъ, вѣчно курящійся, какъ неугасимый жертвенникъ Бога Вселенныя {Алаидъ, огнедышущая совка, стоящая посреди моря, въ разстояніи верстъ 50-ти отъ берега.}. На сѣверо-востокъ, среди синѣвшихся хребтовъ, также курились многія горы, межъ которыхъ владычествовала сопка Опальная, не уступающая высотой Тенерифскому Пику. Вообще же горы были покрыты снѣгомъ, по которому, при подошвѣ ихъ разстилался въ падяхъ густой туманъ, какъ вѣчный трауръ сей печальной страны. Вокругъ, на великое пространство, не было видно ни одного деревца, на которомъ взоръ, утомленный скучнымъ единообразіемъ, могъ бы отдохнуть, какъ при встрѣчѣ со своимъ знакомцемъ; не было ни одного существа живаго, какъ въ области смерти. Кругомъ все молчало! И только глухой, протяжный, подобный самому отдаленному, но великому грому, вѣчный стонъ суловъ {Сулои -- валы, ходящіе во время прилива

и отлива. Между первымъ Курильскимъ островомъ и Лопаткою сулои бываютъ такъ велики, что въ самую тихую погоду имѣютъ отъ 20 до 30 саж. высоты.}, нарушалъ безмолвіе пустыни: да еще доносились изрѣдка по вѣтру дикой ревъ сивучей и пронзительные крики чаекъ, кружившихся вдаль надъ моремъ.

-- Смотри-ка Камакъ! -- сказалъ одинъ изъ Камчадаловъ своему товарищу. -- Вѣдь эти чайки ужъ вѣрно завидѣли кита дохлаго.... Да куда ты смотришь? Вонъ направо-то, къ Алаиду.

"Вижу, вижу теперь! -- отвѣчалъ Камакъ.-- Да что толку! -- прибавилъ онъ съ неприятнымъ огорченіемъ. -- Вѣдь намъ, братъ, и косточкой поживиться не удастся!"

-- А можетъ статья, и никто не поживится кромѣ Гамуловъ {Гамулы -- Духи.}! Вѣдь они братъ, не по нашему ловить-та умѣютъ!

"Неужто?"

-- Знать, ты не говариваль со стариками?.. Какъ-же! Вѣдь, Гамулы только и дѣла дѣлаютъ въ Опальной сопкѣ, что китовъ вярять да ѣдятъ, а ловятъ ихъ по ночамъ.

"Вишь ты! А что, въ Алайдѣ есть они?"

-- Въ Алайдѣ-та? Этого не знаю: вѣдь, эта гора не на своемъ мѣстѣ.

"Что ты говоришь?"

-- Да точно такъ! Вишь, она прежде стояла на томъ мѣстѣ, гдѣ теперъ озеро, изъ котораго течетъ Игдыгъ {Рѣка Озерная, вытекающая изъ Курильскаго озера.}...

"Врешь?"

-- Да такъ! Вишь, она была всѣхъ тутъ выше: такъ прочія горы и стали на нее всѣ сердиться, да бранить ее..... Ну, слышь, житья ей не было! Вотъ она, терпѣла, терпѣла, наплева-ла на нихъ, да и ушла на море...

"Экое чудо, парень!"

-- Да ужъ чудо не чудо, а такъ точно! Видишь ли:вонъ одна гора, какъ будто чѣмъ сдавлена, какъ будто кто ступилъ?

"Вонъ эта-то, что направо?"

-- Да, да!

"Вижу. Такъ что же?"

-- А то, что когда Алайдъ сталъ подниматься съ мѣста, такъ оперся на эту гору, да и сломилъ съ нея верхушку...

"Вишь ты! А кабы, братъ, онъ и всѣ горы-та

посломаль бы, то-то бы хорошо! Закатывай бы на собакахъ да и только, а ужъ упасть не бойся!"

— А по мнѣ: такъ лучше, кабы всѣ онѣ въ море перебрались; да нѣтъ, братъ, и изъ нихъ не всякая въ воду-то идетъ...

"Неужто?"

— Да точно! Вонъ гора Шевеличъ (знаешь, что недалеко отъ Нижне-Камчатска?) стояла прежде на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Кроноцкое озеро. Тутъ, слышь, ей житья не стало отъ еврашекъ: принуждена была перейти на нынѣшнее мѣсто, а въ море не пошла!

"Не пошла? Вишь ты! А, вѣдь, бають старики, что всѣ эти горы понадѣлалъ Кухта {Богъ камчадальской.}...."

— Вѣстимо, что онѣ, тюлень проклятый!... Вонъ, смотри-ка въ эту сторону-то!

"Въ эту?"

— Да! Видишь, бѣлѣется-та? Вѣдь это его баты {Въ девяти верстахъ отъ рѣки Озерной есть бѣловатый утесъ, который имѣетъ видъ челноковъ, поставленныхъ перпендикулярно.}.

"Э!"

-- Да такъ! Онъ вѣдь въ здѣшнихъ мѣстахъ жилъ.

"А откуда же онъ прикочевалъ сюда?"

-- Откуда! Вѣдь онъ прежде жилъ на небѣ.

"Что ты врешь?"

-- Право! Вишь ихъ было три брата: одинъ жилъ на небѣ, другой на морѣ, а третій въ аду....

"Что же они тамъ дѣлали?"

-- Ничего! Жили, какъ тоіоны {Тоіонъ -- начальникъ.}.

"Вишь ты!"

-- А послѣ Кутха съ сестрой своей, Хутлыжичею съ неба-та сошли....

"Знать, надоѣло?"

-- Кто ихъ знаетъ! Да и землю-та съ собой стащили. Сперва Кутха жилъ не далеко отъ рѣчки Улкаль-Вай... ну знаешь, что течетъ... если ѣхать по берегу отъ устья рѣки Камчатки въ Корякскую землю, по-русски: на сѣверъ?

"Какъ не знать! Вѣдь на этой рѣчкѣ моего отца медвѣдь дралъ, и съ тѣхъ поръ еще все дразнили его дранкою...."

-- Такъ долго ли, коротко ли тутъ жилъ

Кутха, никто не знаетъ; только, подь конецъ, разсорился со своей женой, схватилъ ее за волосы да и давай таскать....

"Дѣло!"

-- Такъ ее, слышь, отстряпаль, что на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ билъ ее, сдѣлалась ложбина и потекла рѣчка....

"Вишь, братъ, онъ сердитый!"

-- Да знать, что такъ! Вскорѣ послѣ этой драки онъ и переселился въ здѣшнія мѣста, да и промыслялъ рыбу, разѣзжая по морю вонъ въ этихъ батахъ....

"А что? И рыбы много ловилъ?"

-- Говорятъ, что де видимо не видимо!

"Эка, братъ!"

-- А потомъ вдругъ, наскучило что-ли, бросилъ баты, да и пошелъ на лыжахъ куда глаза глядятъ: вотъ тогда-то горы-то и понадѣлались!

"Неужто? Да какъ же это?"

-- А вишь, говорятъ, что онъ ужъ де больно крѣпко шлёпаль ногами, такъ что всю землю исперепортилъ; она де гнулась подь нимъ, какъ тонкой лёдъ, да такъ и осталась: вотъ и стали горы!.... Чтобъ ноги-та у него отсохли!

"Ужь подлинно: чтобъ отсохли! Экой сивуча! Да что онъ, мухомора что-ли объѣлся {Мухоморъ -- грибъ, употребляемый вмѣсто вина, сухой и настоянный на водѣ.}?"

-- Кто его знаетъ! Вишь, окаянный, разошелся! На добро, такъ нѣтъ его, а спакостить, такъ его дѣло! Чтобъ ему...

"Слышите ли, отецъ Петръ -- сказалъ длинный путешественникъ своему пожилому товарищу -- какъ Камчадалы чествуютъ своего Кутху за то, что надѣлалъ горы?"

-- Да! -- отвѣчалъ старикъ. -- Они повторяютъ это при каждомъ спускѣ и подъемѣ съ горы, потому-что хуже и глупѣе своего Кутхи никого не почитаютъ. Что дѣлать? Сколько я ни старался, въ теченіе цѣлыхъ сорока лѣтъ, проповѣдывать здѣсь имя Христово, все почти понапрасну: знать, не угодно еще это Его святой волѣ! Кажется, еще весьма долго не узнаютъ эти бѣдные слѣпцы своего Создателя!

"Да вѣдь, если сказать правду -- подхватишь дьячекъ,-- такъ и мы еще не совсѣмъ знаемъ: откуда и какъ все это произошло. "

-- Тутъ и знать нечего -- возразилъ прото-

попъ; -- это свѣше нашего понятія! Довольно для насъ, что сказано: Рече -- и быша, повелѣ -- и создашася.

"Такъ, отецъ святой! Конечно, Писаніе говоритъ, но если пораздумать порядкомъ... Ахъ, я этою матеріею занимался весьма много!.. Съ-тѣхъ-поръ, какъ я вступилъ въ классъ философіи, это была моя любимая мысль. Я изучалъ древнихъ со всѣмъ прилежаніемъ, и, не хвастаячи сказать, свѣтъ ихъ не втунѣ сіялъ для моего умственного ока...."

-- Жаль, братъ -- прервалъ протопопъ, стараясь скрыть свое неудовольствіе подъ видомъ шутки -- что ты смотрѣлъ однимъ окомъ; лучше было бы, когда бы ты могъ глядѣть, какъ говорится, во всѣ глаза....

"Смѣйтесь, святой отецъ -- продолжалъ дьячекъ; -- но я вамъ доложу чистосердечно, что, открывая какую-нибудь важную истину, я, бывало, прихожу въ восторгъ, и скачу по бурсѣ, словно, помѣшанный... "

-- Я и не сомнѣваюсь въ этомъ -- говорилъ протопопъ, въ томъ же тонѣ.

"Всѣ важнѣйшія мнѣнія и толки -- продолжалъ дьячекъ -- были мною выучены, сообра-

жены и взвѣшены на вѣсахъ разума. О! какая истина заключается въ ученіи философовъ! Напримѣръ: по сказанію знаменитаго Трога Помпея, иные изъ восточныхъ мудрецовъ приписывали происхожденіе міра огню, а другіе -- водѣ; Анаксименъ же утверждалъ, что все произошло изъ воздуха; напротивъ, Демокритъ доказывалъ, что вселенная составилась изъ атомовъ, т. е. маленькихъ кусочковъ, сцѣпившихся между собою посредствомъ крючковъ; а Гераклитъ училъ, что земля есть густой огонь, а вода есть земля, растопленная въ огнѣ; наконецъ..."

-- Ужели есть конецъ этому вздору? -- невольно воскликнулъ протопопъ.

"Вы властны называть это, какъ хотите; но я увѣряю васъ, что среди всѣхъ этихъ, повидимому, разнообразныхъ мнѣній, я нашелъ одно неложное, и готовъ утверждать его предъ лицомъ всей вселенной...."

-- Господи помилуй! Что это за пустой человѣкъ! -- тихо говорилъ протопопъ, вздыхая.

"Готовъ утверждать его! -- повторилъ дьячекъ съ величайшимъ жаромъ, дѣлая са-

мыя глупыя жесты. -- Оно состоитъ въ слѣдующемъ: поелику каждое дѣйствіе или произведеніе должно имѣть свою довольную причину, *principium rationis sufficientis*; а міръ есть произведеніе: *ergo....*"

Но онъ не успѣлъ окончить своего силлогизма. Во время его разглагольствованія караванъ начиналъ спускаться съ горы. Протопопъ и прочіе спутники его, исключая философа, притянули ближе къ шежхедамъ передовыхъ собакъ, дабы они задерживали нарту; философъ же, со всею пламенностію ученаго мужа вознесясь духомъ горѣ, не чувствовалъ, что тѣло его спускается подъ гору, и не принялъ предосторожности. Между тѣмъ дѣвушка, ѣхавшая впереди каравана, желая подшутить надъ ораторомъ, бросила кусокъ юколы {Юкола -- сушеная рыба.}. Нарта мудреца кинулась опрометью за кускомъ, такъ что онъ не успѣлъ воткнуть оштола {Оштоль -- заостренная палка, которую втыкаютъ въ снѣгъ, когда хотятъ остановить собакъ.}, и при первомъ сильномъ толчкѣ быстро вылетѣлъ изъ саней, которыя, опрокинувшись, покрыли его и тащили съ собою. Напрасно кричалъ онъ

охриплымъ голосомъ: Ээ! Ээ! {Крикъ, останавливающій собакъ.} собаки не останавливались, и продолжали бѣжать. Наконецъ голосъ его умолкалъ, а послѣднія слова его, слышимыя издали, были: Valetе omnes! (Прощайте всѣ!)

II. ИСТИННЫЙ ПАСТЫРЬ.

Подобно многимъ, великимъ поборникамъ Истины, отъ Эмпедокла до изобрѣтателя пршенныхъ крыльевъ {Крестьянинъ, изобрѣтшій крылья для летанія по воздуху, въ началѣ царствованія Петра Великаго, и наказанный за неудачу.}, описанный въ предъидущей главѣ знаменитый мужъ также пострадалъ бы, вѣроятно, за пламенную любовь свою къ ней, если бы, по счастью его, дѣвушка, увидѣвъ неприятыя послѣдствія своей шутки, не успѣла броситься къ нему на встрѣчу и удержать собакъ въ то самое мгновеніе, когда онѣ были уже за нѣсколько шаговъ отъ пропасти; ибо гора, подходя одною стороною къ морю, окончивалась утесомъ, котораго огромныя гранитныя глыбы, оторванныя, вѣроятно, землетрясеніемъ, ле-

жали грядами на узкомъ берегу, служа убѣжищемъ для стаи сивучей, отдохавшихъ на нихъ стадами. Вскорѣ подъѣхали туда и остальные путешественники. Камчадалы подняли санки, вытащили оттуда обезпамятѣвшаго отъ страха дьячка, и принялись его обметать.

"Ну, братъ Степанычъ! -- сказалъ подошедшій къ нему протопопъ -- быть бы тебѣ сегодня во чревѣ сивуча.... (Экая бездна ихъ подъ горою!).... Хорошо, что подоспѣла Маша!"

Дьячекъ, собираясь съ духомъ, не могъ выговорить ни слова. Губы его дрожали, и на лицѣ были еще яркія черты малодушнаго испуга, которому обыкновенно предаются люди, ставящіе себя въ спокойномъ положеніи несравненно выше прочихъ смертныхъ.

"Вотъ то-то же, Степанычъ! -- продолжалъ протопопъ, смотря на него съ видомъ невольнаго презрѣнія и жалости. -- Теперь ты дрожишь, какъ листъ, а давеча такъ выше облаковъ занесся! Видишь ли, какъ Богъ-то скоро наказываетъ вашего брата-вольнодумца? Ты не успѣлъ еще разболтаться, а ужъ щелчокъ

тебѣ и готовъ!... Ступайте всѣ впередъ, а мы со Степанычемъ спустимся пѣшкомъ."

Въ сіе время дѣвушка, не дожидаясь приказа, была уже на своемъ шежхедѣ, и продолжала спускаться, а вслѣдъ за нею потянулись и Камчадалы, закричавъ собакамъ: ха, ха! {Крикъ понудительной.}, кахъ, кахъ! {Крикъ при поворотѣ направо.}.

"Не понимаю -- говорилъ протопопъ, продолжая свое наставленіе -- какъ можно быть такъ слѣпу! Шутка ли, сколько тебѣ ужъ досталось за твое глупое высокоуміе! Долженъ былъ ты пріѣхать назадъ сюда, этакую даль! Ну, если бы живъ былъ твой покойный родитель, отецъ Степанъ, что бы было? Вѣдь сказать страшно! Ты бы уморилъ его этимъ! Пять лѣтъ цѣлыхъ потерялъ ты втунѣ: давнымъ-бы-давно тебѣ слѣдовало быть священникомъ! Да и теперь, хоть и кончится срокъ твоего искуса, что я напишу о тебѣ преосвященному? Срамъ да и только! Я думалъ: слава Богу, онъ исправился; а ты!.... экое чудо, Господи!.... Нѣтъ, братъ, не таковъ былъ твой отецъ! Я съ нимъ двадцать лѣтъ прожилъ въ Паратункѣ {Острожекъ, недалеко отъ Петро-

павловска. Тамъ прежде была церковь.}; человекъ былъ честный, благомыслящій, подлинно: христіанская душа! И кабы я не далъ ему слова: песчись о тебѣ, давно бы я, братъ, пустилъ тебя на волю Божью; коли самъ о себѣ не радѣешь, такъ не на кого пѣнять! Правильно сказано: языкъ нашъ -- врагъ нашъ. И Писаніе говоритъ: "скверныхъ же тщеславій отменяйся: наипаче бо преспѣютъ въ нечестіе..."

Въ продолженіе сего монолога Камчадалы, съѣхавъ съ горы, закричали всѣ въ голосъ: Духстехтичъ! Духстехтичъ! и пустили собакъ, обгоняя другъ друга, къ складенному изъ каменной столбу. Подъѣхавъ къ оному, каждый изъ Камчадаловъ бросилъ къ подножію его по горсткѣ порсы {Сушеная, толченая рыба.}, и съ крикомъ: хугъ, хугъ {Налѣво.}! пустился обратно.

"Вонъ, посмотри -- говорилъ протопопъ, указывая на жертвоприносителей,-- что дѣлаютъ Камчадалы! Они приносятъ жертву богу, не Кутхъ, но богу невѣдомому, по ихъ: Духстехтичу. Скажи же ты мнѣ: чѣмъ твои Греки и Римляне, которыми ты бредишь,

чѣмъ эти всемірныя учителя были умнѣе глупыхъ Камчадаловъ? Не то же ли самое толкуютъ и Камчадалы, что проповѣдывали толь прославляемые Аѳиняне? Тотъ-же Юпитеръ, тотъ-же Нептунъ, тотъ же Плутонъ, тотъ же Невѣдомый Богъ..."

-- Но вѣдь я, святой отецъ -- сказалъ почти-тельно дьячекъ, начинавшій оправляться -- говорилъ только о мнѣніи философовъ....

"Глупый ты, глупый! Да что значать эти философы? Слепцы, которые другъ друга толкаютъ съ дороги; вральи, которые стараются объяснить то, чего сами не понимаютъ! Если, на примѣръ, разсмотрѣть хорошенько хотя то, что ты рассказывалъ, такъ что выйдетъ? Чепуха! Одинъ утверждаетъ, что все вышло изъ воды, другой изъ огня. Кому прикажешь вѣрить? И чѣмъ это достовѣрнѣе того, что земля стащена съ неба Кутхою? Такъ-то, братъ, заблуждается человѣкъ, когда, забывъ Бога, пойдетъ своею дорогою! Въ Писаніи сказано коротко, но такъ сказано, что никто въ свѣтѣ уже не скажетъ лучше: "Вся тѣмъ быта, и безъ него ничто же бысть, еже бысть."

При семъ текстѣ, отъ глубокой полноты

чувствъ, слезы показались на глазахъ старца. Помолчавъ нѣсколько, онъ продолжалъ:

"Оставь, братъ Степанычъ, пожалуйста оставь свое дурачество: въ мудрованіи толку нѣтъ! Разумъ кичитъ и увлекаетъ насъ въ погибель. Безъ вѣры человѣкъ бродитъ во тмѣ, кто бы онъ ни былъ: греческій ли мудрецъ, или камчатской шаманъ. Одинъ только есть свѣтъ -- свѣтъ вѣры, иже во тмѣ свѣтится и тма его не объятъ.

Много подобнаго говорилъ протопопъ въ наставленіе своего невѣрующаго. Рѣчь его была исполнена силы и помазанія, которое есть плодъ недолговременнаго ученія, но единственно христіанской любви и живой увѣренности въ истинахъ религіи. Священникъ сей былъ тотъ знаменитый Верещагинъ, который умѣлъ стяжать уваженіе у самыхъ Англичанъ, извѣстныхъ своею скупостію на похвалы для иностранцевъ, а о которомъ съ величайшимъ уваженіемъ отзывается сопутникъ славнаго Кука, капитанъ Кингъ, начальствовавшій надъ кораблями: Резолюція и Дисковери по смерти капитана Клерка. Не столько образованный, сколько

одаренный здоровымъ умомъ, притомъ одушевленный всегда одинаковымъ, самымъ пламеннымъ усердіемъ къ своему дѣлу, онъ, въ теченіе многолѣтняго пребыванія своего въ Камчаткѣ, первый насадилъ тамъ сѣмена христіанства, и, пріобрѣтя всеобщую любовь Камчадалъ, оставилъ по себѣ память ревностнѣйшаго пастыря и добродѣтельнѣйшаго челоуѣка. Имѣя постоянное пребываніе сперва въ Паратункѣ, а потомъ въ Петропавловскѣ, онъ почти ежегодно объѣзжалъ всю свою обширную паству, и нерѣдко проводилъ цѣлые мѣсяцы, странствуя съ величайшимъ самоотверженіемъ по пустыннымъ курильскимъ островамъ и переплывая море на утлыхъ байдарахъ {Байдара — лодка.}. Таковы были въ первыя времена и таковы бы должны быть всегда проповѣдники Иисуса!

Сопутникъ Верещагина, дьячекъ, по прозванію: Шайдуровъ, былъ, какъ и выше можно видѣть изъ словъ протопопа, сынъ паратунскаго священника, учился въ иркутской семинаріи, и высланъ оттуда обратно за глупое вольномысліе, съ тѣмъ, чтобы прожить

нѣсколько лѣтъ въ Камчаткѣ, подѣ надзоромъ протопопа, въ чаяніи исправленія. Впрочемъ, надобно сказать правду, Шайдуровъ на самомъ дѣлѣ не былъ настоящимъ, обдуманымъ вольнодумцемъ: ибо не имѣлъ никакого постояннаго мнѣнія. Начитавшись разныхъ философскихъ толковъ, онъ самъ сбился совершенно съ толку, и не могъ мы на чемъ остановиться: понятія въ головѣ его -- какъ и обыкновенно случается съ вольнодумцами -- перепутались, и въ этой сумятицѣ, вовсе погасившей свѣтъ ума, даннаго ему отъ природы, онъ сталъ, въ полномъ смыслѣ сего слова, ученый дуракъ. Чрезвычайное высокомеріе, слѣдствіе высокаго о себѣ мнѣнія, и удивительное легкомысліе, признакъ глупости и источникъ нерѣшительности и перемѣнчивости чувствъ, были его отличительными чертами: это были, можно сказать, два полюса, около которыхъ обращались всѣ его дѣйствія, и которые то отвергали, то притягивали къ себѣ и самыя истины религіи; такъ что Шайдуровъ былъ по временамъ и христіанинъ, и безбожникъ, и человекъ честный, и рѣшительный бездѣльникъ. И пото-

му-то, когда протопопъ окончилъ выше сказанное наставленіе, Шайдуровъ, на сей разъ смиренный страхомъ смерти, почти согласился съ нимъ, и отвѣчалъ со всею искренностію:

"Ахъ, отецъ Петръ! я самъ чувствую, колико я согрѣшаю; но что мнѣ дѣлать? Я самъ не воленъ въ себѣ; я самъ смотрю на себя, какъ на лице постороннее; дивлюсь поступкамъ своимъ, и не имѣю силъ управлять ими!"

-- Такъ; всякой человѣкъ то же сказать можетъ -- говорилъ протопопъ; -- всякой чувствуетъ внутреннюю борьбу добра со зломъ; но въ томъ-то и дѣло, братъ, что надо перевозмогать себя.

"Стану, стану стараться, святой отецъ, и даю вамъ честное слово исправиться."

-- Ахъ, Степанычъ! кабы ты въ самомъ дѣлѣ взялся за умъ; весьма бы, братъ, ты порадовалъ меня!

"Одно останавливаетъ меня, отецъ Петръ!" -- сказалъ дьячекъ съ нѣкоторою запинкою.

-- Что такое?

"Не вижу ни какой цѣли, для чего бы мнѣ хлопотать о себѣ. Что я? Не то же ли, что и

этотъ столбъ? (Дьячекъ указаль на жертвенникъ). Онъ и я, стоимъ одниодинехоньки посреди пустыни! Некому раздѣлить со мною ни радости, ни печали! На другихъ посмотришь... Deus immortalis! Всѣ цвѣтуть, аки кринъ сельный; а я?"

— Да кто же тебѣ, братъ, мѣшаетъ не быть одинокимъ? Вѣдь отецъ Григоріи Большерѣцкой совсѣмъ былъ готовъ отдать за тебя свою дочь, да самъ же ты спятился, только сраму надѣлалъ! А отца Прокопья Нижне-Камчатскаго кто одурачилъ? Чай, извѣстно тебѣ!

"Ахъ, отче! если бы вы знали мои чувства, такъ не судили бы меня столь строго. Съ того самого дня, какъ я началъ учить Марью Алексѣевну..."

— Я ужъ тебѣ нѣсколько разъ говорилъ: не поминай мнѣ объ этомъ! Я тебѣ правду скажу: покамѣстъ не увижу, что ты во всемъ исправился, до-тѣхъ-поръ лучше отдамъ внучку за послѣдняго Камчадала, нежели за тебя. Да и можно ли вѣрить твоимъ чувствамъ послѣ того, какъ ты оклеймилъ всѣ приходы? Нѣтъ, братъ, не затѣвай этого! Развѣ хочешь и меня

такъ же осрамить, какъ ихъ?

"Возможно ли это, отче? -- возразилъ дьячекъ съ величайшимъ жаромъ. -- Вотъ уже седьмой мѣсяцъ, какъ чувства мои остаются одинаково пламенны и постоянны. Притомъ любовь моя де есть обыкновенная, общая, amor consuetus; нѣтъ! она подобна чистѣйшему огню, похищенному Прометеемъ; она есть та невинная, ангельская страсть, какую проповѣдывалъ безсмертный Платонъ, и образъ Марьи Алексѣевны носится предо мною непрестанно во снѣ и въ явѣ, какъ не постижимый духъ Сократа, сей духъ, о которомъ до сего времени не рѣшила философія, и который, если сообразить точнѣйшимъ образомъ...."

-- Опять запороль дичь! -- говорилъ про себя протопопъ. -- Нѣтъ; его не исправить! Справедливо сказано: горбатаго можетъ исправить только одна могила!...

Между-тѣмъ, пока вошедшій, какъ говорится, въ пассію Шайдуровъ высказываетъ свою платоническую любовь, мы успѣшимъ объяснить: кто такова была Марья Алексѣевна, имѣвшая счастье понравиться се-

му выпренному мудрецу. Это была та самая дѣвушка, которая, какъ вѣроятно читатель уже догадался, сопутствовала протопопу. Она была его внучка, дочь одного чиновника, оставшаяся отъ отца и матери сиротою, и воспитывавшаяся въ домѣ начальника Камчатки, подѣ смотрѣніемъ его супруги, женщины весьма умной и образованной. Маша, какъ обыкновенно называлъ ее дѣдъ, была дѣвушка также одаренная отъ природы отличными способностями души и прекрасными склонностями сердца. Возростая въ нѣдрахъ природы, вдали отъ такъ называемаго свѣта, и потому не знавшая его пороковъ, но познакомившаяся съ одними добродѣтелями въ бесѣдахъ со своею покровительницею, Марія была невинна и простодушна, какъ младенецъ, о соединяла въ себѣ просвѣщенныя понятія Европейки съ полудикими искусствами Камчадаловъ: она ѣздила ловко на собакахъ, мастерски плавала въ байдарахъ и проч. Самая фізіономія ея была смѣсь русскаго съ камчадальскимъ; ибо, по отцовской линіи, она происходила отъ Камчадаловъ, а по материнской -- отъ русскихъ.

Дѣдь ея, протопопъ, кромѣ дочери, покойной матери сей дѣвушки, не имѣлъ мы кого дѣтей, и потому внучка составляла все его утѣшеніе и отраду въ старости; внучка, со своей стороны, также любила его со всею горячностію дѣтскаго сердца. Сія горячая любовь и заставила ее слѣдовать за дѣдушкою въ семь путешествіи; ибо она никакъ не могла положиться ни на чей присмотръ, и ни за что не согласилась отпустить его одного, не смотря на убѣжденія ни самого дѣда, ни своей покровительницы, жены начальника, отъ которой она не задолго передъ поперешла въ домъ протопопа. Начальница, любя ея искренно и горячо, какъ родную дочь, не перестала объ ней заботиться и по переходѣ ея и къ дѣдушкѣ, и уговорила сего послѣдняго пригласить дѣячка дать ей нѣсколько уроковъ въ Исторіи. Начало лекцій было мѣсяцевъ за пять до путешествія, въ которомъ, до пріѣзда на Лопатку, прошло не менѣе двухъ; ибо протопопъ, чувствуя уже приближеніе дряхлой старости, рѣшился въ послѣдній разъ посѣтить всю свою паству, и былъ на Парамуширѣ и другихъ алеутскихъ островахъ. Симъ

объясняется начало дьячковой рѣчи, въ которой онъ доказывалъ, по всѣмъ правиламъ Логики и Риторики, что онъ уже седьмой мѣсяць любитъ Марію самую платоническою любовію, какъ Петрарко; и что по всѣмъ возможнымъ родамъ силлогизмовъ, рогатыхъ и комолыхъ, непременно слѣдуетъ выдать ее за него.

"Да ужъ что ты не ври, Степанычъ! -- отвѣчалъ протопопъ, садясь въ шежхедъ -- а я слова своего измѣнить не могу: ты исправься, а я подумаю."

-- Исправься! -- думалъ дьячекъ -- т. е. сиди у моря, да жди погоды! Нѣтъ, мое правило не таково: *res dum calet urgenda est* (куй желѣзо пока горячо). Мы знаемъ, какъ это уладить: дай только добратся до Петропавловска, а тогда *veni, vidi, vici* (пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ)! Страсть моя -- дѣйствовать рѣшительно!

Размышленія дьячка продолжались бы, вѣроятно, до самаго ночлега: ибо протопопъ, не любившій терять словъ безъ надобности, ѣхалъ молча; внучка его чувствовала отъ философа нашего почти отвращеніе, и всегда

старалась избѣгать его бесѣды; а что касается до Камчадаловъ, то самъ мудрецъ рѣдко снисходилъ до того, чтобы осчастливливать ихъ своимъ поученіемъ, исключая самой великой крайности, т. е. когда ему рѣшительно некому было, кромѣ ихъ, возвѣщать своихъ возвышенныхъ идей. Такимъ образомъ сей мыслитель первой величины погрузился, такъ сказать, до ушей во глубину самого себя, какъ вдругъ былъ выведенъ изъ задумчивости однимъ, повидимому маловажнымъ, происшествіемъ, но имѣвшимъ великое вліяніе на его судьбу, какъ увидимъ въ слѣдующей главѣ.

III. БУРЯ.

"Эй, аангичъ {Аангичъ -- дьячекъ, называемый симъ именемъ по находимому Камчадалами сходству съ уткою аангичемъ, которая поетъ поутру и повечеру.} -- вскричалъ товарищъ Камака, Лемшинга -- смотри не озноби рукъ!"

-- Ахъ, въ самомъ дѣдѣ, батюшки! -- воскликнулъ испугавшійся дьячекъ, взглянувъ на руки -- куда это я дѣваль свои рукавицы?

"Эхъ, Степанычъ, Степанычъ! -- говорилъ протопопъ, покачивая головою -- ужъ не лѣзъ лучше, какъ къ тебѣ, приложить этой поговорки: подъ лѣсомъ видишь, а подъ носомъ не видишь! Гораздо бы лучше было, кабы ты около себя-то побольше наблюдалъ, а не за облака лѣзъ! Вѣдь, знать, ты обронилъ рукавицы давеча, какъ упалъ. Какъ же ты поѣдешь теперь? Недолго и безъ рукъ пріѣхать! Эхъ, братъ, братъ!"

-- Что же мнѣ дѣлать теперь, отецъ Петръ?... Ахъ, руки такъ и пощипываетъ.

"Да что дѣлать? Надо вернуться, да поискать на томъ мѣстѣ, гдѣ ты тащился подъ шежхедомъ.

-- Такъ вотъ я сейчасъ...

"Куда тебѣ найти! Ты и куклянку-ту тамъ потеряешь! Вишь ты -- Господь съ тобой! -- какой рохля!... Эй, Лемшинга! ступай, братъ, поскорѣе, а мы пообождемъ здѣсь!"

-- Съѣздить-то я съѣзжу -- отвѣчалъ Лемшинга; -- только вотъ что...

"Что такое?"

-- Не было бы худа! Смотри-ка, бачка, какъ разыгрались манаты! {Манаты -- родъ тюле-

ней, но огромной величины: бывають иногда длинной до 4 саж., а вѣсомъ до 200 пудъ. Всѣ вообще морскіе звѣри игрою своею предвѣщаютъ бурю.} Экіе дьяволы! Такъ другъ черезъ друга и перепрыгивають!... Не ударила бы буря!

"Ну, перестань пустяки собирать; не трать понапрасну времени; поѣзжай. Если и въ самомъ дѣлѣ будетъ буря, то, можетъ быть, успѣемъ еще прежде нея добратся къ мѣсту, а если и не успѣемъ, такъ остановимся вонъ у этого пригорка. Богъ милостивъ!"

-- Не спорю, бачка! Поѣду; дай только поправить побѣжникъ {Ремень, къ которому привязываются собаки, вмѣсто дышла.}.... Ну, други! Ха, ха!

Собаки помчались по снѣгу, и Камчадалъ, постукивая ошоломъ по полозьямъ, то съ правой, то съ лѣвой стороны, смотря потому, въ которую сторону нужно было направить собакъ, изрѣдка прибавлялъ къ тому и словесное приказаніе: "кахъ, кахъ! хугъ, хугъ!"

Прошло съ часъ времени. Погода въ самомъ дѣлѣ начала измѣняться. Облака побѣжали весьма быстро съ юга на сѣверъ,

выдвигаясь одно изъ-за другаго, и распушиваясь хлопьями. Море опустѣло: уже рѣзвившіяся на немъ чуды скрылись во глубинахъ его; самыя птицы, борясь съ вѣтромъ, бушевавшимъ уже въ верхнихъ слояхъ атмосферы, спѣшили стадами подъ защиту утесовъ; и только сѣдые валы, грозные сыны страха и разрушенія, воздымаемые отдаленною бурей, съ безумною яростію устремились на вѣчный свой бой съ прибрежными скалами. Наконецъ снѣгъ, полетѣвшій съ вершинъ ближнихъ горъ, возвѣстилъ пришествіе урагана, понесшагося съ страшнымъ свистомъ и воемъ, мѣшавшимися съ шумомъ волнъ. Во мгновеніе ока все слилось вмѣстѣ: и небо, и земля, и море. Снѣжные вихри крутились по равнинѣ, и готовы были увлечь съ собою несчастныхъ странниковъ, или погребсти ихъ подъ сугробами снѣга.

"Вотъ, бачка! -- сказалъ Камакъ протопопу -- Лемшинга правду говорилъ: не ударила бы буря! Такъ и есть!"

-- Теперь ужъ дѣлать нечего! -- отвѣчалъ протопопъ. -- Не отставайте другъ отъ друга! Экая пурга, Господи Боже мой! Всѣ глаза

заслѣпила! Зги не видно!... Машенька! ты рядомъ поѣзжай со мною!... Вѣдь, кажется, Камакъ, въ этой сторонѣ пригорокъ, у котораго мы хотѣли остановиться?

"Да, бачка!"

Чтобы не сбиться съ дороги и не заѣхать въ какой-нибудь оврагъ или пропасть, путешественники остановились подъ защитою пригорка. Они поставили нарты, одну подлѣ другой, и потомъ вынувъ руки изъ рукавовъ, и просто завернувшись въ шубы, чтобы было просторнѣе, всѣ легли въ снѣгъ, другъ подлѣ друга: ибо хотя и дѣлаютъ иногда путешественники, въ случаѣ буря, шалаши, но здѣсь этого сдѣлать было нельзя, по недостатку лѣса. Едва успѣли они расположиться на сей, подлинно зимней квартирѣ, какъ совершенно занесло ихъ снѣгомъ, и поверхъ онаго не было ни малѣйшей примѣты ни собакъ, ни людей. Между-тѣмъ наступила ночь. Картину ея трудно вообразить, не только описать живо и подробно. Всѣ ужасы негостепріимной страны сей были собраны для устрашенія вашихъ путешественниковъ. При мутной, но непроницаемой темнотѣ ночи, при дикомъ

воѣ вѣтра, разсыпавшаго облака снѣга, при кипѣніи и ревѣ океана, потрясавшаго основаніе скалъ, среди обширной и дикой пустыни, они были заживо погребены въ снѣжныхъ могилахъ, гдѣ могли остаться и навсегда: ибо нерѣдко проѣзжіе, обмокнувъ въ нихъ, замерзаютъ. Представивъ все сіе, какой житель благословенныхъ странъ не содрогнется отъ ужаса? Но такая чудесная природа человѣческая! Привыкшіе къ явленіямъ подобнымъ, наши путешественники вовсе не находили положеніе свое ни слишкомъ неудобнымъ, ни опаснымъ. Имѣя маленькое въ снѣгу отверстіе, протаявшее отъ теплоты дыханія, они лежали весьма спокойно, и только по временамъ поворачивались съ боку на бокъ, но съ величайшею осторожностію, чтобы не разсыпать снѣжнаго свода, надъ ними образовавшагося.

"Встань-ка, Камакъ!" -- сказалъ наконецъ протопопъ, толкая лежавшаго подлѣ него Камчадала, который спалъ сномъ самымъ крѣпкимъ и сладкимъ: ибо и вообще Камчадалы спятъ въ снѣгу весьма спокойно.

-- Аа! Что? -- отвѣчалъ Камчадалъ, просы-

паясь и позѣвая.

"Встань, да посмотри: кажется, буря утихла; не ѣдетъ ли Лемшинга; да покорми собаку!"

-- Да, бачка! -- говорилъ поднявшійся изъ-подъ снѣга Камакъ -- вѣтеръ затихъ, и мѣстами проглядываютъ звѣзды: вонъ кранхль, вонъ ижичъ! {Медвѣдица и плеяды.}... А вотъ выглянулъ и мѣсяцъ!... А это что? Онъ, точно онъ! Ахъ, бачка, какое счастье! Я слѣдь Пилучея увидѣлъ. Вишь, такъ весь снѣгъ и испестрилъ полозьями!

"Что это онъ такое видитъ?" спросила протоппа его внука, также вставая изъ-подъ сугроба.

-- Да это тѣ струйки,-- отвѣчалъ ея дѣдъ -- которыя остаются на снѣгу послѣ вихрей. Камчадалы думаютъ, что это слѣды шежхедовъ, въ которыхъ Богъ грома, вѣтровъ и проч., Пилучей, разѣзжаетъ на куропаткахъ. Увидѣть эти слѣды почитается у нихъ за знакъ величайшаго счастья.

Говоря сіе, протопопъ, въ сопровожденіи внуки, вошелъ на холмъ, который вѣтромъ почти совершенно былъ обнаженъ отъ снѣга.

Видь, представившійся его глазамъ, былъ пустынный и дикой, но великолѣпный. Полная, блѣдная луна, пробѣгавшая по облакамъ, то выказывалась изъ-за нихъ, то опять скрывалась, бросая по мѣстамъ тѣни на бѣлѣвшія степь и горы и на синее море. Въ промежутки просвѣта, серебряный лучъ ея какъ бы спалъ съ неба, подобно безконечному столбу, и мгновенно распростирался по безпредѣльной зыби волнъ, разсыпаясь въ то же время блестящими перлами въ огромныхъ фонтанахъ, выбрасываемъ въ отдаленности китами. Воздухъ былъ холодный, но самый чистый и ясный, такъ что казалось, какъ бы все неизмѣримое пространство, окидываемое взоромъ, было совершенно пусто. Предметы удивительно дѣлились и приближались. Долго смотрѣлъ старикъ на небо, на землю и на море. Вдругъ океанъ покрылся свѣтящеюся матеріею, и хладный огонь, поднимаясь и низвергаясь съ валами, уподоблялъ море великой горящей степи, взволновавшейся отъ ударовъ землетрясенія. "Ахъ, какой чудный и прекрасный видъ! -- сказала дѣвушка. -- Я никогда подобнаго не видала."

-- Да, душа моя! чудны дѣла Божія! --
отвѣчалъ дѣдъ ея, возведя глаза съ
умилениемъ на небо. -- Небеса повѣдаютъ сла-
ву Его, твореніе же руку Его возвѣщаетъ
твердь!

"А отъ чего же, дѣдушка, этотъ свѣтъ?"

-- Богъ вѣсть, моя милая! Спрашивалъ я у
одного Англичанина (ты еще была малень-
кая, какъ они пріѣзжали въ Петропавловскъ):
такъ онъ мнѣ рассказывалъ, что будто это все
свѣтлые червячки, а другой изъ ихъ же гово-
рилъ: будто это та же сила, что производитъ
молнію...

"Но посмотрите, дѣдушка! Что это такое?
Вонъ тамъ, видите? По правую-то сторону ки-
товъ.... Вонъ далеко, какъ будто огонёкъ
загорѣлся... Кажется, это ужъ не отъ моря?"

-- Да! Это въ самомъ дѣлѣ что-то странно!

"И, кажется, палятъ; дѣдушка?"

Выстрѣлы время отъ времени становились
чаще и явственнѣе.

-- Да! -- отвѣчалъ старикъ. -- Это точно
пальба! Боже мой! Вѣрно какой-нибудь ко-
рабль погибаетъ!

"Посмотрите, дѣдушка, какъ увеличивает-

ся огонекъ!... О Господи! Ужъ не пожаръ ли на корабль?"

— Да! Да! Это, вѣрно, пожаръ! Слушай, какъ зачастили выстрѣлы!... Эй, Камакъ! кажется, гдѣ-то въ этихъ мѣстахъ жилъ Курилецъ Арукчи, который бѣжалъ съ Японцами?

"Да, бачка! Вонъ недалеко отсюда, на рѣчкѣ Аачгань."

— Такъ поищите-ка тамъ, не найдется ли какой байдары; да проворнѣе!... Ахъ, Боже мой, какъ огонь увеличился!..ю. Смотри-ка, Машенька (у тебя глазки-та получше моихъ): кажегся, огонь бѣгаетъ по снастямъ и загораются паруса?

"Да, дѣдушка, весь корабль обнимается огнемъ. Господи! Что будетъ съ бѣдными пассажирами! Такъ бы я бросилась къ нимъ на помощь!"

— Что дѣлать? -- воскликнулъ дьячекъ, пожимая плечами. -- Ignis absumit omnia (огонь все истребляетъ)!

"Ахъ, любезный дѣдушка! -- сказала дѣвушка, горя нетерпѣніемъ и не обращая вниманія на глупое восклицаніе дьячка -- Камчадаловъ мы не дождемся: они не любятъ

торопиться, когда дѣло идетъ о спасеніи другихъ; позвольте мнѣ: я поскорѣ побѣгу сама."

-- И я съ вами! -- провозгласилъ дьячекъ, желавшій выказать при семъ случаѣ свою приверженность и проворство.

"Побудь лучше со мной -- сказалъ протопопъ; -- ты только ихъ удержишь. И то вотъ заставилъ насъ ночевать на дорогѣ со своими рукавицами: вѣдь мы, вѣрно, успѣли бы доѣхать той порой до Конпакова становища. Впрочемъ все къ лучшему: можетъ быть, Господь поможетъ намъ кого-нибудь спасти теперь, а кабы уѣхали отсюда, такъ о не увидѣли бы этого несчастья."

Дьячекъ не сказалъ ни слова, но лицо его подернулось заревомъ, подобнымъ тому, какимъ были покрыты облака, носившіяся надъ пожаромъ. Корабль ближе и ближе несло теченіемъ прилива къ берегу. Уже были слышны вопли, раздиравшіе сердце, то погибавшихъ въ пламени, то бросавшихся въ море несчастныхъ пассажировъ. Положеніе ихъ было неизъяснимо-ужасно: двѣ стихіи, равно гибельныя, наперерывъ пожирали ихъ со всею лютостію. Помощи не было, и не лъзя

было ожидать ее: ибо предъ ними стояла земля столь же недружелюбная, какъ и море. Еще нѣсколько минутъ слышались на кораблѣ крики и смятеніе; еще отчаянные пассажиры нѣсколько времени мелькали позади пламени, стремившагося изъ люковъ -- и вдругъ раздался общій пронзительный вопль, невыразимый ни какими словами человѣческими. Потомъ все остановилось и смолкло. Еще мгновеніе -- и пламя, совершенно одолѣвшее свою жертву, какъ бы въ бѣшеное торжество, ринулось вверхъ страшнымъ вулканомъ, и въ стремленіи своемъ увлекло все, ему встрѣтившееся: обломки корабля и человѣческіе трупы мелькали въ огненномъ столпѣ взрыва. Оглушающій грохотъ раздался по водной равнинѣ, и повторился въ прибрежныхъ утесахъ: это былъ ненавистный сигналъ смерти, послѣ котораго наступила убійственная тишина, и уже не было видно ни корабля, ни людей, и только черная туча дыма, медленно поднимавшаяся къ облакамъ, означала мѣсто пожара.

-- Ахъ, Боже мой! -- вскричала дѣвушка, возвратившаяся въ сіе время съ байдарою --

вѣрно, всѣ погибли!

"Нѣтъ, мачка! -- сказалъ одинъ изъ Камчадаловъ -- кажись, что-то чернѣется въ валахъ.... Вонъ, вонъ.... какъ будто человѣкъ взмахиваетъ руками..."

-- Нѣтъ, быть не можетъ!

"Право, мачка! Смотри-ка, смотри!... Опять унырнулъ!... Вишь, валы-то больно велики!... А вотъ и опять показался... Чу! кричитъ..."

-- Ахъ, въ самомъ дѣлѣ это человѣкъ! О Боже мой! Онъ погибнетъ!

"Чтожъ вы стоите, ребята! -- сказалъ протопопъ. -- Уже ли не подадите ему никакой помощи?"

-- Нѣтъ, бачка! -- отвѣчали Камчадалы всѣ въ одинъ голосъ -- мы ни за что не пойдемъ! Коли тонетъ, такъ пусть тонетъ, а мы на свою душу грѣха не примемъ: не потащивъ его изъ воды!

"О глупые и несмысленные? -- воскликнулъ протопопъ -- вы считаете то за грѣхъ, что есть величайшая добродѣтель! Но васъ не убѣдишь, а время дорого! Подайте весло: я поѣду самъ."

-- Нѣтъ, любезный дѣдушка! я не пущу ва-

съ! -- вскричала его внучка. -- Позвольте лучше мнѣ ѣхать. Вы знаете: я не боюсь валовъ, и умѣю ѣздить по морю...

"Знаю, но теперь время прилива; смотри, какъ сулои увеличиваются съ минуты на минуту."

-- Но развѣ я буду спокойнѣе, если вы поѣдете?

"Обо мнѣ беспокоиться нечего: я ѣзжалъ по морю поболѣе твоего; къ тому же я старъ и отжилъ свой вѣкъ, а тебѣ еще жить надобно, Подай мнѣ весло!"

-- Хорошо, сейчасъ, дѣдушка!

Между тѣмъ она мгновенно вскочила въ байдару, и отпехнулась отъ берега.

"Что ты это дѣлаешь? -- вскричалъ протопопъ, внѣ себя отъ страха: -- Воротись! Ты погибнешь!"

-- Благословите меня, дѣдушка, и молитесь за меня!

Старикъ не говорилъ ни слова, и вперивъ на свою внучку неподвижные взоры, трепеталъ при всякой волнѣ, стремившейся на нее, какъ бы каждая изъ нихъ заливала его сердце. Байдара, въ которой ѣхала дѣвушка, была

не что иное, какъ маленькій челнокъ, по-камчадальски: тахту, выдолбленный изъ тополя, съ прибитыми по краямъ досками. Валы бросали его какъ щепку, и онъ то скрывался въ пропастяхъ безпрестанно разверзавшихся подъ нимъ, то взлеталъ стрѣлою на стремнины возстававшихъ предъ нимъ хребтовъ. Малѣйшая неосторожность и ошибка плавательницы могли бы погубить ее, но она, сохраняя величайшее присутствіе духа смѣло разсѣкала весломъ волны и мужественно стремилась къ своей цѣли. Наконецъ она была уже недалеко отъ погибающаго. Вниманіе старика увеличилось, ибо это была минута самая опасная: утопающій могъ, въ отчаяніи, схватиться неосторожно за край байдары и опрокинуть ее своею тяжестью. Между-тѣмъ героиня наша увидѣла, что на встрѣчу къ ней плыли два человѣка, изъ коихъ одинъ держался за доску, а другой, плывя безъ всякой помощи, почти выбивался уже изъ силъ, и поминутно погружался въ воду. "Ваше благородіе! -- вскричалъ первый изъ нихъ -- давно говорю вамъ: держитесь за мою доску: вы потонете!" Офицеръ, по-видимому долго

нехотѣвшій воспользоваться симъ удивительнымъ самопожертвованіемъ, наконецъ, начиная въ самомъ дѣлѣ тонуть, въ безпамятствѣ ухватился за доску, а матросъ, за нее державшійся, въ то же время опустилъ ее, сказавши: "держитесь крѣпче, да если потону я, такъ не забудьте моей жены и дѣтей въ Петропавловскѣ." Послѣ сего онъ усиленно началъ бороться съ волнами, но намокшее ли платье его, и отъ сего сдѣлавшееся слишкомъ тяжелымъ, тянуло его книзу, или уже члены его окостенѣли отъ холода, только усилія его были напрасны: онъ скрылся въ волнахъ, прежде нежели избавительница могла подать ему помощь. Равнымъ образомъ и спасенный имъ офицеръ находился въ самомъ крайнемъ положеніи: волны непрестанно заливали его; и если бы прошло еще нѣсколько минутъ, въ теченіе которыхъ онъ остался бы въ семъ положеніи: то отважный подвигъ самоотверженія нашей Камчадалки былъ бы напрасенъ. Но спасеніе его требовало отъ избавительницы величайшаго проворства и ловкости: ибо съ одной стороны волны непрестанно относили челнокъ отъ утопаю-

цаго, а съ другой и приближеніе къ нему, какъ мы замѣтили уже, могло быть сопряжено съ рѣшительною погибелью обоихъ. Несмотря однако жъ на сіе, воспитанная на берегахъ моря, и съ дѣтства знакомая со всѣми его причудами, она безстрашно подѣхала къ погибавшему, подала ему весло, и вскричавъ: "лови за байдару и садись проворнѣе" -- сама ловко откачнулась на противную сторону, дабы сохранить равновѣсіе. Въ это мгновеніе челнокъ ринулся по скату волны, и совершенно скрылся изъ глазъ наблюдавшаго за нимъ старика. "Боже Всемогущій! она погибла!" -- вскричалъ онъ, схлопнувъ руками.

-- Нѣтъ, бачка! Вонъ выплываетъ! -- возразилъ Камакъ. -- Смотри-ка: сидятъ двое.

"Точно двое, бачка! -- подхватилъ Лемшинга. -- Экая проворная!"

-- Только что за охота -- говорилъ тихонько Камакъ своему товарищу -- принимать ей на себя грѣхъ?

"Да развѣ ты не слыхалъ, что давеча говорилъ попъ? Вишь, по-ихнему это хорошо!"

-- Хорошо топить себя, чтобы спасти другаго! Хо, хо, хо! Только глупъ народъ эти

Русскіе!

Между-тѣмъ дѣвушка достигла берега, и была уже въ объятіяхъ дѣда, плакавшаго отъ радости и умиленія.

IV.

КАМЧАДАЛЬСКАЯ СВАДЬБА.

Недалеко отъ устья рѣчки Опалы, служащей на сѣверо-западѣ границею Лопатки, стоялъ нѣкогда Камчатской острожекъ Куу-юхченъ, заключавшій въ себѣ болѣе десяти юртъ.

Въ одинъ день, вскорѣ послѣ описаннаго нами въ предъидущей главѣ происшествія, жители сего острожка весело спѣшили толпами въ юрту своего тоіона, гдѣ приготавлился пиръ, по случаю свадьбы дочери его брата, Тенявы.

Юрта тоіона отличалась предъ прочими своею величиною, но совершенно сходствовала съ другими своимъ устройствомъ. Она была ничто иное, какъ выкопанная въ землѣ, аршина на два глубиною, четвероугольная обширная яма, покрытая остроконечною земляною крышею, съ отверстіемъ вверху, оночемъ, служившимъ вмѣсто трубы, и окна и

дверей. Подлѣ стѣнъ, увѣшанныхъ, въ замѣнъ шпалеръ, чирелами, т. е. сплетенными изъ травы рогожами, находились нары, служившія вмѣсто скамей и кроватей. Посреди юрты былъ построенъ очагъ, а въ одномъ углу оной была складена посуда, и надъ нею стоялъ на полкѣ деревянный столбикъ съ обдѣланною, на подобіе человѣческой головы, верхушкою: это былъ идолъ, Ажушакъ, отгонявшій, по мнѣнію Камчадаловъ, отъ юрты лѣсныхъ духовъ, и за сію услугу обмазанный вареною сараною.

Въ юртѣ находились и Камчадалы и Русскіе. Первыхъ весьма легко было отличить по ихъ азіятской фізіономіи: по узкимъ глазамъ, сплюснутому носу и пребольшому рту. Общество Русскихъ составляли: пріѣхавшія сюда, съ недѣлю назадъ, протопопъ Верещагинъ, дьячекъ и еще два лица, намъ неизвѣстныя. Одинъ изъ нихъ былъ человекъ лѣтъ сорока, средняго роста, съ рябымъ лицомъ, съ плутовскою миною и съ прелукавыми небольшими глазами. Онъ не былъ купецъ, однако жъ, повидимому, пользовался правомъ торговли, что показывала

стоявшая предъ нимъ фляга съ водкою, для продажи которой, какъ самъ онъ рассказывалъ сидѣвшему подлѣ него дьячку, онъ и прїѣхалъ въ Кууюхченъ, слышавъ въ дорогѣ о предстоящей свадьбѣ.

Недалеко отъ него сидѣлъ женихъ, молодой парень, дюжій собою, но съ подбитыми глазами и растрепанными волосами. Онъ тяжело дышалъ и по кровавому поту, капавшему съ его лица, видно было, что онъ только не задолго предъ тѣмъ совершилъ какой-то тягостный подвигъ. Невѣста, взрослая и здоровая дѣвка, сидѣла въ другомъ углу юрты, опутанная мережами и ремнями, и окруженная мегерами, также показывавшими признаки большой усталости, однако жъ сидѣвшими съ веселымъ лицомъ, и насмѣшливо поглядывавшими на жениха.

-- Ну что жъ, братъ Гатальча! -- сказалъ отецъ невѣсты, Тенява -- принимайся: лови, да и дѣло и съ концемъ! Ужъ не докуда же тебѣ жить у меня: и такъ ужъ скоро годъ исполнится, какъ ты пришелъ изъ Конпакова!

"Дай отдохнуть, бачка! Вишь, какъ больно дерутся, старыя! Все лице исковеркали!"

-- Ну, послѣ свадьбы заживетъ! Ступай, или не то, братъ, убирайся домой, коли не въ мочь пришло!

"Сейчасъ, бачка, сейчасъ!"

Женихъ собрался, наконецъ, съ силами, и бросился опрометью къ невѣстѣ, стараясь разорвать напутанныя на ней мережи; но старухи, ее окружавшія, всѣ съ величайшимъ крикомъ и бѣшенствомъ кинулись на него, и, оттаскивая отъ невѣсты, вцѣпились, кто во что успѣлъ, иная въ волосы, иная въ лице: это было сущее скопище демоновъ, вскинувшихъ на злополучнаго грѣшника. Остервенѣніе, съ какимъ они терзали и увѣчили несчастнаго жениха, наводило даже ужасъ на окружающихъ. Казалось, что они разорвутъ его на части, или, по крайней мѣрѣ, своротить на сторону его бѣдную башку. Долго продолжалась сія комическая война, но, наконецъ, женихъ успѣлъ разогнать утомившихся старухъ, и разорвать мережи. "Ай-да, Гатальча! Ай-да, молодець!" вскричали въ одинъ голосъ всѣ Камчадалы.

-- Ну хорошо, хорошо! -- говорилъ Тенява побѣдителю. -- Поди же, другъ, готовь

поскорѣ объѣдъ. Въдъ, словно, на твое счастье Митгъ {Морской Богъ, воображаемый въ видѣ огромной рыбы.} выбросилъ намъ кита; такъ давно хочется отвѣдать свѣжинки.

"Неужели молодой у Камчадаловъ долженъ всегда стряпать?" -- спросилъ дьячекъ сидѣвшаго подлѣ него продавца водки, по званію: Фельдшера, а по прозванію: Шангина.

-- Да, всегда! -- отвѣчалъ Фельдшеръ. -- Впрочемъ, что же за диво, когда у Камчадаловъ и все мужики готовятъ ѣду!

"И, кажется, женихъ долженъ всегда работать у тестя?"

-- Да, по нѣскольку лѣтъ иной работаетъ, да еще и ни съ чемъ уйдетъ!

"Отъ чего же?"

-- Да отъ того! Кабы всякой женихъ-та былъ такой же молодецъ, хоть, примѣрно сказать, какъ вотъ этотъ, или какъ ты, Климиъ Степанычъ!...

При семъ словѣ мина самодовольствія явилась на лицѣ дьячка, и онъ тщательно поправилъ воротникъ у долгополага своего сюртука, надѣтаго по случаю пира.

-- Ну полно льстить! -- сказалъ онъ съ при-

творною скромностію.

"Что мнѣ льстить!... -- говорилъ съ усмѣшкою Фельдшеръ. -- А то вѣдь иной рохля по нѣскольку разъ принимается иногда ловить, да напоследокъ, такъ, безъ всякаго успѣха, и домой уѣдетъ, только побои въ барышѣ получить. Да еще что! Случалось, что иной и умретъ, какъ этакія вѣдьмы вышвырнутъ добраго молодца изъ балагана {Балаганъ -- лѣтняя юрта, которая строится на высокихъ столбахъ}."

-- Станный обычай! Чудный обычай! -- повторялъ дьячекъ. -- Однако жъ что касается до работы: то и древніе то же дѣлали, напримѣръ: Іаковъ. Не знаю, былъ ли подобный обычай у другихъ народовъ, но помнится, что Тацитъ, говоря о нравахъ древнихъ Германцевъ, начинается такъ....

"А не лучше ли такъ начать?" -- перебилъ Фельдшеръ, принимаясь за кусокъ китоваго жира, на который Камчадалы уже устремились съ величайшимъ аппетитомъ.

Въ продолженіе стола, если можно назвать такимъ образомъ обѣдъ, происходившій на помостѣ посреди юрты, Камчадалы не забы-

вали, послѣ каждаго куска, пить настойку мухомора, и постепенно приходили въ нѣкоторой родъ бѣшеннаго восторга. Судорожное сотрясеніе членовъ было первымъ дѣйствиємъ мухомора; потомъ веселыя или мрачныя представленія наполнили воображеніе пившихъ, и, смотря по тому, иные изъ нихъ сидѣли въ какомъ-то страшномъ отчаяніи, бросая вокругъ себя мутныя и дикіе взоры, и произнося по временамъ, при внезапномъ трепетаніи всего тѣла, невнятные, безпокойные крики; напротивъ другіе пѣли веселыя, безпутныя пѣсни, и плясали, не помня сами себя. Сохранившіе болѣе прочихъ разсудка наблюдали и болѣе правильности въ пляскѣ, которая также переходила изъ одного рода въ другой, по мѣрѣ увеличенія веселости. Наконецъ, полупьяный Тенява, въ избыткѣ радости во случаю свадьбы, вымѣнявшій за нѣсколько самыхъ лучшихъ соболей нѣсколько небольшихъ чарокъ водки у вышеупомянутаго продавца, пошелъ плясать съ одною изъ женщинъ самый граціозный камчадальской танецъ, въ которомъ, дѣлая одинъ предъ другимъ страстныя

тѣлодвиженія и ужимки, съ нѣжнѣйшимъ выраженіемъ, повторяли: Тенява -- бахіея, бахія! а дама его: хаца, хаца, хацина! -- Всѣ Камчадалы были въ восхищеніи отъ сей пляски, обнаруживая сіе невольными тѣлодвиженіями и частыми порывами на аван-сцену, и всѣ они, сытые и упоенные донельзя, плавали въ наслажденіи полною и неописанною.

Въ сіе время продавецъ водки, видя, что Камчадалы слишкомъ заняты были своими играми, и почти позабыли о немъ, вдругъ началъ укупоривать стоявшую подлѣ него флягу и дѣлать видъ, что хочетъ идти изъ юрты. Тенява первый примѣтилъ сіе, и, бросивъ пляску, схватилъ флягу обѣими руками, и усиленно убѣждалъ купца еще продать ему нѣсколько чарокъ.

"Ну, еще хоть одну чарочку, другъ! Пожалуй-ста дай!"

-- Нѣтъ, нѣтъ, нельзя! Меня просилъ тоіонъ Ганала непременно къ нему заѣхать, а отъ него еще надобно проѣхать къ тоіону Акету, а оттуда....

"Ну, вотъ тебѣ, другъ, еще два соболя: дай

одну чарочку."

-- Экой неотвязной! Нечего дѣлать! Такъ и быть: пей!

"Еще одну!"

-- Нѣтъ, нѣтъ, мы за что въ свѣтъ! Теперь у меня водки наберется и съ осмину, а если не останется, то Ганала, братъ, будетъ сердиться на меня. Прощай, прощай!

"Пожалуй-ста, другъ! Вотъ тебѣ четыре соболя." "

Такимъ образомъ чѣмъ больше продавецъ старался притворно дорожитья водкою, тѣмъ болѣе Камчадалъ наддаывалъ ему соблей. Между-тѣмъ продавецъ присоединялъ еще къ притворству и другой обманъ: фляга, въ которой была водка, раздѣлялась на двѣ половины: въ одной изъ нихъ была налита водка цѣльная, а въ другой разведенная водою. Покамѣстъ Камчадалъ могъ еще различать вкусъ, продавецъ наливалъ ему изъ перваго отдѣленія, а потомъ уже цѣдилъ изъ послѣдняго.

"Ахъ, братъ, Тарей! -- сказалъ протопопъ сидѣвшему подлѣ него тоіону, довольно пожилому, хотя и крѣпкому еще старику -- какъ

это ты терпишь, что брата при твоихъ глазахъ обируютъ?"

-- Какъ терпишь! -- повторялъ съ примѣтною досадою тоіонъ. -- Что-жъ мнѣ дѣлать? И вижу, бачка, да молчу! Шангинъ любимецъ начальника: онъ дѣлать все пополамъ съ нимъ, такъ смѣю ли я осердить его?

"Да что тутъ не смѣть?"

-- Какъ это говорите вы, отецъ Петръ -- возразилъ также сидѣвшій съ намъ старикъ небольшого роста, съ плѣшивою головою, быстрыми, исполненными огня глазами и вообще съ умною фізіономією: это былъ нѣкто Зуда, переводившій для извѣстнаго волынскаго сочиненія Махіавеля, и по паденіи его посланный въ Камчатку. -- Какъ это вы говорите: что не смѣть? Развѣ вы не знаете Антона Григорьевича? Да трони-ка Тарей Шангина, такъ онъ задереть его до-смерти!

"Къ несчастію, это почти правда!" -- сказалъ протопопъ, вздохнувши.

-- Разумѣется, что правда! Злой начальникъ -- продолжалъ Зуда -- здѣсь все сдѣлать можетъ, да и суда не скоро найдешь. Ужъ подлинно сказать: здѣсь до Бога высоко, до Царя

далеко."

"До Бога -- возразиль протопопъ -- мы всегда не далеко! Помощь Его всегда готова!"

-- Такъ, отецъ Петръ! Да отъ Царя-то далеко; а потому то начальники здѣсь весьма скоро и забываются. Власть вдали отъ Престола удивительно какъ соблазнительна! Чай, помните вы, какъ покойный охотской начальникъ Кохъ, говариваль: на небѣ Богъ, а на землѣ Кохъ?

"Какъ не знать! Я лично былъ знакомъ съ Кохомъ. Впрочемъ, онъ былъ человѣкъ весьма добрый."

-- Вотъ видите: онъ былъ и добрый человѣкъ, а какъ заѣхаль въ Охотскъ, такъ ужъ выше себя ни кого не ставиль! А, кажется, велика ли была птица? Всего коллежскій ассессоръ!

"А развѣ не бывало здѣсь -- возразиль протопопъ -- и истинно добрыхъ начальниковъ, напримѣръ: хоть покойникъ Ниловъ?"

-- Безспорно, отецъ Петръ, бывали; но все худыхъ какъ-то больше навертывалось. Сначала, правда, всякой старается показаться хорошимъ, а тутъ и начнетъ кутить не въ свою

голову: чѣмъ дальше, тѣмъ хуже, покамѣстъ не дойдетъ до намѣстника, да не спехнуть раба Божьяго съ мѣста.

"Что же дѣлать, Абрамъ Васильевичъ? Наша обязанность все-таки повиноваться. "Повинитесь -- сказано -- убо всякому начальству Господа ради: аще Царю, яко преобладающе, аще ли Княземъ, аки отъ него посланнымъ, въ отмщеніе убо злодѣямъ, въ похвалу же благодѣтелемъ."

-- Вотъ-то и есть, отецъ Петръ! Царь, конечно, посылаетъ всякаго начальника съ этимъ благимъ намѣреніемъ, да они-то, къ несчастію, дѣлаютъ на оборотъ, и какъ заѣдутъ въ этакую глушь, какъ, на примѣръ, здѣшняя благословенная земляца, такъ ужъ и несутъ себя выше Ивана Великаго; ужъ никто не смѣй и подумать поступить противъ ихъ воли! Слышали вы, что случилось, мѣсяца съ два назадъ, съ засѣдателемъ Хапиловымъ?

"Что такое?"

-- А то, что Хапиловъ подалъ по одному дѣлу мнѣніе, несогласное съ волей Антона Григорьевича, такъ тотъ и приказалъ посадить его въ бочку, да спустить на воду.

"Отъ него все станется!" -- говорилъ протопопъ, пожимая плечами.

-- Теперь разсудите: если съ чиновниками такъ поступаютъ, то гдѣ же бѣдный человѣкъ, какой-нибудь Камчадалъ, найдетъ защиту?

"А знаешь, Абрамъ Васильевичъ, пословицу: страшень судъ, да милостивъ Богъ? Я на него надѣюсь!"

-- Это хорошо, отецъ Петръ; но я кстати напомню вамъ другую пословицу: на Бога надѣйся, а самъ не плошай. Почему бы вамъ не поговорить съ Антономъ Григорьевичемъ?

"Было говорено не разъ, Абрамъ Васильевичъ, и стороною, и прямо: все попусту! Тутъ какъ въ притчѣ сѣятеля, слова падаютъ въ терніе, и взыде терніе, и подави э, и плода не даде!"

-- А когда такъ -- говорилъ Зуда, понизивъ голосъ -- я бы на вашемъ мѣстѣ описалъ бы все начальству; кому же повѣрятъ, если не вамъ?"

-- Абрамъ Васильевичъ!-- сказалъ протопопъ также тихимъ голосомъ -- я давно знакомъ съ тобою, такъ могу сказать тебѣ откровенно:

я уже обо всемъ этомъ писалъ къ преосвященному; и хотя напередъ знаю, что мнѣ тутъ придется много вытерпѣть: меня могутъ очернить, оклеветать, взвести на меня то, что мнѣ и на умъ не впадало; но я сказалъ себѣ: да будетъ во всемъ воля Господня! Я не наемникъ, а пастырь своего стада, и Господь видитъ, что я готовъ положить душу свою за овцы."

-- Прекрасное чувство! -- воскликнулъ Зуда съ жаромъ. -- Благородное, истинно христіанское чувство! Ахъ, отецъ Петръ! я васъ уважалъ всегда, но теперь буду уважать еще во сто кратъ болѣе! Вы истинный благодѣтель Камчатки!"

"Но я увѣренъ, Абрамъ Васильевичъ -- отвѣчалъ протопопъ -- что если мнѣ и не удастся открыть истину, то все-таки, рано или поздно, она откроется. Зло таиться вѣчно не можетъ. Дойдетъ вѣсть до Государыни: тогда и нашъ праздникъ наступитъ!"

-- Но тогда намъ врядъ ли уже увидѣть это время! -- замѣтилъ Зуда. -- Впрочемъ я о себѣ и не думаю; грустно только на другихъ смотрѣть. Вотъ скоро тридцать пять лѣтъ ис-

полнится, какъ я живу въ Кууюхченѣ, и мнѣ весьма замѣтно, какъ народъ годъ-отъ-году все бѣднѣетъ да бѣднѣетъ.

"Да, правду сказать -- подхватилъ тоіонъ -- ужъ и не въ мочь приходитъ! Вѣдь, легко ли? Каждый годъ собираютъ съ насъ для начальника по десяти соболей съ души, сверхъ царскаго ясака; да еще, если понесетъ куда-нибудь его нелегкая, такъ всѣхъ собакъ для него собьютъ да переморятъ, такъ что у инаго Камчадала ни одной собаки не останется послѣ его проѣзда, а безъ собакъ нашему брату, бачка, какъ жить? Ни выйти, ни выступить не куда! Сиди, склавши руки, да умирай съ голоду! Въ конецъ разоряютъ, бачка, да и только!"

Ахъ, братъ Тарейя! на начальниковъ жаловаться вы мастера, а не видите, что ваша гибель отъ невоздержности, да отъ пьянства: это братъ, губить вашихъ родовичей больше, чѣмъ всякіе поборы! Тамъ вы отдадите въ годъ десять соболей, а тутъ потеряете за разъ двадцать. Смотри-ка на брата! Ахъ, Господи, какъ грянулся! Вѣдь Шангинъ хоть до смерти радъ запоить!...

"Что жъ дѣлать, бачка? Я те сказалъ, что не смѣю."

-- Боже мой! -- говорилъ протопопъ съ жаромъ неудовольствія, обращаясь къ Зудѣ -- какъ бываютъ люди безчестны! Даже повѣрить трудно!

"Эй, Шангинъ!"

Фельдшеръ, хотя во все время разговора протопопа съ Зудою и тоіономъ откидывалъ ухо, дабы узнать содержаніе онаго, но когда протопопъ позвалъ его, притворился будто не слышитъ.

"Шангинъ!" повторилъ протопопъ.

-- Что вамъ угодно, ваше высокоблагословеніе? Извините, въ шуму-то ничего не слышно.

"Скажи пожалуй-ста, какъ не стыдно тебѣ пользоваться глупостію и простотою другаго? Вѣдь, ты называешься христіаниномъ, а Христось, брата, обманывать не велѣлъ!"

-- Да кого же я обманывалъ?

"Послушай, Шангинъ! Не спорь со мною: отдай, по крайней мѣрѣ, половину изъ того, что ты выманилъ, да и убирайся съ Богомъ: съ тебя и того будетъ довольно!"

-- Да помилуйте! Да что это, Господи Боже мой! Ужъ я свое добро отдавать стану! Вотъ тебѣ разъ! Вѣдь, я не укралъ у него: онъ самъ меня тащилъ да просилъ....

"Ну, если ты еще будешь со мной спорить, такъ я раскрою весь твой обманъ."

-- Да, пожалуй, раскрывайте, что знаете! Меня еще и самъ начальникъ обманщикомъ-то не называлъ! Еще я своими трудами живу! Да...

"Горячиться, любезный, не для чего! Лучше скажи-ка мнѣ: отъ-чего у твоей фляги два кра-на?"

-- А вамъ какая надобность? Да что такое, Господи! Вотъ-те еще!

"Хорошо! Когда ты не хочешь сказать этого самъ, такъ я расскажу все. Послушайте вы, Камчадалы! Вотъ васъ какъ обманываютъ...."

Протопопъ объяснялъ обманъ Фельдшера. Камчадалы, выслушавъ его, какъ они ни кротки и ни миролюбивы, на сей разъ, противъ всякаго ожиданія, пришли въ ужасную ярость, и разбивъ въ дребезги флягу, принялись было и за самага хозяина, такъ что обманъ его обошелся бы ему весьма дорого, ес-

ли бы самъ же протопопъ не уговорилъ ихъ; однакожь, не смотря на сіе заступленіе, Фельдшеръ, выходя изъ юрты, кинулъ на своего защитника самый ужасный взоръ, и ворчалъ, стиснувъ зубы: "добро ты, сѣдая борода! Ты путемъ поплатишься со мою за свою штуку!"

V. МИЧМАНЪ.

Шумъ, происшедшій при изгнаніи продавца водки, привлекъ въ юрту еще двухъ человекъ, до того времени прогуливавшихся по берегу моря. Одинъ изъ нихъ былъ юноша, довольно высокаго роста, статный и прекрасный собою, но примѣтно изнуренный болѣзнію; а другой -- молодая, миловидная дѣвушка, по видимому не Русская и не Камчадалка: ибо къ правильнымъ, прелестнымъ чертамъ лица и большимъ чернымъ, огненнымъ глазамъ присоединялись смугловатый цвѣтъ и черные волосы. Узнавши о неважности происходившей ссоры, они опять принялись, по видимому, за прерванный разговоръ и, казалось, вовсе ничего не видѣли изъ окру-

жавшаго ихъ.

-- Неужели вы не отыскали своихъ родителей, когда и выросли? -- спросила дѣвушка съ глубочайшимъ участіемъ.

"Я не имѣлъ ни малѣйшей возможности этого сдѣлать. Въ воображеніи моемъ совершенно изгладился ихъ образъ, и самое похищеніе мое весьма слабо обрисовывается въ моемъ умѣ: видится, точно какъ въ сновидѣніи, какой-то праздникъ, такое множество народу, огромный садъ -- и все это такъ сливается съ мечтою, что я почти самъ не знаю: сонъ ли это дѣйствительно, или существенность. Одна Марина могла сказать мнѣ объ этомъ; но она была сослана въ Сибирь, и сколько ни старался я, даже и въ нынѣшній проѣздъ мой, узнать, гдѣ она находится, ни какъ не могъ."

-- О какъ тяжело это слышать! -- сказала дѣвушка, глубоко вздохнувъ. -- Не знать: кто твой отецъ и мать! Ахъ, Боже мой! Можетъ быть, и они также васъ ищутъ и сокрушаются объ васъ!

"Что дѣлать, когда такъ угодно судьбѣ?"

-- А за что же была сослана Марина? Вѣрно,

открылся злодѣйской ея поступокъ съ вами?

"Нѣтъ, не за это; но Провидѣніе въ самомъ дѣлѣ употребило меня орудіемъ для наказанія ея. Сбившись однажды съ настоящаго пути, человѣкъ обыкновенно переходитъ отъ одного преступленія къ другому; то же случилось и съ нею. Она свела дружбу съ шайкою воровъ, и исправляла должность ихъ шпиона, высматривая въ лавкахъ и домахъ: которые изъ нихъ богаче, и какъ лучше ихъ обокрасть. Съ этою цѣлію мы посѣщали съ нею одного богатаго помѣщика: это былъ, надобно вамъ сказать, заслуженный морякъ, человѣкъ умный и добрый. Онъ любилъ вообще дѣтей, и всякой разъ, когда я приходилъ къ нему съ Мариною, ласково разговаривалъ со мною, полюбилъ меня, и даже, наконецъ, просилъ Марину отдать ему меня, обѣщая сдѣлать меня счастливымъ. Марина, подъ разными предлогами, уклонялась отъ выполненія этой просьбы, и, какъ помню, жестоко била меня, когда я осмѣлился-было просить ее объ этомъ самъ..."

-- Какая злая женщина! Боже мой! Я никогда не могла вообразить, чтобы люди могли

быть такъ злы!

"А между-тѣмъ свѣтъ исполненъ подобными людьми, только-что скрывающимися подъ благовидною наружностію!"

-- О! если такъ, то дай Богъ, чтобы я никогда не видала этого свѣта.

"Однакожъ, Марія, свѣтъ не должно представлять вертепомъ разбойниковъ: между множествомъ злыхъ есть весьма много и людей добродѣтельныхъ. Я это испыталъ на себѣ, когда освободился изъ рукъ моей похитительницы..."

-- Но такъ же вы освободилось отъ нея?

"Въ одно время возвратившись съ Мариною отъ того помѣщика, о которомъ я говорилъ вамъ, я подслушалъ разговоръ ея съ разбойниками, которые совѣтовались съ нею; когда и какъ лучше ограбить этого добраго старика. У меня закипѣло сердце, потому-что (припишите это Провидѣнію, или чему хотите), не смотря на окружавшіе меня порочные примѣры, я сохранилъ непорочность сердца, и чувствовалъ величайшее отвращеніе и отъ Марины и отъ ея злыхъ сообщниковъ. Такимъ образомъ я рѣшился, во что бы-то ни ста-

ло, увѣдомить помѣщика о злодѣйскомъ умыслѣ противъ него. И, улучивъ случай, исполнилъ мое намѣреніе. Разбойники были переловлены; съ ними попала въ часть и Марина. Я пересказалъ помѣщику мои подозрѣнія, что я не сынъ Марины, и онъ старался узнать отъ нея о моихъ родителяхъ; но, признавшись въ моемъ похищеніи, она, по какой-то непонятной ненависти къ нимъ, не хотѣла сказать объ нихъ ни слова, не смотря ни на убѣжденія, ни на угрозы. Тайна эта погибла вмѣстѣ съ нею."

-- Ахъ, Боже мой! какъ это ужасно! -- воскликнула Марія.

"По крайней мѣрѣ -- продолжалъ ея собесѣдникъ -- это признаніе хотя не удовлетворило полнѣ нашимъ желаніямъ, но послужило къ подтвержденію моихъ словъ, и помѣщикъ съ тѣхъ поръ еще болѣе началъ заботиться обо мнѣ и, наконецъ, даже усыновилъ меня. И не только по названію, но и по удивительной, самой родительской нѣжной любви ко мнѣ, онъ дѣйствительно былъ для меня самый чадолюбивый отецъ. Года проходили. Я вступилъ, по ходатайству его, въ мор-

скую службу и получилъ наконецъ чинъ мичмана. Любимый начальниками и товарищами, я считалъ себя совершенно счастливымъ, и думалъ только о томъ, какъ бы быть вполне достойнымъ попеченій, оказанныхъ мнѣ моимъ благодѣтелемъ. Но въ сіе время я вдругъ получаю печальную вѣсть, что онъ, проигравъ одну, совершенно правую со стороны его, тяжбу, лишился всего имѣнія и сдѣлался почти нищимъ. Я не могъ слышать о семъ равнодушно, и въ ту же минуту рѣшился пожертвовать для него всѣмъ тѣмъ, что только было въ моей власти; словомъ, пожертвовать собою. Я оставилъ службу, и нанялся у купеческой компаніи, съ тѣмъ, чтобы большую часть моего жалованья отдавали на содержаніе моего отца. Онъ умолялъ меня со слезами отказаться отъ сего; но дѣло было уже кончено, и намѣреніе мое твердо. Притомъ надобно сказать, какая-то непреодолимая судьба влекла меня въ эту страну, и можетъ быть (почему знать?), я найду здѣсь то счастье, котораго нѣтъ на землѣ ничего выше и которое въ другомъ мѣстѣ я искалъ бы напрасно...."

При семь словъ въ большихъ голубыхъ глазахъ юноши, устремленныхъ на его собесѣдницу, блеснулъ тотъ яркой, пламенный взоръ, которымъ душа, исполненная любовію, невольно высказываетъ иногда страстно любимому ея существу всю полноту и силу своихъ чувствованій.

"Ахъ! я ужъ просила васъ нѣсколько разъ -- говорила дѣвушка съ самымъ непритворнымъ равнодушіемъ -- пожалуйста не смотрите на меня такъ: мнѣ, право, становится какъ будто чего-то стыдно, когда вы такъ пристально посмотрите на меня."

-- О милая! о невинная Марія! -- думаль юноша -- можно ли видѣть тебя и не смотрѣть на тебя? однакожь, не смѣя произнести сихъ словъ, онъ помолчалъ нѣсколько времени и продолжалъ разсказъ:

-- Трудно повѣрить -- говорилъ онъ -- отъ какой маловажной причины погибъ нашъ корабль!

"Отъ какой же это"?

-- Прикащикъ компаніи пожалѣлъ заплатить печнику, клавшему на гальотѣ печь, одного рубля, и злодѣй, сказавъ: "хорошо! я

сдѣлаю вамъ такую печь, которую болѣе разу не истопятъ" -- сдержалъ свое слово. Вы уже знаете остальное. Ахъ, Марія! вы дважды спасли мою жизнь: отъ моря и отъ болѣзни и, вѣрно, не захотите отнять ее у меня сами?...

"Ахъ! что это говорите вы! Боже! сохрани меня. Какъ это можно?"

-- Есть, Марія, разныя средства отнимать жизнь; напримѣръ, если вы скажете: я не люблю тебя....

"Нѣтъ, я этого не скажу, потому-что я люблю васъ...."

Пусть тотъ, кто еще помнятъ свой первый разговоръ любви, дополнить въ своемъ воображеніи начатый выше и представить себѣ то сладостнѣйшее чувство, которымъ исполнилось сердце счастливаго юноши, услышавшаго толь невинное и толь неожиданное признаніе въ любви къ нему. Онъ ничего не видѣлъ и не слышалъ болѣе, и вся вселенная заключилась для него въ сихъ трехъ волшебныхъ словахъ: "я люблю васъ!"

Между-тѣмъ глаза ревности, отъ которыхъ не утаивается и самое сокровенное чувство любви, смотрѣли на него и на его подругу

весьма зорко. Дьячекъ, съ которымъ мы уже познакомились въ предъидущихъ главахъ, не забывъ поцѣловаться нѣсколько разъ съ чаркою купца, хотя и былъ занятъ разговоромъ съ одною старою Камчадалкою, толкуя ей съ величайшимъ жаромъ: что такое называется существомъ абсолютнымъ, однако жъ посматривалъ скоса и на нашихъ любовниковъ, обуреваясь такимъ образомъ двумя равносильными страстями.

"Вотъ видишь ты -- говорилъ онъ -- абсолютъ есть.... Экой каторжный! не успѣлъ появиться, а ужъ и умѣлъ подладится.... абсолютъ есть...."

-- Понимаю, понимаю, бачка! отвѣчала Камчадалка, перебивъ его рѣчь -- обсолить да ъсть. Вѣстимо что соленое лучше, да только соль-та здѣсь шибко дорога: шестьдесятъ рублей пудъ!

"Не то ты говоришь, старуха! -- возразилъ дьячекъ съ неудовольствіемъ. -- Я тебѣ толкую о Богѣ, который у насъ, ученыхъ, называется: абсолютъ."

-- Вишь ты, какое мудреное прозвище дали! А у насъ такъ называютъ Бога просто:

Кутха да и полно!

"Кутха! Это отъ того.... Экой варнакъ! Глазами-то словно съѣсть хочеть!... Это отъ того, что вы еще не озарены божественнымъ свѣтомъ философіи, которая уже давно отвергла старинное названіе: Богъ, и именуеть начало и причину всѣхъ вещей *primus motor*, существомъ абсолютнымъ.... Чортъ тебя вытащилъ изъ моря-то! Хоть бы тебя въ омутъ какой-нибудь обрушило!... существомъ абсолютнымъ, тетка! слышишь ты или нѣтъ?"

Въ это время Камчадалка, не обращая вниманія на его слова, смотрѣла съ величайшимъ любопытствомъ и удивленіемъ, какъ одинъ изъ Камчадаловъ выбрасывалъ въ оночь, съ помощію двухъ палокъ, по-камчадалски: андроновъ, потухшія головни, что у Камчадаловъ вообще почитается необходимымъ искусствомъ для ихъ щеголей и фанфароновъ, какъ у насъ французская кадрили и т. п.

-- Да что ты не слушаешь, тетка? -- продолжалъ дьячекъ. -- Куда ты глаза-то вытаращила? Вѣдь я тебѣ толкую о важнѣйшей истинѣ, а ты....

Въ это мгновеніе одна изъ выбрасываемыхъ головней задѣла о крышу, и отскочивъ отъ нея, ударила въ лобъ дьячка съ такою силою, что онъ упалъ съ-размаху навзничь. Пьяные Камчадалы, вмѣсто того, чтобы помогать ему, подняли хохоть. Одинъ мичманъ бросился-было къ нему, но дьячекъ, опомнившись, оттолкнулъ его отъ себя, вскричавъ съ запальчивостію. "Не прикасайся ко мнѣ: я знаю, кто ты таковъ!" Мичманъ съ удивленіемъ взглянулъ на разсерженнаго дьячка, не понимая причины его гнѣва, и, въ совсѣмъ не въ томъ расположеніи, чтобы сердиться на кого бы то ни было, оставилъ его безъ отвѣта.

VI. ПОКАЯНІЕ.

Между-тѣмъ, какъ длился описанный въ предъидущей главѣ разговоръ, плясавшіе Камчадалы, у коихъ искуснѣйшимъ плясуномъ почитается тотъ, кто всѣхъ перепляшетъ, оспоривая другъ у друга пальму первенства, выбились наконецъ совершенно изъ силъ, пріутихли, разсѣвшись на нарахъ, начинали дремать. Казалось, тихой, если не ангелъ, по-

крайней-мѣрѣ, гамульъ покрыль ихъ своею куклянкою, и юрта стала отдыхать отъ шума, продолжавшагося нѣсколько часовъ сряду. Но вдругъ эта давно ожидаемая тишина была прервала происшествіемъ, имѣвшимъ комическое начало и самый трагическій конецъ.

Отецъ невѣсты, за неимѣніемъ водки послѣ купца, еще хватившій на-радостяхъ добрую порцію мухомора, совсѣмъ обезпамятѣль. Онъ лежалъ долгое время въ совершенномъ забытіи посреди юрты, и потомъ, блѣдный какъ смерть, съ мутными, испуганными глазами, вдругъ вскочилъ на ноги, и закричалъ изо всей силы: "Ай! ай! земля проваливается подо мною! пламень пышетъ изъ пропасти! адъ хочетъ меня проглотить живаго!... Куда мнѣ дѣваться? куда бѣжать?... вонъ они! вонъ!... вонъ! Кутха идетъ наравнѣ съ облаками и перешагиваетъ черезъ горы! Вонъ Пилучей несется на червой тучѣ и хочетъ ударить меня громовою стрѣлою! Чу! какъ закрутились подъ нимъ вихри и завывала буря! а вонъ и Митгъ, какъ огромный островъ, несется по морю и грозитъ мнѣ широкою пастью! А вонъ, вонъ и Гаечъ {Богъ ада.} уста-

вилъ на меня изъ пропасти большіе глаза, какъ огненные сопки, и протянулъ ко мнѣ двѣ руки, какъ двѣ листовяни! А сколько духовъ закопошилось и въ водѣ, и въ воздухѣ, и въ пламени! Хоть перебери пальцы всѣхъ Камчадаловъ, хоть всѣ волосы выдери у нихъ изъ головъ -- всѣ будетъ мало: имъ нѣтъ счету {Камчадалы считаютъ по пальцамъ, и когда переберутъ пальцы на рукахъ и ногахъ, тогда хватаются за волосы, это значить число несмѣтное.}! И всѣ на меня сверкаютъ огненными глазами! и всѣ грозятъ мнѣ окровавленными чекушами {Чекуша -- военное оружіе, состоящее изъ развилины, съ четырьмя рогами, насаженный на длинную палку.}?... О боги и духи! помилуйте меня многогрѣшнаго! (Камчадаль упалъ на колѣна). Помилуйте и пощадите! Я каюсь въ грѣхахъ моихъ: пилъ я, грѣшный, горячія воды, мылся ими и всходилъ на горѣлыя сопки; ссорился съ женой за кислую рыбою; отскабливалъ, окаянный, ножемъ снѣгъ съ канасовъ; точилъ, многогрѣшный, топоры и ножи въ дорогѣ, и даже -- какъ осмѣлюсь и сказать это? -- обдиралъ собакъ прежде наступленія великаго

праздника; грѣховъ очищенія {Праздникъ сей, по-камчадальски; Чужлинвечъ, бываетъ въ ноябрѣ; почему мѣсяць сей называется тѣмъ же именемъ. Вообще Камчадалы раздѣляютъ годъ на десять мѣсяцевъ, но по измѣненіямъ Луны, но по роду своихъ занятій, соотвѣтствующихъ извѣстному времени года и по другимъ отношеніямъ. Напримѣръ: декабрь называютъ Кукамлин-линачь, т. е. отъ большихъ морозовъ ломаются топорыща.}! Пощадите меня и спасите!"

Произнося сіе, Камчадалъ упалъ ницъ и, казалось, не смѣлъ поднять головы. Однородцы его, слушая его признаніе, произведенное дѣйствіемъ мухомора, тихомолкомъ надрывались отъ смѣха, какъ бы узнавъ о такихъ поступкахъ, въ которыхъ добровольно не всякой покается. Между-тѣмъ, смотря на нихъ, было еще труднѣе, нежели имъ, удержаться, чтобы не захохотать, и Зуда по характеру своему склонный къ насмѣшкѣ, не могъ остаться безъ замѣчанія. "Смотри пожалуй -- говорилъ онъ съ улыбкою -- какой злодѣй! Шутка ли, сколько проказъ надѣлалъ; чистилъ подошвы, да обдиралъ собакъ! Врядъ-ли, братъ, про-

ститъ тебѣ это твой Кутха, и не отшлѣпаетъ порядкомъ лыжами!"

-- Ахъ, Боже мой! -- говорилъ протопопъ -- этилюди заслуживаютъ болѣе сожалѣнія, нежели насмѣшки.

"А мнѣ такъ кажется -- возразилъ съ важностію дьячекъ, тутъ-же бывшій -- что ни того, ни другаго."

-- О! когда вы говорите это -- подхватилъ Зуда -- то ужъ безъ сомнѣнія такъ. Но повѣдай же намъ высокую мысль твою, *vir excellens*" (мужъ знаменитый).

"На вашу шутку -- отвѣчалъ дьячекъ, любившій также иногда отпускать плоскія остроты, и особенно послѣ поцѣлуевъ съ чаркою -- и ябуду отвѣчать то же шуткою; ты рѣчешь, что я мужъ знаменитый!"

-- Перестань, Степанычъ, кощунствовать -- сказалъ протопопъ. -- Ты знаешь: я не люблю этого. Если хочешь что сказать, говори, а дѣло съ бездѣльемъ не путай.

"Извините, не стану, отецъ Петръ! Я хотѣлъ сказать, что въ существѣ нѣтъ въ мірѣ ни добродѣтели, ни порока; все зависитъ отъ закона."

-- А я тебѣ на это скажу просто -- говорилъ протопопъ -- что ты врешь. Зло и добро въ міръ существуютъ искони, и законъ только указываетъ то и другое. Потому что и сказано: грѣха не знахъ, точію закономъ. Слѣдовательно: если законъ святъ, то и указанія его истинны; если же....

"Все такъ, конечно; но..."

-- Полно ты со своимъ но....

"Ахъ, пожалуйста -- перебилъ Зуда -- не мѣшайте ему. Оканчивайте вашу премудрую рѣчь, оканчивайте господинъ почтеннѣйшій, Domine clementissime, honoratissime...."

-- Называйте меня, какъ хотите -- отвѣчалъ дьячекъ, который, бывъ и безъ того въ разстроенномъ состояніи духа отъ прежняго происшествія, хотя и желалъ, какъ видѣли мы выше, отдѣлаться отъ Зуды шуткою, но не могъ выдержать вторичнаго нападенія -- называйте меня, какъ хотите, но я вамъ скажу рѣшительно: что для васъ темнота и мракъ, то для меня яснѣе солнца; что я читалъ, того ужъ вамъ прочесть не удастся!

"Не спорю съ вами, Vir lectissime! Я знаю, что вы всѣхъ умнѣе на свѣтъ...."

-- И безъ всякаго сомнѣнія.

При семь словъ Зуда захохоталъ отъ всей души, а дьячекъ, выйдя изъ себя и покраснѣвъ какъ ракъ, съ гнѣвомъ повторялъ ему: "да, да, умнѣе! смѣйся, сколько хочешь, а я...."

"Полно хвастать, Степанычъ! -- сказалъ протопопъ. -- Кто самъ себя возвышаетъ, того Богъ унижитъ. Знаешь, сказано: смирайся, да вознесется, а возносящійся смиренъ будетъ..."

-- Да помилуйте, отецъ Петръ, преобидно слушать этакія насмѣшки!

"Эхъ, братецъ! перестань! Онъ шутитъ, а ты изъ кожи лѣзешь! Смотри лучше, чѣмъ окончится эта комедія."

Дьячекъ замолчалъ, но поглядывая изъ подлобья на Зуду, кажется, еще въ первый разъ отъ-роду употребилъ съ пользою познаніе свое древнихъ писателей, припоминая изъ нихъ разныя бранныя выраженія.

Въ продолженіе сихъ цитатъ Камчадалъ, разбираемый мухоморомъ, опять вскочилъ съ бѣшенствомъ на ноги, и вскричавъ: "мухоморъ мнѣ велѣлъ убить стараго попа, и перерѣзать всѣхъ Русскихъ" -- выдернулъ изъ-

за пояса ножъ, и кинулся на протопопа. Это было сдѣлано такъ неожиданно и такъ быстро, что всѣ, бывшіе въ юртѣ, можно сказать, едва только успѣли ахнуть, и Камчадалъ, схвативъ протопопа за грудь, занесъ на него ножъ. "Умри, попъ!" -- вскричалъ онъ. Въ это мгновеніе мичманъ, неустрашимый, ловкой и сильный, оправившись отъ перваго впечатлѣнія, быстро схватилъ убійцу за руку, и отбросилъ его съ невѣроятною силою на середину юрты. Протопопъ, сколь ни былъ въ душѣ готовъ умереть каждую минуту, но не могъ, однакожъ, не почувствовать трепету, по слабости человѣческой природы. Пораженный изумленіемъ, онъ не успѣлъ еще сказать ничего мичману, какъ сей послѣдній кинулся на помощь Маріи, которая отъ ужаса упала въ обморокъ, продолжавшійся нѣсколько минутъ. Протопопъ не столько словами, какъ самымъ дружескимъ пожатіемъ руки выразилъ благодарность своему избавителю, и потомъ вмѣстѣ съ Зудою также началъ хлопотать около больной. Наконецъ, раскрывъ глаза, и какъ бы не довѣряя своему зрѣнію, она спросила едва слышнымъ голосомъ: "дѣдушка! это

вы ли?"

-- Слава Господу Богу! я, моя милая! Вотъ мой защитникъ! (протопопъ указаль на мичмана.) Онъ успѣль удержать ножъ, а то ужъ болѣе тебѣ не видать бы меня.

Яркой румянецъ двойкой радости покрыль мгновенно блѣдныя щеки Маріи.

"Ахъ, любезный дѣдушка!..."

Она не могла ничего сказать болѣе и, цѣлуя руку дѣда, заливалась слезами. Старикъ самъ едва удерживался отъ слезъ, но перемогъ себя.

-- О чемъ же ты плачешь, моя милая? -- спросиль онъ Марію.

"Сама не знаю о чемъ; но сердце такъ и бьется во мнѣ, какъ будто выпрыгнуть хочетъ."

-- Успокойся, душа моя! и поблагодари лучше, во-первыхъ, Господа Бога, а во-вторыхъ....

"О Боже мой! ты видишь, что я чувствую...."

-- А во-вторыхъ, Виктора Ивановича....

"Ахъ, перестаньте, ради Бога! -- прерваль мичманъ. -- Можно ли поминать о такой малости? Если бы и тысячу разъ еще я спасъ ва-

шу жизнь, и тогда все еще былъ бы у васъ въ долгу!..."

-- Благородный человекъ! -- говорилъ протопопъ, крѣпко обнявъ мичмана -- не даромъ сердце мое полюбило тебя съ перваго взгляда: чѣмъ больше узнаю тебя, тѣмъ больше любить тебя начинаю....

"Точно, дѣдушка! -- подхватила Марія -- вы не ошибаетесь въ немъ; я сама люблю его болѣе себя."

-- Что ты говоришь это, дитя мое милое?

"Она говоритъ то, что чувствуетъ! -- произнесъ съ жаромъ мичманъ. -- И если безродный, оставленный всѣми, кромѣ Бога, сирота и бѣднякъ, можетъ, не обижая васъ, изъяснить свои чувства, то и я скажу вамъ: я люблю ее!"

-- И ты тоже любишь меня! -- вскричала съ восхищеніемъ Марія.

"Перестаньте, переставьте, дѣти мои! -- сказалъ протопопъ со слезами на глазахъ. -- Теперь не мѣсто и не время говорить объ этомъ. Мой совѣтъ: молиться больше Богу, такъ все устроится по вашему желанію."

Марія кинулась на шею късвоему дѣду, и

обнимая его, твердила: "Любезный дѣдушка! милый дѣдушка!" Мичманъ, отъ избытка сердечной радости, не говорилъ ни слова, и только тоже порывался въ объятія старика. Вообще вся группа представляла эмблему счастья самаго чистаго, самаго свѣтлаго.

"Боже Всемогущій! -- думаль Зуда, смотря на сію картину -- сколь мало нужно человѣку, чтобы быть истинно счастливымъ, и какъ много желаетъ онъ, чтобы достигнуть этого!"

Совершенно противныя мысли занимали дьячка. Онъ почти обезумѣлъ отъ всего случившагося предъ нимъ. Сперва, вытаращивъ глаза и разинувъ ротъ, онъ сидѣлъ въ смѣшномъ изумленіи, а потомъ, вскочивъ на ноги и выльзая проворно изъ юрты, произнесъ съ значительною миною: "Справедливо сказалъ ты, мудрѣйшій изъ людей, велемудрый Спиноза, что вселенная управляется случаемъ! Такъ и есть! Чѣмъ, на примѣръ, эта гадина лучше меня: умнѣе ли, ученѣе ли, ловчѣе ли, а вотъ подите: счастье, да и только!"

VI. САМОУБІЙСТВО.

Безумствующій Камчадалъ, еще нѣсколько минутъ пролежалъ въ безпамятствѣ. -- "Возмите его! -- сказалъ протопопъ -- и отнесите поскорѣе на нары: вишь, онъ совсѣмъ безъ чувствъ." Но едва протопопъ сіе выговорилъ, какъ Камчадалъ, вскочивъ опять на ноги, завопилъ ужаснымъ голосомъ: "Братъ! помни клятву, и поминай меня: вонъ стоитъ мухоморъ, и велить мнѣ себя зарѣзать." Съ симъ словомъ онъ занесъ на себя ножъ. Всѣ бросились, чтобы удержать его, но онъ успѣлъ уже перерѣзать себѣ горло, и, обливаясь кровью, покатился по юртѣ. Протопопъ, Зуда, мичманъ и особенно Марія, были поражены симъ происшествіемъ; но Камчадалы, вообще мало дорожащіе жизнію и склонные къ самоубійству, смотрѣли на эту сцену весьма равнодушно, а жена самоубійцы и двѣ ея прислужницы, не показавъ мы малѣйшаго испуга, тотчасъ приняли извѣстныя имъ средства для его спасенія. Они обмылирану, опутали больнаго ремнями, и потомъ прислужницы стали подлѣ него съ андронами, дабы отгонять ими смерть, а жена, между-тѣмъ, помѣстившись позади его, шепта-

ла надъ нимъ разные наговоры, также для отогнанія смерти; однакожь ни палки, ни наговоры не испугали старой хрычевки, и, откуда ни взявшись, она утащила, по обыкновенію, свою жертву въ извѣстное одной ей мѣсто. Кончина сего несчастнаго также произвела больше впечатлѣнія на нашихъ путешественниковъ, нежели на его родовичей и родственниковъ, которые, увидѣвъ, что онъ уже умеръ, преравнодушно навязали веревку ему на шею, вытащили его изъ юрты, и бросили около нея, какъ вещь уже отжившую свой вѣкъ и ни на что болѣе непригодную.

-- Вотъ самое Діогеновское погребеніе! -- сказалъ Зуда, обращаясь къ протопопу. -- Кажется, хуже нельзя пожелать и величайшему тирану, какого могъ бы только вообразить хотя бы самъ Махіавель.

"Ахъ, Абрамъ Васильевичъ! -- говорилъ протопопъ -- какъ ты можешь шутить надъ этимъ? А у меня-такъ сердце обливается кровью, когда смотрю на это несчастное заблужденіе."

-- Вотъ! заблужденіе! Напротивъ, ничего не

можетъ быть лучшаго. Такъ ли, братъ, Тарей?

"И конечно такъ, бачка! -- подхватилъ тоіонъ. -- Кого съѣдятъ собаки, тотъ самъ будетъ на томъ свѣтѣ ѣздить на добрыхъ собакахъ."

-- Полно, братецъ! -- возразилъ протопопъ -- какъ тебѣ не стыдно вѣрить этакому вздору? Пора вамъ отстать отъ него! Ты самъ видишь, до чего вы доходите! и сколько я разъ твердилъ объ этомъ: быть худу! Незнаніе истинной вѣры ведетъ васъ отъ порока къ пороку, отъ зла ко злу. Помяните мое слово: настанетъ то время, когда гибель постигнетъ весь родъ вашъ за невѣріе ваше; опустѣютъ ваши острожки, и травою заростутъ юрты....

"За что же, бачка, стращаешь насъ?"

-- Нѣтъ, я не стращаю васъ, но говорю истину: это должно непременно послѣдовать въ наказаніе за ваше невоздержаніе, за непомѣрное пьянство и сладострастіе. Но еще вы имѣете время отвратить это зло. Признайте исповѣдуемаго мною Бога, и вы избѣгните гибели....

"И рады бы, бачка, да боимся; вишь у васъ послѣ смерти будутъ людей мучить, а у насъ

нѣтъ!"

-- Но кто же увѣрилъ васъ въ этомъ?

"Какъ кто? Самъ Гаечъ, сынъ Кутхи, все это говорилъ еще отцамъ нашимъ! Вишь, когда онъ умеръ, то и захотѣлъ, чтобы все, что видѣлъ на тамошнемъ свѣтѣ, рассказать своимъ родовичамъ: вотъ пришелъ съ того свѣта, да и рассказалъ все."

-- Что же все? -- спросилъ Зуда.

"Всего припомнить нельзя, а вотъ, примѣрно сказать, о свѣтѣ: что ему конца нѣтъ; о душахъ: что они когда-нибудь оживутъ вмѣстѣ съ тѣломъ, и также станутъ работать, только съ той разницей, что тогда будетъ уже во всемъ изобиліе: и въ звѣряхъ и въ рыбѣ, и въ толкушѣ {Самое любимое Камчадальское кушанье: смѣсь ягодъ съ икрою.}, и въ соли, слышь, во всемъ, во всемъ."

-- Стало быть, и звѣри, и рыба тоже такъ будутъ?

"Вѣстимо! Слышь до послѣдней мухи все оживетъ."

-- Ахъ, Господи! -- говорилъ протопопъ, вздыхая -- какъ трудно человѣка, единожды заблудшаго, обратить опять на путь истины!

"Но замѣтьте, отецъ Петръ -- сказалъ Зуда -- что важнѣйшія истины челоѵчества не чужды и для самыхъ грубыхъ народовъ. Очи- стите отъ камчадалской религіи всѣ вздор- ные и пустыя мнѣнія, и что-же останется? Бытіе Бога, безсмертіе души, будущая жизнь!"

-- Такъ, это правда! Но что въ этомъ поль- зы, когда все это заглушено разными нелѣпостями? Безъ вѣры Христовой всѣ эти истины такъ же мало свѣтятъ, какъ звѣзды въ ненастную ночь.

"Эхъ бачка! -- подхватилъ тоіонъ -- наши дѣды и прадѣды прожили безъ вашей вѣры, такъ и мы прожить можемъ!"

-- Такъ, проживете; но ваша жизнь главная не здѣсь, а по смерти.

"Такъ что же? Вѣдь я те сказалъ, что и мы оживемъ по смерти."

-- А послушай-ка, господинъ Тарей! -- спро- силъ вдругъ Зуда: -- когда вы всѣ оживете по смерти, то будете ли отвѣчать за прежніе грѣхи? Напримѣръ, если кто не сдержитъ клятвы...

"По-нашему: всякой за свои грѣхи здѣсь от- терпится -- клятвы ли не сдержитъ, или что

другое сдѣлаетъ."

-- А ты думаешь ли сдержать ту клятву, которую далъ брату? -- спросилъ протопопъ, съ намѣреніемъ надоумленный Зудюю.

"Какую клятву, бачка? -- отвѣчалъ тоіонъ, не смутясь ни мало. -- Онъ все пустяки вралъ: вишь мухоморъ-то въ немъ шибко расходился."

-- Дай Богъ, чтобъ такъ и было! -- сказалъ протопопъ. -- Но если вы затѣяли что недоброе, то сами будете послѣ раскаяваться. Знаешь, Русской народъ силенъ.

"Знаю, знаю, бачка! но вѣдь и ты меня знаешь не первой годъ; стану ли я затѣвать что не по своимъ силамъ? Развѣ я съ ума сойду! Одно только, что мы всѣмъ острожкомъ положили: не давать ничего сверхъ царскаго ясака."

-- Ну, это дѣло другое: за это васъ ни кто повинить не можетъ; а если вы затѣяли что то я скажу тебѣ напередъ: пріемшій ножъ ножемъ погибнетъ, т. е. кто возьметса за ножъ, тотъ и погибнетъ отъ ножа.

"Я, бачка, сказалъ правду."

-- Ну я вѣрю тебѣ; повѣрь же и ты словамъ

моимъ, что если хотите быть счастливыми въ семь вѣкъ и будущемъ, то одно средства: сдѣлаться Христіаниномъ.

Протопопъ объяснилъ при семь всю святость Христіанской вѣры, и всѣ безконечные блага, отъ нея проистекающія; но всѣ его слова падали на самую каменистую почву, и тоіонъ весьма равнодушно отвѣчалъ:

"Хорошо, хорошо, бачка, дай подумать, авось!"

-- Это я отъ тебя слышу не въ первой разъ, но дѣлать нечего! Буди во всемъ воля Господня! Знать: не убо пришелъ часъ твой!

"А кажется, уже давно пришелъ часъ -- подхватилъ Зуда -- чтобы всѣмъ намъ ложиться спать?"

-- Ахъ, Абрамъ Васильевичъ! Ты до старости все ребенокъ!..;.. Но въ самомъ дѣлѣ пора ложиться. Эй, Лемшинга! Камакъ! завтра чѣмъ свѣтъ приготовляйте собакъ: нашъ больной, слава Богу! поправился, такъ время ужъ и отправляться въ дорогу.

Всѣ, наконецъ, заснули. Въ юртѣ стало тихо, какъ въ могилѣ. Не спалось лишь одной Маріи; избытокъ радостныхъ ощущеній не

давалъ ей сомкнуть глазъ.

Душа ея была полна того чистаго, небеснаго восторга, который доступенъ только въ первыхъ минутахъ любви для непорочнаго сердца, и который есть, можетъ быть, хотя слабый и неясный, но вѣрный очеркъ блаженства, обѣщаемаго вамъ вѣчностію. Носясь воображеніемъ въ прекрасной, прелестной дали будущаго, Марія перелетала съ мечты на мечту, и одна другой казалась ей сладостнѣе и милѣе. Напрасно, наконецъ, хотѣла она забыться сномъ: голова ея пылала и сердце билось, какъ въ сильной горячкѣ. По тщетномъ и долгомъ усиліи, она встала и вышла потихоньку изъ юрты. Ночь была ясная. Огромный, усталый шаръ луны величественно спускался въ бездны моря, и ряды дремлющихъ волнъ, какъ бы не желая разстаться съ его ласковымъ свѣтомъ, тихо катились на западъ, волна за волною, и, наконецъ, исчезли въ озаренномъ имъ пространствѣ. Хоры звѣздъ столь же тихо и мирно текли по небу. Маріи казалось, что все дышало спокойствіемъ, моремъ и любовію; все такъ ласково привѣтствовало ее: и луна, и звѣзды,

и волны; все такъ ясно и внятно, казалось, говорило ей: "Счастливая Марія! онъ твой! Онъ тебя любитъ!" Подобныхъ минутъ, когда восторженному юному сердцу кажется весь міръ такъ прекрасенъ, такъ исполненъ блаженства, описать невозможно: ихъ можно только привести на память тому, кто нѣкогда ими наслаждался. Прислонившись къ камню на берегу моря, Марія долго оставалась въ семь положеніи; мысли ея разбѣгались за волнами, и она, наконецъ, ничего не думала: оставалось одно неясное, но сладостное ощущеніе любви, которое наполняло ея сердце.

-- О чемъ вы такъ задумались? -- спросилъ Марію тихо подошедшій къ ней мичманъ, который не могъ также заснуть, волнуемый происшествіями дня.

"Ахъ, это вы! -- вскрикнула Марія, какъ бы вдругъ проснувшись отъ сна. -- Я думала о многомъ, о многомъ, думала о себѣ, о васъ...."

-- И обо мнѣ? Что же вы думали обо мнѣ?

"Я думала, какъ буду я счастлива...."

-- Со мною? О Марія! Такъ, ты будешь счастлива! Ты будешь счастлива, милая Марія!

Въ это мгновеніе закатывавшаяся луна, вѣрный другъ и благотворное божество любовниковъ, подернулась легкимъ туманомъ, какъ бы не желая смотрѣть на обманчивое блаженство двухъ милыхъ существъ, которыхъ мечты и упованія не могли сбыться въ будущемъ; и когда она опять показалась изъ-за облака, то какъ будто для того только, чтобы освѣтить на ближнемъ пригоркѣ двѣ человѣческія фигуры, которыя, въ знакъ какого-то взаимнаго условія, схлопнули рука въ руку, и разошлись поспѣшно въ разныя стороны. Появленіе ихъ произвело въ душахъ нашихъ любовниковъ весьма странный и быстрый переворотъ. Оба они были обданы какимъ-то удивительнымъ страхомъ, точно такъ, какъ бы увидѣли бесѣду злыхъ духовъ, стоваривавшихся о ихъ гибели. Но что же значиль сей страхъ? Было ли это предчувствіе сердца, сіе неисповѣдимое свойство его предугадывать несчастія, еще таящіяся въ нѣдрахъ времени; или обыкновенное опасеніе, всегда сопровождающее людей, стоящихъ на верху счастія? Какъ бы, то ни было, Викторъ и Марія долго не могли

успокоиться; но мало-по-малу дѣйствию сего паническаго страха начало утихать, волны опасенія улеглись въ душѣ, и опять блаженство любви наполнило добрыя, невинныя и пылкія сердца двухъ счастливцевъ: тогда они начали сами шутить надъ собою, и весело разговаривая и смѣясь, не примѣтили, какъ луна, совершившая свой кругъ, спустилась на лоно плескавшихся около нея волнъ, звѣзды удалились одна за другою въ безмятежную обитель неба, и царь вселенныя возсталъ во всемъ великолѣпіи своемъ изъ-за вершинъ отдаленныхъ хребтовъ.

VIII. ЦЫГАНКА.

Кто не знаетъ Авачинской губы, сей первѣйшей гавани въ цѣломъ свѣтѣ, образованной самою природою, и могущею вмѣстить соединенные флоты всей вселенной? Эта гавань сливается еще съ тремя меньшими: Раковой, Тарпинской и Петропавловской, получившей сіе названіе отъ кораблей: Петра и Павла, посѣщавшихъ ее во время экспедиціи знаменитаго Беринга. Гавань Петропавловская лежитъ въ сѣверной части Ава-

чинской губы, отдѣляясь отъ вся съ запада гористымъ полуострововъ, а съ востока клинообразною узкою косою, по-сибирски: кошкою. Частію на сей кошкѣ и частію на сѣверномъ берегу гавани расположенъ острожекъ Петропавловскъ, имѣвшій въ описываемое нами время домовъ не болѣе двѣнадцати, нѣсколько балагановъ и деревянную церковь. Лучшими зданіями считались дома начальника и протопопа, пріѣзжавшихъ сюда на время; прочіе были, въ истинномъ значеніи сего слова, хижины, тутъ видѣ разбросанныя. Такимъ образомъ видѣ сего бѣднаго селенія, закинутаго на край земли и отдѣленнаго пустынями и морями отъ образованнаго міра, наводилъ на сердце мыслящаго обитателя невольную скуку и грусть. Окрестности его столь же мрачны и печальны, хотя и величественны. Съ одной стороны море, съ другой ужасныя горы: Стрѣлочная, Авачинская и другія, или покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ, или вѣчно дымящіяся. Это грозныя шатры, затопленные всемогущею рукою природы и, можетъ быть, разгорающіеся на день суда!

Но нужно ли объяснять, что взглядъ нашъ

на природу совершенно зависеть отъ состоянія нашей души? Такъ, на примѣръ, счастливому мичману и нашей Камчадалкѣ, прогуливавшемуся въ одинъ ясный декабрьскій день по тропинкѣ, протоптанной на косогорѣ, ведущемъ на кошку, казалось, что нигдѣ въ свѣтѣ не лѣзя найдти картины прелестнѣйшей и живописнѣйшей. Въ сіе время лучи полдневнаго солнца скользили по лѣсистымъ вершинамъ сопокъ и отражались въ милліонахъ алмазныхъ звѣздъ, разсыпанныхъ по бѣлому пологу снѣга, раскинутому на горахъ и долинахъ вокругъ огромнаго зеркала, образовавшагося изъ чистой и гладкой поверхности замерзшаго залива. Холодъ былъ самый умѣренный {Климатъ петропавловскій нѣсколько сходенъ съ петербургскимъ. Морозъ рѣдко простирается тамъ выше 22 гр. по Реомюру.} и болѣе пріятный, нежели ощутительный. Воздухъ чистый и проливавшій съ дыханіемъ самую усладительную свѣжесть. Прибавьте къ этому неизъяснимый восторгъ первой любви, очаровательную сладость надеждъ на будущее блаженство, близость милаго, обожаемаго

предмета -- и вы повѣрите, что наши любовники не могли ни желать, ни вообразить лучшаго мѣста. Разговоръ ихъ въ продолженіе прогулки перебѣгалъ съ предмета на предметъ, хотя и кружился около одного центра, и этотъ центръ былъ -- любовь. Они тотерялись въ будущемъ, то возвращались въ прошедшее. Наконецъ, вспоминая съ чувствомъ, вмѣстѣ и ужаснымъ и сладкимъ, подробности избавленія, мичманъ сказалъ Маріи: "Тотчасъ по пріѣздѣ нашемъ сюда, я старался узнать о женѣ великодушнаго матроса, и мнѣ сказывали, что она живетъ вонъ въ этой хижинѣ, подлѣ перваго балагана на кошкѣ. Не хочешь ли, Марія, зайдти вмѣстѣ со мной теперь къ этой женщинѣ?"

-- О! я сама давно желаю видѣть ее, чтобы помочь ей, чѣмъ только въ состояніи. Впрочемъ мало и самой жизни моей, чтобы заплатить достойно за подвигъ ея мужа; онъ подарилъ мнѣ тебя.

"Скажи лучше, онъ сохранилъ мнѣ жизнь, чтобы я узналъ всю ея цѣну, узнавши тебя, мою милую, мою великодушную избавительницу."

Въ семь сладкомъ состояніи духа мичманъ и Марія отворили дверь въ хижину. Тутъ жила бѣдность со всѣми своими ужасами: голодомъ, холодомъ и нечистотою. Двое ребятъ-шекъ укрывались отъ стужи на печи, бывъ почти нагіе. Въ углу, подлѣ стола, у окошка, заткнутого льдиною, стояла женщина, высокаго роста, сухощавая, съ большими черными глазами, съ смуглымъ, мрачнымъ лицомъ, и вообще съ цыганскою фізіономіею. Она держала въ рукахъ струганину {Струганина -- мерзлая рыба, которую стругаютъ можемъ и ѣдятъ сырую.}, и съ великою бранью бросала куски голоднымъ ребятамъ, хватавшимъ ихъ съ жадностію собакъ. "Чтобъ вамъ околѣть, негодные! -- говорила она стиснувши зубы.-- И то все сожрали, а еще просите! Гдѣ жъ мнѣ взять? Отецъ-то вашъ поѣхаль, да мнѣ ничего не оставилъ, а теперъ сталъ чорту баранъ! Добывай сама, какъ умѣешь! Перестаньте, okayнные; не то пырну ножемъ, такъ уйметесь, дьяволы!"

-- Не стыдно ли такъ бранить своихъ дѣтей, тетка? -- сказалъ мичманъ, вошедшій во время ея монолога въ хижину.

Цыганка обернулась къ дверямъ, и съ примѣтнымъ изумленіемъ сверкнула глазами на мичмана, который также показалъ видъ величайшаго удивленія и даже испуга.

-- Что я вяжу? -- вскричалъ онъ. -- Это ты, Марина?

"Какая, батюшка, я Марина? -- отвѣчала Цыганка, мгновенно принявъ на себя видъ самаго искренняго смиренія и стараясь говорить самымъ простодушнымъ языкомъ. -- Извольте спросить барышню: она знаетъ меня. Я мѣщанка Караулова, Аграфена."

-- Да, это правда -- сказала Марія.

"Чего же испугалась ты?" -- спросилъ мичманъ.

-- Да вишь вы, ваше благородіе, изволили вдругъ зайдти, а мое-то дѣло сиротское: недавно лишилась мужа; дѣти малъ-мала меньше.

"Я зналъ твоего мужа. Онъ мнѣ спасъ жизнь, и я пришелъ оказать тебѣ помощь. Вотъ возьми это на первый разъ, а потомъ, когда выйдутъ эти деньги, опять проходи ко мнѣ."

-- Благодарствую батюшка, ваше

благородіе! -- воскликнула женщина, упавъ въ ноги мичману, и рыдая съ великимъ искусствомъ. -- Благодарствую, мой кормилецъ! Господь, Царь Небесный наградить тебя, что ты меня, горькую сироту, не забылъ! И тебя не забудеть Господь ни въ семь вѣкѣ, ни въ будущемъ!

"Ахъ, полно плакать, Караулиха!" -- сказала Марія, у которой также показались на глазахъ слезы.

-- Какъ же не плакать и не рыдать мнѣ, ангелочекъ ты мой, когда нашлось этакіе добрые люди, какихъ здѣсь и слыхомъ не слыхано! Вотъ я здѣсь десятой годочекъ выживаю, извѣстно вамъ, а кто призираль меня, горемышную, кромѣ вашего дѣдушки? -- Дай Господи ему доброе здоровье! -- А то нѣтъ, и кусочка, не жди ни откуда, а вѣдь, бывало, мой-то заѣдетъ въ море, такъ по цѣлому году и глазъ не увидишь!

"Гдѣ же онъ женился на тебѣ?" -- спросилъ мичманъ, желая узнать ея происхожденіе.

-- Въ Иркутскѣ, мой родимый, въ Иркутскѣ. Вишь, батюшка мой былъ тамошній козакъ Почекунинъ. Мой-то жилъ тогда еще исправ-

но; присватался; батюшка позарился, да и отдалъ меня за него, а онъ и спейся! Пиль, пиль, да подъ конецъ и нанялся въ компанію. Что дѣлать? Принуждена была ѣхать сюда вѣкъ коротать!

"А желала ли бы ты воротиться въ Иркутскъ?"

-- Ни што, мой кормилецъ, какъ бы не желать!

"Ну такъ я постараюсь объ этомъ...."

-- Ахъ ты, родимый мой! -- вскричала Цыганка, опять кинувшись въ ноги. -- Дай тебѣ, Господи! Награди тебя Господи!

"Ну хорошо, хорошо! Прощай."

По выходѣ изъ хижины мичмана и Маріи, Цыганка опять приняла на себя мрачный видъ; сѣла подлѣ стола, и подперши рукою голову, погрузилась въ глубокую думу, прерывая изрѣдка молчаніе отрывистыми восклицаніями: "Такъ, это онъ! Вотъ судьба!... Для него мой пьяница отдалъ жизнь, для этого бестіи, котораго отецъ, который самъ было причиною моей ссылки!... Такъ нѣтъ же, злая судьба! Я пойду наперекоръ тебѣ; не дамъ смѣяться тебѣ надо мною!... Ядъ и ножъ! вы

еще остались у меня! вы еще при мнѣ, мои вѣрные товарищи съ того ненавистнаго дня, какъ люди заставили меня таскаться по свѣту!..." Цыганка, разгорячаясь болѣе и болѣе, пришла, на конецъ, въ совершенное бѣшенство. "Меня обезчестили -- вопіяла она съ величайшею яростию -- меня обманули, наругались надо мною, меня гнали изъ мѣста въ мѣсто, терзали, мучили, кровь мою пили. И ты, злодѣй, и твой проклятый выродокъ были всѣму причиною!... Теперь ваша очередь наступила; теперь пришло время мнѣ потѣшиться надъ вами; теперь вы попали въ мои руки: гибните же, окаянныя?"

Дѣти цыганки, приведенныя въ испугъ ея бѣшенствомъ, вскочивъ съ печи, полѣзли къ ней. "Матушка, матушка! что ты сердишься? На кого ты сердишься!"

-- А, дьяволы! вы хотите меня умиловать? Нѣтъ вамъ пощады!"

Она махнула наотмочь можемъ, и два сына ея, облитые кровью, упали къ ея ногамъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ выпалъ и ножъ изъ ея рукъ. Она сѣла на скамью, какъ будто пришла въ себя, и, устремивъ страшныя взоры на

лежавшіе предъ нею трупы дѣтей, захохотала отчаяннымъ смѣхомъ: "Ха, ха, ха! Вотъ еще штука!.... Такъ я зарѣзала своихъ дѣтей! Это ты, господинъ дьяволъ, подшутить надо мною! Тебѣ все хочется моей души? Возьми, братъ, ее: она твоя; но у меня еще есть на землѣ отрада!.... Однако жъ прибрать трупы. Мнѣ не впервые хоронить ихъ, и для меня все равно теперь кого ни похоронить!.... Лежите, дѣти! Теперь вы будете и сыты, и теплы, и одѣты: чего же вамъ болѣе? Хорошо, что у васъ такая добрая мать!" Она подняла половицу, и выкопавъ яму, положила въ нихъ оба трупа, завернувъ ихъ въ рогожу. "Не прочитать ли молитву? Вѣдь, говорили: эта глупая барыня, у которой я жила съ дѣтства, окрестила меня.... Ха ха ха! Все пустое!"

"Спите трупы! Подъ землею
Сонъ спокоенъ и глубокъ!
Ни съ напастью, ли съ бѣдою
Незнакомъ вашъ уголокъ."

"Мать сыра земля защита
Вамъ отъ снѣга, отъ дожджа;
Ею ваша грудь закрыта
Отъ стрѣлы и отъ ножа."

"И не встрѣтятъ ваши очи
Взглядъ кровавый палачей,
И подъ мракомъ бурной ночи
Не подкрадется злодѣй!"

"Спите, трупы! Подъ землю
Сонъ спокоенъ и глубокъ
Ни съ напастью, ни съ бѣдою
Незнакомъ вашъ уголокъ!"

Пропѣвъ сію пѣсню дикимъ,
нечеловѣческимъ голосомъ, цыганка опусти-
ла по-прежнему половицу, и, потерши рукою
лобъ, сказала весьма спокойно: "Ну! дѣло кон-
чено! Утонули, да и только! Пусть ищетъ, кто
хочетъ!"

Между тѣмъ мичманъ и Марія хотя возвра-
щались тою же тропинкою, но уже не съ
прежнимъ удовольствіемъ смотрѣли на окру-
жавшую ихъ великолѣпную картину. Стран-
ное и близкое сходство Аграфены съ Мари-
ною возобновило въ душѣ мичмана уснув-
шую тоску о потерянныхъ имъ родителяхъ.
Марія, смотря на его задумчивость, также
приуныла. Долго они шли, не прерывая
молчанія; наконецъ мичманъ спросилъ
Марію: "Я думаю, жизнь этой женщины со-

вершено извѣстна здѣсь?"

-- Известно только то -- отвѣчала Марія -- что она пріѣзжая, и что точно дочь какого-то мѣщанина, по крайней мѣрѣ, такъ сказывалъ и покойной мужъ ея. Говорятъ также, что она съ мужемъ своимъ жила весьма дурно; что она женщина весьма хитрая; что почти никогда не ходятъ въ церковь, и слыветъ колдуньею. Мнѣ въ дѣтствѣ такъ много наговорили объ ней, что и теперь еще, при встрѣчѣ съ нею, какъ будто раждается у меня въ душѣ какое-то темное предчувствіе....

"Можно ли, Марія, вѣрить мечтамъ дѣтства? Ты, слава Богу! не испытала бѣдности, и не знаешь ея пагубныхъ слѣдствій: она портитъ иногда самое доброе сердце. Я увѣренъ, что если постараться -- что я непременно и сдѣлаю -- если постараться улучшить состояніе Карауловой, то о ней заговорятъ совсѣмъ другое. Та глубокая чувствительность, съ которою она приняла самое маленькое одолженіе, показываетъ, что сердце ея способно чувствовать добро, и это совершенно увѣрило меня, что сходство ея съ Мариною есть только игра случая."

-- Пусть такъ будетъ, Викторъ, но все я прошу тебя: будь съ нею осторожнѣе. Моя покровительница, помню я, говорила мнѣ однажды, что точно иногда сердце предчувствуетъ будущее несчастье.

"Это правда! -- сказалъ съ улыбкою мичманъ, стараясь принять на себя веселый видъ. -- Я самъ въ эту минуту имѣю самое вѣрное предчувствіе....".

-- Какое же?

"Что мы опоздаемъ къ обѣду и что имянинникъ нашъ, Антонъ Григорьевичъ, будетъ на васъ сердиться...."

-- Ну, это предчувствіе еще не такъ страшно; однако жъ въ самомъ дѣлѣ поспѣшимъ, потому что Ольга, Павловна, вѣрно, уже дожидается насъ.

"Ахъ, Марія! какъ мнѣ нравится эта прекрасная дама!"

-- Но когда ты, Викторъ, болѣе познакомишься съ нею, то еще болѣе будешь любить ее. Это сущій ангелъ!"

"И потому еще долженъ я любить ее -- сказалъ мичманъ, сжимая руку Маріи -- что она воспитала для меня другаго ангела."

— Нѣтъ, Викторъ! Я только тогда могла бы называться симъ именемъ, когда бы походила на нея во всемъ. Ты бы посмотрѣлъ, съ какимъ участіемъ она слушала дѣдушку, когда онъ просилъ у ней согласія на нашу свадьбу! Съ какомъ вниманіемъ спрашивала она о тебѣ, и съ какою нѣжностію обняла меня и сказала: "Машенька! я не препятствую тебѣ. Дай Богъ, чтобы сердце твое тебя не обмануло! Признаюсь: твой женихъ и мнѣ понравился съ перваго взгляда. Будьте счастливы: онъ тобой, а ты имъ!"

"Это прекрасное желаніе уже исполняется — говорилъ мичманъ. — Ахъ, Марія! есть ли на свѣтѣ человѣкъ счастливѣе меня?"

— Есть, и это я! — сказала Марія, взглянувъ на своего любовника со всею пламенностію страсти.

Говоря сіе, они подошли къ дому начальника и вошли на крыльцо.

ЧАСТЬ II.

IX. НАЧАЛЬНИКЪ.

День именинъ Антона Григорьевича былъ самымъ памятнымъ днемъ для обитателей Камчатки: ибо именно къ этому дню должны они были заготовить порядочный запасъ всякой всячины для подарковъ дорогому имениннику. Подарки обыкновенно доставлялись ему изъ богатѣйшихъ острожковъ самими тоіонами, а изъ отдаленныхъ мѣстъ или исправниками, или присылались съ нарочными. Смѣшно было смотрѣть на почтеннаго Антона Григорьевича, когда онъ, бывъ въ душѣ величайшимъ грабителемъ, смиренно-мудренно сидѣлъ за Четіи-минеею накануне своихъ именинъ, и стыдливо поглядывалъ, какъ приходившіе купцы и тоіоны заваливали мягкою рухлядью казенку, нарочно для сего устроенную подлѣ его кабинета. "Благодарствую, другъ мой! -- говорилъ онъ каждому приносителю.-- Это вовсе лишнее. Кабы я не боялся тебя обидѣть: то ни за что бы не принялъ." По выходѣ же приносителя, онъ

тщательно осматривалъ приношеніе, и если находилъ оное недостаточнымъ, то съ великою злобою говорилъ: "А, мошенникъ! ты еще, видно не ученъ! Пожалѣлъ лыка, такъ отдашь и ремень!" Всѣ эти приношенія были однако жъ только экстраординарныя; независимо отъ нихъ были еще систематическія, единожды завсегда опредѣленныя, о которыхъ мы слышали ужъ изъ устъ Тарей. Съ этими-то поборами пріѣзжали сами исправники, которыхъ Антонъ Григорьевичъ умѣлъ удивительно держать въ рукахъ: это былъ охотникъ со сворою собакъ, которыхъ онъ пускалъ на добычу, и которымъ позволялъ пользоваться и самимъ, накидывая въсіе время веревку имъ на шею, дабы, при малѣйшемъ со стороны ихъ неповиновеніи, имѣть возможность не только прибрать ихъ къ рукамъ, но и задавить въ случаѣ нужды. Находясь, какъ съними, такъ и съ другими довѣренными своими людьми, наединѣ) Антонъ Григорьевичъ хотя совершенно снималъ съ себя личину святоши, какъ въ семъ случаѣ мы къ чему не служившую, но за то надѣвалъ другую личину какой-то законно-

сти въ самыхъ мошенническихъ дѣлахъ, и рѣзкимъ начальническимъ тономъ требоваль исполненія самыхъ незаконныхъ приказаній, какъ справедливаго и необходимаго, или какъ должной дани благодарности со стороны ихъ, за дозволеніе устраивать свое состояніе. Боже сохрани, если кто оказывался въ семь случаѣ неблагодарнымъ, то есть, не собираль всего опредѣленнаго и осмѣливался пріѣзжать не только съ пустыми, хотя не совсѣмъ съ полными руками. Такой смертный грѣхъ случился наканунѣ настоящихъ имянинъ, съ исправникомъ Большерѣцкимъ, которому Тарей отказаль въ оброкѣ наотрѣзъ, представивъ нужды и бѣдность своего острожка.

Большерѣцкой исправникъ, коллежскій регистраторъ Сумкинъ, былъ маленькой, хромой мужичокъ, самой низкой и подлой души, почти вѣровавшій въ Антона Григорьевича и всегда готовый перенести отъ него всякую брань и обиду. Объяснивъ, съ видомъ величавшаго подобострастія и робости, отказъ Тарей, онъ едва не упаль въ обморокъ, увидѣвъ вспыхнувшій на лицѣ своего повелителя

огонь гнѣва ярости.

"Неблагодарные, мошенники! -- завопилъ Антонъ Григорьевичъ, кинувъ въ Сумкина Чети-Минеею.-- Я за васъ умираю на дѣлѣ, чтобы вы были спокойны да счастливы, а вы? Что вы дѣлаете со мной? Хотите меня по міру пустить!"

-- Простите великодушно, ваше высокоблагородіе! Все будетъ исправлено!

"Подлецъ ты, мошенникъ! Все будетъ исправлено! Ты этого не хотѣлъ для меня сдѣлать? Я тебя заставлю думать о твоей обязанности."

-- Ваше высокоблагородіе! я бы со всѣмъ усердіемъ, да вѣдь острожекъ Тарей дѣйствительно самый бѣдный....

"Да, бѣдный, потому что тутъ дѣло шло о моей выгодѣ, а не о твоей. Я слышать этого не хочу!"

-- Что же мнѣ дѣлать, ваше высокоблагородіе?

"Что дѣлать? А вотъ что:"

Антонъ Григорьевичъ обернулъ Сумкина къ дверямъ и вытолкалъ его въ шею.

-- Добро же ты, шельма Тарей! -- ворчалъ

Сумкинъ, выходя изъ дома начальника: -- я теперь изъ тебя сокъ вытоплю; я посмотрю, какъ ты не отдашь мнѣ всего, да еще и съ сотенными процентами!

"Что такъ обезпокоились, Антонъ Спиридоновичъ? -- спросилъ Сумкина попавшійся къ нему навстрѣчу фельдшеръ.

"Ахъ это вы, Алексѣй Пантелѣевичъ! -- вскричалъ Сумкинъ, бросясь обнимать Шангина.

-- Извините, любезнѣйшій, въ потьмахъ-то и не вижу! Даннымъ-давно не видалъ! Какъ поживаете?"

-- Слава Богу! А откуда изволите путь-дорогу держать?

"Отъ начальника, любезнѣйшій! Признаться, сегодня провинился, не много, такъ побранилъ, да и подзатыльникъ еще скроить изволилъ. Да брань на вороту не виснетъ, и отъ отца все стерпѣть можно, а вѣдь онъ у насъ не начальникъ, а отецъ!"

-- Правда ваша, Антропъ Спиридоновичъ, правда, что отецъ!... А за что онъ васъ побить изволилъ?

"Да за мошенника Тарею".

Сумкинъ разсказаль въ чемъ дѣло.

-- Это мнѣ извѣстно, Антропъ Спиридоновичъ! -- говорилъ Шангинъ. -- Тутъ вы ни сномъ, ни духомъ не виноваты.

"То-то и есть, Алексѣй Пантелѣевичъ! Если начальникъ будетъ говорить съ вамъ объ этомъ, такъ, пожалуйста, замолвите золотое словечко, а покамѣстъ возьмите это серебряное колечко.-- Такъ пришлось складно сказать."

При сей подъяческой риѣмѣ, Сумкинъ всунулъ въ руку Шангина кошелекъ съ серебряными деньгами.

-- Напрасно беспокоитесь, Антропъ Спиридоновичъ! Я и безъ этого исполнилъ бы ваше приказаніе....

Между-тѣмъ, по изгнаніи Сумкина, начальникъ мгновенно принялъ на себя спокойный видъ, ибо настоящій гнѣвъ его былъ притворный, какъ тактическая продѣлка, которую онъ употреблялъ съ людьми подлаго характера. Онъ поднялъ Минею, исправилъ въ ней смятые листы, и замѣтивъ закладкою житіе Козьмы Безсребренника, съ усмѣшкою положилъ книгу на столъ. "Моя жизнь -- говорилъ онъ самъ съ собою -- если сказать прав-

ду, не слишкомъ походить на житіе этого свя- таго; но не всякому же быть безсребреннико- мь! Впрочемъ и меня можно назвать такъ-же: серебра-то и у меня не много, только соболи да лисицы, а вѣдь это не серебро! Ха, ха, ха!... Только какъ ни посмотрю я на свои дѣла -- продолжалъ онъ, нѣсколько помолчав- ши -- то самъ себѣ удивляюсь. Здѣшніе пер- вые русскіе выходцы говаривали: въ Кам- чаткѣ-дѣ семь лѣтъ можно прожить счастли- во, а я -- каково же?-- одиннадцатый годъ оби- раю здѣсь праваго и виноватаго, и живу какъ мнѣ хочется! Вотъ что значитъ подобрать лю- дей!.... Я увѣренъ, что, напримѣръ, этотъ под- лецъ Сумкинъ, теперь радъ съ живаго Таріе содрать кожу, и пронести мнѣ въ подарокъ, лишь бы я не сердился на него... Да, власти у меня много, богатства еще болѣе; чего же еще надобно?... Ахъ, эта проклятая дѣвчонка не выходитъ у меня изъ ума!... Но что я могу сдѣлать?.... Она имѣетъ жениха; я -- жену!...."

Сказавъ сіе, онъ опять замолчалъ и сталъ ходить по комнатѣ большими шагами.

"Да! это ужасно; но это должно быть!... А мученіе совѣсти? А мука за гробомъ?...."

Одъ медленно повель глазами по стѣнѣ комнаты и остановился на висящемъ на ней портретѣ іезуитскаго патера.

"Что ты мнѣ скажешь теперь, наставникъ моего дѣтства? Какъ ты разрѣшишь эту задачу.-- ты, который старался напечатлѣть на моемъ дѣтскомъ умѣ, что ни добрыя дѣла не могутъ спасти насъ, ни погубить худыя? Отвѣчай мнѣ теперь: твой отвѣтъ мнѣ въ эту минуту всего нужнѣе! Ты молчишь? Такъ пусть же тягость моего злодѣянія обрушится надъ собою! Пусть же отъ тебя потребуютъ отвѣта въ моемъ преступленіи, если ты обманулъ меня.... Я рѣшился,-- и дѣло кончено!".."

Въ эту минуту слышался шорохъ за дверью. Начальникъ схватилъ опять Чети-Миню и принялъ на себя видъ глубокаго вниманія,

-- Здравія желаю; ваше высокоблагородіе! -- сказалъ вошедшій въ комнату фельдшеръ.

"А это ты, Алексѣй? Куда это чортъ тебя занесъ? Вѣдь, шутка ли, два мѣсяца цѣлыхъ слонялся?"

-- Слава Богу, ваше высокоблагородіе, что еще и живъ остался....

"Что съ тобой сдѣлалось?"

-- Да что, ваше высокоблагородіе! Нашъ почтенный отецъ-протоіерей изволить разѣзжать, да только бунтуеть народъ.

"Какъ такъ?"

-- А вотъ изволите видѣть! Продавалъ въ Кууюхчинѣ вашу водку....

"Гдѣ же товары?"

-- А вотъ здѣсь, ваше высокоблагородіе! Четыре сорочка. Извольте посмотрѣть: масть къ масти!

"Хорошо, положи! Ну, такъ что же?"

-- И протопопъ тутъ же былъ, да Зуда....

"А, это старый мошенникъ!"

-- Да молодой офицеръ, да внучка протопопа...

При семъ словѣ краска показалась на лицѣ начальника, и онъ съ нетерпѣніемъ прервалъ фельдшера:

"Тфу, къ чорту! Что ты все это мнѣ рассказываешь?"

-- Имѣйте терпѣніе, ваше высокоблагородіе: я не задержу васъ. Вотъ я продаю водку, и вижу: дѣло не ладно: протопопъ съ Зудою такъ и честятъ вашу милость,

индо меня морозъ по кожѣ подраль....

Фельдшеръ пересказаль разговоръ протопопа съ Зудюю, переиничовъ его по-своему. Выслушавъ его, начальникъ вскричалъ въ бѣшенствѣ:

"Они осмѣлились поносить меня?"

-- Я не солгу ваше высокоблагородіе.

"Дорого же будетъ имъ стоить эта брань! Продолжай!".

-- Вотъ они говорили, говорили, да и начали уговаривать тоіона на бунтъ: чтобы онъ же покупаль отъ меня водки, чтобы отказался отъ платежа оброка....

"Клянусь Богомъ! -- вскричалъ начальникъ, ударивъ кулакомъ во столу. -- Они раскаются въ этихъ поступкахъ!"

-- Но это еще только цвѣтки, ваше высокоблагородіе; ягодки еще впереди. Услышавъ ихъ возмутительныя рѣчи, Тевяна, братъ тоіона, закричалъ-было, что если они не уймутся, то онъ-де донесетъ на нихъ начальству.... какъ они всѣ вдругъ бросятся на него, схватили его за горло, да и давай давить. Я было присталь -- гдѣ ты! Какъ пить дали, уходили, да и я едва ноги унесъ, да вотъ и

прохвораль въ Большерѣцкѣ безъ малаго двѣ недѣли.

"Такъ и офицеръ участвовалъ въ убійствѣ?" -- спросилъ начальникъ съ дикою радостію.

-- Всѣ, всѣ, ваше высокоблагородіе!

Начальникъ замолчалъ. Онъ сложилъ руки на грудь, и началъ ходить по комнатѣ, погружившись въ самую глубокую думу. "Не понимаю -- думалъ онъ -- какой злой рокъ покровительствуетъ всѣмъ моимъ намѣреніямъ? Сколько доносовъ, сколько клеветы и правды было писано на меня, и все сошло съ рукъ, какъ не лъзя лучше! Самыя черныя дѣла мои обратились въ мою пользу, и самыя справедливыя жалобы мнѣ удалось опровергнуть! Теперь я замышляю самое страшное дѣло, и что же? Кто это помогаетъ мнѣ? Какой злой духъ раздѣляетъ со мной мои желанія?... Я напередъ знаю, что этотъ бездѣльникъ, взводя убійство на протопопа и мичмана, говоритъ ложь, и что онъ, или проникнувъ своимъ лукавымъ умомъ въ расположеніе моей души, или изъ собственной мелочной выгоды готовъ погубить

невинно мать и отца роднаго; но тѣмъ не менѣе онъ вдругъ доставляетъ мнѣ прекрасный предлогъ къ совершенію моего намѣренія, когда я всего менѣе ожидалъ этого? Что жъ это значить?... Я могу теперь взять тотчасъ подъ арестъ этого офицера, сдѣлать его чернѣе сажи, хотя бы совѣсть его была свѣтлѣе солнца и, наконецъ, совершенно погубить его!... Ужели злой духъ доставляетъ мнѣ этотъ случай, дабы увлечь меня въ погибель? Но такъ и быть: демонъ или судьба помогаютъ мнѣ, я воспользуюсь этою помощію!"

-- Послушай, Алексѣй! Ты затѣваешь дѣло нешуточное; имѣешь ли ты свидѣтелей?

"Имѣю, ваше высокоблагородіе!"

-- Кто жъ они таковы?

"Во-первыхъ: дьячекъ Шандуровъ."

-- Ручаешься ли ты, что этотъ уродъ подержитъ твои слова?

"Такъ думаю, по крайней мѣрѣ, потому, что онъ золъ на протопопа и офицера. Вѣдь, вы изволите знать, что онъ хотѣлъ жениться на протопопской внучкѣ. Онъ тоже расскажетъ вамъ, какъ они поносили и позорили

ваши имя....."

-- Хорошо! Я дамъ имъ знать себя! Я ихъ разобью.

"Въ дребезги, ваше высокоблагородіе! -- воскликнулъ вошедшій въ сіе время съ кипю бумагъ секретарь начальника, Петръ Ѳедоровичъ Погремушкинъ, не менѣ своего владыки склонный ко взяткамъ и къ грабительству, но разыгрывавшій роль челоѵка строгаго и правдолюбиваго, и поощрявшій Антона Григорьевича ко всякому злу подѣ видомъ искорененія злоупотребленій -- Въ дребезги! -- повторилъ онъ. -- Коли истребляютъ зло, такъ надобно его вырывать съ корнемъ!"

-- Правда твоя, Петръ Ѳедоровичъ!..... Но что это у тебя подѣ-мышкою?

"Почта."

-- Давай скорѣе!

Начальникъ схватилъ съ нетерпѣніемъ пакеты и, отобравъ предписанія губернаторскія, проворно распечатывалъ ихъ и бѣгло прочитывалъ. Въ это время фельдшеръ на цыпочкахъ вышелъ изъ комнаты, а Петръ Ѳедоровичъ, также любившій выдавать себя за челоѵка просвѣщеннаго, занял-

ся разборкою журналовъ, которыхъ было получено вдругъ нѣсколько книжекъ, съ ноября по апрѣль, ибо почта пришла за цѣлые полгода {И нынѣ почта въ Камчатку приходитъ только два раза въ годъ.}. Петръ Ѳедоровичъ, прочитывая заглавія и раскладывая журналы по кучкамъ, дѣлалъ свои замѣчанія:

"Чтонибудь!..". Ба! только два нумера! Вотъ извольте платить деньги по пустякамъ, и ждать цѣлые полгода, чтобы, наконецъ, узнать, что г. издатель вздумалъ повеселиться на счетъ добродушныхъ подписчиковъ. Что станешь дѣлать съ мошенниками?.... Вечерняя заря.... Вотъ это журналъ хоть куда! и издается исправно, и есть очень хорошія статьи!..... О познаніи Бога, самого себя и своихъ должностей.... Прекрасно! Антонъ Григорьевичъ вотъ статья!"

— Хорошо, хорошо, Петръ Ѳедоровичъ! Разбери поскорѣе, да отошли къ женѣ; это по ея части.

"Покоящійся трудолюбецъ.... Растущій виноградъ.... Иртышъ, превращающійся въ Ипокрену.... А вотъ и книжечка вашего племянника: Зерцало древней учености...."

-- Сколько экземпляровъ?

"Кажется, экземпляровъ пятьдесятъ будетъ"..."

-- Такъ разошлите, Петръ Ѳедоровичъ, поскорѣе при письмахъ къ исправникамъ, чтобы роздали Камчадаламъ и поскорѣе прислали деньги. Эта книга для нихъ будетъ очень полезна.

"Ваша правда." -- отвѣчалъ секретарь безъ малѣйшей усмѣшки,

Послѣ сего начальникъ опять сталъ пересматривать бумаги и вдругъ вскричалъ: "Еще доносъ!"

-- Доносъ? -- подхватилъ Петръ Ѳедоровичъ, оттолкнувъ въ сторону книги и журналы.-- Вотъ что значить быть великодушнымъ! Я давно говорилъ вамъ: съ бездѣльниками церемониться нечего! Въ дребезги да и полно! Кто-жъ это осмѣлился васъ чернить?

"Пріятель мой, отецъ протоіерей.... Это за то, что я воспиталъ его внуку!.... Вотъ неблагодарные!"

-- Что же написалъ онъ?

"Слушай!

Злоупотребленія превзошли здѣсь всю

мѣру; нѣтъ правосудія въ судахъ; торговля въ рукахъ начальника, жители разорены, и вопль ихъ...".

"А, попъ! такъ и ты вздумалъ клеветать за меня!"

-- Дерзость, непомерная дерзость! -- воскликнулъ Петръ Ѳедоровичъ. -- Ложь и клевета невообразимыя!

-- Ну, пусть же онъ лжетъ: онъ теперь въ моихъ рукахъ! Сейчасъ только Алексѣй разсказалъ мнѣ ужасное дѣло.

Объяснивъ доносъ Фельдшера, начальникъ прибавилъ въ заключеніе: "Петръ Ѳедоровичъ! потрудитесь приготовить къ завтраму предписаніе на имя большерецкаго исправника, чтобы онъ произвелъ объ этомъ слѣдствіе самымъ строжайшимъ и, разумѣется, самымъ непристрастнымъ образомъ. Я думаю и васъ также прикомандировать къ этому. Ваше непристрастіе мнѣ совершенно извѣстно...."

-- Благодарю, ваше высокоблагородіе, за доброе мнѣніе. При такомъ начальникѣ, какъ вы, не быть непристрастнымъ.....

"И также, пожалуй-ста, приготовьте

хорошій отвѣтъ губернатору. Еще я желалъ бы имѣть свѣдѣніе о состояніи вообще здѣшняго духовенства. Кажется, не худо бы поставить на видъ....."

-- Да ужъ когда бить -- сказалъ съ жаромъ Петръ Ѳедоровичъ,-- такъ надобно добивать: полу-мѣры ни куда не годятся! Я эта вамъ давно твержу.

"Что дѣлать, Петръ Ѳедоровичъ? Великодушіе меня губить!"

-- Да, и добродѣтель неумѣстная вредна!

"Ну, такъ и быть, что сдѣлано, то сдѣлано! Потеряннаго не воротишь! По крайней мѣрѣ теперь постараемся поправить ошибку. Займитесь же, пожалуйста-ста, бумагами."

Надобно сказать правду, что Петръ Ѳедоровичъ былъ человѣкъ весьма неглупый, искусный въ писаніи бумагъ и величайшій мастеръ дѣлать изъ чернаго бѣлое. Поутру чѣмъ свѣтъ, онъ уже былъ въ кабинетъ начальника.

"Вотъ вашему высокоблагородію подарокъ въ день именинъ. Извините: чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ!"

-- Спасибо, Петръ Ѳедоровичъ! Этотъ подарокъ мнѣ всего нужнѣе. Ну, читай же, что на-

писаль.

Секретарь началъ съ отвѣта губернатору.

"Съ самага вступленія моего въ управленіе Камчаткою я прилагалъ неусыпныя попеченія, обозрѣвъ всѣ части, вникнуть въ состояніе оныхъ и привести ихъ въ лучшее положеніе, сколько позволяли зависящія отъ меня средства. Съ ужасомъ увидѣлъ я повсемѣстный безпорядокъ, злоупотребленія, разстройство, развратъ и всеобщее растлѣніе въ нравахъ...."

-- Прекрасно! Продолжайте!

"Рѣшившись, съ самымъ пламеннымъ усердіемъ къ пользѣ службы, дѣйствовать къ искорененію сего зла, я встрѣтилъ величайшія и неожиданныя препятствія. Чиновники, духовные и граждане, бывъ большею частію изъ числа сосланныхъ, и, слѣдовательно, нося въ себѣ сѣмена всякаго зла, составили между собою комплотъ, дабы противиться принимаемымъ мною мѣрамъ, и стоворились всячески чернить меня предъ лицемъ высшаго начальства...."

-- Превосходно, неподобно! Сущая истина!

Секретарь, наконецъ, дочиталъ бумагу, въ

которой, по опроверженіи протопопскаго доноса, на самого его взводилась самая нелѣпая клевета: что онъ не старается вовсе о распространеніи Христіанской вѣры между инородцами; что, напротивъ, присутствіемъ своимъ при ихъ суевѣрныхъ обрядахъ, какъ то на свадьбахъ, похоронахъ и т. п., самъ поощряетъ ихъ къ продолженію идолопоклонства и разврата; что слабое правленіе его духовенствомъ подаю поводъ ко многимъ злоупотребленіямъ и порокамъ; что онъ возстановляетъ и возмущаетъ народъ противъ начальства; что онъ замѣшанъ по дѣлу объ убійствѣ Камчадала Тенявы: о чемъ-де производится уже слѣдствіе, и проч. и проч. Словомъ сказать: не было преступленія, котораго мастерская рука правдолюбиваго секретаря не взвела бы на этого добродѣтельнѣйшаго христіанина, каковъ былъ протопопъ Верещагинъ, и всѣ эти клеветы, бывъ изложены складно и дѣльно въ формѣ официальной бумаги, приняли видъ величайшей вѣроятности.

Начальникъ былъ въ восхищеніи и, подписавъ бумагу, разцѣловаль Петра Ѳедорови-

ча.

"Вотъ, это-то -- говорилъ онъ съ чувствомъ величайшаго удовольствія -- значить поднести красненькое яичко! Удружилъ, Петръ Федоровичъ, удружилъ! Ну, покажите же мнѣ прочія бумаги."

-- Вотъ предписаніе исправнику.... предписаніе на мое имя.... предписаніе на имя ниже-камчатскаго уѣзднаго суда, дабы онъ для сужденія дѣла о бунтѣ прибыль сюда. Вѣдь, я чай, вы по болѣзни вашей ноги, не можете скоро туда отправиться, а это дѣло тако-го роду, что требуетъ ближайшаго надзора..".

"Это правда! Ты вздумалъ очень дѣльно!"

-- Предписаніе исправникамъ на счетъ поведенія духовныхъ.....

"А, хорошо! Спасибо, что не забылъ! Эта бумага весьма нужна!"

-- Предписаніе городничимъ, чтобы они старались всѣми мѣрами узнавать: не затѣвается ли гдѣ комплота противъ начальства, и потомъ старались немедленно схватывать бумаги, и самихъ таковыхъ злоумышленниковъ брать подъ стражу!

"Прекрасно! Это давно надлежало сдѣлать!"

Этого требуетъ спокойствіе цѣлой здѣшной страны."

— Наконецъ предписаніе о взятіи подъ стражу мичмана и протопопа....

"Нѣтъ, это еще рано! Съ протопопомъ, по его званію, надобно поступать осторожнѣе, а къ мичману, во вчерашней связкѣ, я нашель письмо изъ Иркутска. Прежде я хочу узнать, отъ кого оно, дабы судить о его связяхъ. Этого требуетъ благоразуміе!"

— Ваша правда, Антонъ Григорьевичъ! Въ дѣлахъ человѣческихъ не довольно быть только невиннымъ, но необходимо нужна, сверхъ того, крайняя осторожность.

"Такъ я и думаю: если откроется, что связи его въ Иркутскѣ значительны, то, до окончанія слѣдствія, было бы несправедливо стѣснять его, а тамъ отъ рукъ правосудія онъ скрыться не можетъ."

Симъ окончился разговоръ.

Секретарь вышелъ, а начальникъ, отворивъ немного дверь въ залъ, гдѣ собрались уже для проздравленія съѣхавшіеся чиновники, купцы, тоіоны и почетнѣйшіе жители острожка, позвалъ къ себѣ Сумкина, и, отда-

вая ему предписаніе, сказалъ строгимъ голо-
сомъ:

"Вотъ, Сумкинъ, тебѣ предписаніе о произ-
водствѣ слѣдствія, по донесенію Алексѣя. Я
увѣренъ, что донесеніе его совершенно спра-
ведливо, и янапередъ тебѣ скажу, что если
осмѣлишься ты представить это дѣло въ дру-
гомъ, ложномъ видѣ, то не усидишь на мѣстѣ
ни одного часа. Понимаешь-ли меня?"

-- Понимаю, ваше высокоблагородіе!

"Я отъ тебя требую совершеннаго
безпристрастія, безкорыстія и истины. Помни
же это, да покамѣсть не пріѣдешь на мѣсто,
то, Боже тебя храни! сказать кому бы то ни
было объ этомъ порученіи! Мы женѣ, вы
дѣтямъ! Слышишь-ли?"

-- Слушаю Ваше высокоблагородіе!

По выходѣ Сумкина начальникъ, начиная
приготовляться къ обѣднѣ, думаль между
тѣмъ: "Кажется, все мною обдуманно хорошо!
Сумкину я выразилъ свои мысли довольно яс-
но; онъ не осмѣлится написать другаго. Къ то-
му же этотъ плутъ, играющій роль правдухи,
мой почтенный секретарь Погремушкинъ,
и собить это дѣло представить по моему

желанію, зная мои отношенія съ протопопомъ.... И такъ его брань и доносъ, и наговоры, отольются ему со сторицею! А что касается до мичмана, то онъ изъ рукъ моихъ не уйдетъ, хотя я и не возьму его теперь подъ стражу. Средствъ много отъ него отдѣлаться, и свадьбы своей не видать ему, какъ своихъ ушей! Словомъ: покуда все идетъ, какъ не лъзя лучше; но конецъ вѣнчаетъ дѣло!" -- сказалъ онъ вслухъ.

-- Точно такъ, ваше высокоблагородіе! -- подхватилъ вошедшій въ сію минуту дьячекъ. -- *Finis bonus coronat opus!*

"Что ты скажешь, Степанычъ?"

-- Во-первыхъ: честь имѣю поздравить васъ съ ангеломъ, и пожелать вамъ лѣта Маѳусаиловы; а во-вторыхъ, доложить, что отецъ протоіереи уже располагается начать обѣдню, дожидая ваше высокоблагородіе ровно два часа битыхъ....

"Хорошо! хорошо! Извини меня предъ отцемъ протоіереемъ, и скажи, что сейчасъ иду."

Послѣ сего, выйдя въ пріемную комнату, начальникъ раскланялся съ ожидавшею его

даннымъ-давно подобострастною толпою, и вмѣстѣ съ нею отправился туда, гдѣ душа кающагося грѣшника можетъ обрѣсть Небо; а нераскаяннаго -- вѣчное наказаніе; однако жъ Антонъ Григорьевичъ, надѣвъ опять на себя роль смиренно-мудреннаго христіанина, столь хорошо разыгрывалъ ее, что безпрестанно утиралъ слезы, и проплакалъ отъ умиленія почти всю обѣдню.

Х.

ОБѢДЪ.

Но окончаніи обѣда, начальникъ, не показавъ ни малѣйшаго вида неудовольствія, пригласилъ протопопа къ себѣ на обѣдъ, за которымъ посадилъ его по правую сторону; по лѣвую сидѣла его супруга; далѣе Марія и мичманъ; въ концѣ же стола засѣдали дьячекъ и фельдшеръ, приглашенные къ обѣду по извѣстной пословицѣ: на безрыбье и ракъ рыба. Сверхъ сихъ лицъ, были еще нѣсколько чиновниковъ съ женами; но мы не имѣемъ надобности именовать ихъ, замѣтивъ только одно обстоятельство, что земскіе отличалась особенною свободою и самоувѣренностію въ превосходствѣ предъ своими собратіями.

Обѣдъ шелъ весьма тихо и чинно. Любимый разговоръ Антона Григорьевича, когда онъ находился въ собраніи, былъ о суетѣ міра, о трудномъ пути креста, о самоотверженіи и презрѣніи всѣхъ благъ житейскихъ и проч. и проч. Сверхъ того, за столомъ у него всегда была читана Библия, и на сей разъ сіе чтеніе было поручено дьячку, который самымъ выразительнымъ и нѣсколько гнусноватымъ голосомъ, съ необходимымъ для него прибавленіемъ глупѣйшихъ жестовъ, провозгласилъ:

Книга Іисуса сына Сирахова.

Чадо! живота нищаго, не лиши, и не отвращай очесъ отъ просящаго; души алчущія не оскорби, и не разгнѣвай мужа въ нищетѣ его....

-- Вотъ истинная мудрость! -- говорилъ Антонъ Григорьевичъ, обращаясь къ протопопу, -- Вотъ чему мы должны бы слѣдовать!

Протопопъ наклонилъ голову въ знакъ согласія, но не сказалъ ни слова, а дьячекъ продолжалъ:

"Не уповай на имѣніе твое, и не рцы: до-вольно мы суть.... Не рцы: кто мя преможетъ;

Господь бо мстятъ отмститъ ти...."

При семъ словѣ начальникъ принялъ мрачную мину, и, прервавъ чтеніе, сказалъ дьячку: "Ну-ка, Степанычъ, прочитай что-нибудь изъ книги Іова. Я особенно люблю эту книгу -- говорилъ онъ обращаясь къ протопопу: -- Тутъ есть столько сходнаго съ моимъ положеніемъ!"

Дьячекъ развернулъ сію книгу, и продолжалъ чтеніе съ величайшею монотоніею; гости всѣ молчали, и обѣдъ походилъ болѣе на похоронный, нежели на именинный. Самъ именинникъ показывалъ видъ глубочайшаго вниманія къ чтенію, и только знающему состояніе его души можно было бы примѣтить тѣ бѣглыя, но поѣдающіе взгляды, которые онъ бросалъ на Марію. Въ одинъ изъ сихъ моментовъ, дьячекъ, исключительно мѣтившій на мичмана, съ большею противъ обыкновеннаго энергіею возгласилъ: "Завѣтъ положихъ очима моима, да не помышлю на дѣвицу...." Самое мгновенное содроганіе пробѣжало по лицу сластолюбиваго лицемѣра, и хотя никто не могъ примѣтить сего, кромѣ собственной его совѣсти, но онъ,

тревожась ложнымъ опасеніемъ виновнаго, счель необходимымъ придать этому движенію другую причину. "Ахъ, Боже мой! -- говорилъ онъ -- я изабылъ отдать вамъ, Викторъ Ивановичъ!... Къ вамъ есть письмо.... Вотъ оно! Прочитайте, пожалуй-ста, теперъ, и если нѣтъ никакого секрета, то расскажите намъ: кто и что къ вамъ пишетъ. Намъ здѣсь всякая бездѣльная новость драгоцѣнна."

-- Это отъ правителя канцеляріи намѣстника -- сказалъ мичманъ, взглянувъ на подпись письма. -- Онъ старинный другъ моего благодѣтеля, который меня воспиталъ.

Легкое смущеніе показалось на лицѣ начальника, и каждый изъ чиновниковъ сдѣлалъ примѣтную гримасу, невольно выразившую сію мысль: "Э! э! Такъ вотъ какія связи!" Мичманъ, дочитывая про себя письмо, вдругъ измѣнился въ лицѣ, и задыхаясь отъ слезъ, едва могъ произнести: "Я лишился его!"

-- Что такое? Кого ты лишился? -- вскричала Марія.

"Онъ умеръ! Онъ, который былъ моимъ вторымъ отцемъ!... Его уже нѣтъ! Ахъ, Боже мой!"

-- Что же дѣлать, Викторъ Ивановичъ? -- говорилъ начальникъ, взявъ письмо съ видомъ величайшаго соболѣзнованія; но въ самомъ дѣлѣ единственно изъ любопытства, дабы лучше судить объ отношеніи мичмана къ правителю канцеляріи. -- Что дѣлать? Такова участь всѣхъ смертныхъ!"

-- Это правда, что такова! -- подхватилъ протопопъ, истинно тронутый положеніемъ мичмана. -- Всѣмъ время, и время всякой вещи подъ небесемъ. Время рождати и время умирати; время садити и время исторгати сажденное....

"Одного опасаюсь я -- сказалъ по нѣкоторомъ промежуткѣ начальникъ протопопу въ полголоса, но такъ, чтобы слышно было и мичману -- опасаюсь, чтобы это неприятное извѣстіе не помѣшало вашей свадьбѣ. Но впрочемъ, что же такое? вѣдь, не отецъ родной!"

-- Но онъ былъ мнѣ -- подхватилъ мичманъ -- дороже роднаго отца! Отецъ сталъ бы заботиться обо мнѣ частію по своей обязанности, а онъ единственно, по добротѣ сердца презрѣлъ меня, сироту, воспиталь....

"А гдѣ же были родители ваши?" -- спросила жена начальника.

-- Я лишился ихъ еще въ младенчествѣ -- отвѣчалъ мичманъ, не хотѣвшій объяснить при семъ подробности своей исторіи,-- и этотъ человекъ заступилъ мнѣ ихъ мѣсто!

"Коли такъ -- сказалъ начальникъ съ видомъ наставителя,-- то, конечно, вы сдѣлаете доброе дѣло, почтивъ его память. Ваше счастье впереди, и отъ васъ не уйдетъ; но на вашемъ мѣстѣ, по крайней мѣрѣ, повременить съ полгода...."

-- Боже мой! съ полгода! Потеря его для меня невознаградима, и сколько я ни люблю Марію, но чтобы залечить эту рану, надобно много времени!....

Эта рѣшимость мичмана могла бы, можетъ быть, опечалить всякую невѣсту, но не Марію, которой ангельская душа въ сію минуту была занята единственно горестію своего любовника, безъ всякаго вниманія къ собственному положенію. Она, смотря на него, также не могла удержаться отъ слезъ, и горько плакала.

-- Какъ они любятъ другъ друга! -- сказалъ

начальникъ протопопу, почувствовавъ злое удовольствіе и адскую надежду при словахъ мичмана, и потому давъ волю своему языку изъ понятнаго однимъ злодѣямъ удовольствія: насмѣхаться надъ несчастными. -- Какъ они любятъ другъ друга! И какое вы прекрасное дѣло сдѣлали, что стоворили ихъ! Они достойны одинъ другаго, и я всегда смотрю на нихъ съ восхищеніемъ!

"Да, они точно стоятъ одинъ другаго! -- подхватила начальница. -- И какъ грустно смотрѣть на слезы существъ, столь счастливыхъ за минуту! Надобно же было случиться этому несчастію!"

Между тѣмъ, вслушиваясь и всматриваясь во все происходившее, дьячекъ млѣлъ отъ удовольствія: ибо лучъ благой надежды также блеснулъ въ высокой душѣ его. Можетъ быть, думалъ онъ, отсроченная свадьба и вовсе не состоится, и я еще успѣю переработать это дѣло: склонить на свою сторону и слѣпую любовь и вѣтренную фортуна!"

"Не унывай! -- прибавилъ онъ въ полголоса, не могши скрыть сильнаго преобладанія сей мысли. -- Не унывай, душа великомощ-

ная! Майте перге! Смѣло шествуй!"

-- Куда это, Климъ Степанычъ -- спросилъ съ усмѣшкою фельдшеръ -- куда это вы изволите отправлять вашу душу?

"Какую душу? Ни куда не отправляю! -- отвѣчалъ опомнившійся и покраснѣвшійся дьячекъ. -- Я такъ думалъ кое-что про себя...."

-- Что же ты думалъ, Климъ Степанычъ?

"А вотъ что, Алексѣй Пантелѣевичъ! Хотя я тогда въ попыхахъ, какъ мы были на Лопаткѣ, и далъ тебѣ слово, помнишь, на берегу моря; но теперь я вижу: дѣло принимаетъ другой видъ, я мнѣ просіяваетъ новый лучъ животворной надежды...."

-- То есть, ты хочешь теперь на попятный дворъ?

"Нѣтъ, не то! -- отвѣчалъ дьячекъ. -- Я хочу только отложить это дѣло, и прежде попробовать поговорить съ Марьей Алексѣевной: авось либо! Мнѣ кажется -- присовокупилъ онъ съ усмѣшкою самоувѣренности, родившейся особенно въ продолженіе обѣда отъ частаго прикосновенія къ рюмкѣ съ эрофеичемъ -- мнѣ кажется, и мы не хуже другихъ! Какъ ты думаешь, Алексѣй Пантелѣевичъ?"

-- Попробуй, Климъ Степанычъ -- говорилъ фельдшеръ съ плутовскою улыбкою, бывъ напередъ увѣренъ въ его неудачъ -- попробуй! Попытка не шутка, спрось не бѣда! Боятся медвѣдя, такъ и въ лѣсъ не ходить!

"То-то и есть, Алексѣй Пантелѣевичъ!"

-- Ну, а если -- спросилъ фельдшеръ -- Марья Алексѣевна все-таки не полюбитъ васъ: такъ тогда что?

"Тогда я уже прибѣгну къ твоей помощи, и въ награду за нее готовъ буду все подтвердить, что ни вздумается тебѣ сказать; только и ты сдержи свое слово: когда засадятъ въ тюрьму этого бестію мичмана и протопопа, то чтобъ внучка его непременно была выдана за меня! Такъ-ли?"

-- Разумѣется, что такъ, и вотъ тебѣ доказательство!....

Онъ поднялъ рюмку, чокнулся ею объ рюмку дьячка, и выпилъ сразу.

-- Ахъ, братъ Алексѣй! -- сказалъ начальникъ -- ты все эрофеичъ-то потягиваешь! Вѣдь я и забылъ послать тебѣ твою порцію!

Сказавъ сіе, онъ налилъ порядочный бокаль наливки, и послалъ къ фельдшеру, кото-

рый, вскочивъ на ноги, и поднявъ бокаль кверху, провозгласилъ изо всей мочи: "Здравіе и долгоденствіе вашему высокоблагородію! ура!"

Всѣ земскіе чиновники и секретарь начальника, любившій хвастаться своимъ басомъ, подхватили ура фельдшера, и симъ заключился обѣдъ.

ХІ. УРОКЪ ВЪ ИСТОРИИ.

Роковое извѣстіе, полученное мичманомъ въ день именинъ начальника, отдалило его свадьбу на цѣлый годъ. Это было причиною, что жизнь Маріи, исключая исторіи сердца, опять потекла по прежнему; опять начала она, по совѣту своего дѣда, заниматься ученіемъ, и великой наставникъ ея, дьячекъ Климъ Степановичъ, снова вступилъ въ права свои. Дня, въ который было назначено начать продолженіе уроковъ, онъ ожидалъ съ такимъ же нетерпѣніемъ, какъ скряга платежа по векселю, наслѣдникъ смерти своего богатаго родственника, или судья просителя съ обѣщанною взяткою. Наконецъ день сей насталь. Дьячекъ, вычистивъ тщательно, во-

преки своему обыкновению, своей сѣрой, длиннополой сюртукъ и примазавъ кваскомъ пучекъ, пошелъ подобно Аристотелю въ извѣстной сказкѣ: Пристыженный мудрецъ, еще срамиться...

Пошелъ въ любви своей Темиръ онъ открыться.

Въ нѣсколько уроковъ, данныхъ до поѣздки на Лопатку и острова, дьячекъ прочиталъ только вступленіе въ исторію, распложая оное глупыми и надутыми фразами, въ которыхъ и заключалась вся его мудрость и ученость. Такимъ образомъ въ настоящій урокъ ему надлежало начать самую исторію. Положивъ предъ собою огромную книгу въ черномъ кожаномъ переплетѣ, и пригладивъ рукою волосы, онъ, наконецъ, отверзъ своя краснорѣчивыя уста. "Эта книга, сударыня, есть исторія церковная, гражданская и ученая, повѣствующая о началѣ, возвышеніи и упадкѣ монархій и царствъ; о царствованіяхъ, дѣяніяхъ и лѣтахъ жизни царей и императоровъ; дѣяніяхъ епископовъ и папъ римскихъ, отцевъ и учителей церковныхъ...."

-- Напрасно вы трудитесь, прочитывая это -- прервала Марія; -- вѣдь вы мнѣ уже говорили, что принесете всеобщую исторію....

"Точно такъ-съ! -- сказалъ нѣсколько смутившійся дьячекъ, который, прочитывая заглавіе книги, выигрывалъ только время, дабы собраться съ силами для начатія своего объясненія. -- Точно такъ-съ! Но прежде, нежели я приступлю къ преподаванію сей книги, я долженъ, если вы не оскорбитесь моимъ откровеннымъ объясненіемъ...."

-- Помилуйте! Кто-жъ можетъ оскорбляться откровенностію, и особенно въ такомъ дѣлѣ! -- отвѣчала Марія, не подозрѣвая настоящаго намѣренія со стороны своего наставника, и относя его къ настоящему занятію.

Эти слова, принятыя дьячкомъ въ выгодномъ для него смыслѣ, придали ему особенную бодрость, и онъ, собравъ весь запасъ затверженныхъ фразъ, рѣшился, наконецъ, высказать свою любовь безъ малѣйшей остановки.

"И такъ -- сказалъ онъ внѣ себя отъ восторга -- если вамъ откровенность моя не можетъ быть противна: то я осмѣливаюсь съ

позволенія вашего сказать, что...."

Но въ эту минуту взошелъ протопопъ, и дьячекъ, остановленный на самомъ важномъ пунктѣ, совершенно растерялся и остался въ положеніи пораженнаго параличемъ, ничего не видя и не слыша.

-- Продолжай, Степанычъ! -- сказалъ протопопъ -- Я тоже послушаю. Ну, что осмѣливался ты съ позволенія сказать?

"Богъ сотворилъ міръ" -- продолжалъ разстроенный наставникъ, заикаясь и кашляя.

-- Что ты, Господь съ тобою! сказалъ протопопъ. -- Ужъ съ позволенія сказать: Богъ сотворилъ міръ! Какое тутъ дозволеніе?

При семъ ученица не могла удержаться отъ смѣха, и дабы не обидѣть учителя, захвативъ платкомъ ротъ, вышла проворно въ другую комнату, а вслѣдъ за ней и новый пристыженный мудрецъ, схвативъ шапку, выбѣжалъ опрометью изъ класса, и почти по инстинкту прибѣжалъ прямо въ квартиру фельдшера.

-- Что, любезнѣйшій Климъ Степанычъ, такъ разстроены? Знать не пало удачи? -- спросилъ сей послѣдній.

"Охъ, изверги, разбойники! Осрамили, убили, зарѣзали!"

-- Да, что же они сдѣлали съ тобою?

"Охъ, дай отдохнуть!"

-- Разругали что ли?

"Хуже! Лучше бы разругали?"

-- Ужели побили!

"Хуже!"

-- Такъ что-же такое? Я не могу догадаться!

"Надъ лекціею насмѣялись! -- произнесъ дьячекъ съ самымъ отчаяннымъ воплемъ.

-- А, вотъ что! Это въ самомъ дѣлѣ обидно и преобидно! Ну, такъ теперь останавливаться ужъ не за чѣмъ? Присылай-же вчерашнюю бумагу; мы поставимъ на своемъ. Давай руку!

"Вотъ тебѣ моя и рука я голова. Зарѣзывай ихъ всѣхъ безъ пощады, губи, рѣжь, жги, дѣлай съ ними что только можешь! Я столько огорченъ, обиженъ, озлобленъ, что не имѣю словъ, чтобъ выразить мои чувства, и могу сказать съ Цицерономъ: *id verbis eхеquī non possuih!*"

-- Хорошо, хорошо, Климъ Степанычъ! Успокойся! Мы исправимъ это дѣло, какъ нельзя лучше, и скорѣе потечетъ кверху Пара-

тунка, чѣмъ ктонибудь, кромѣ тебя, женится на внучкѣ протопопа!

"О! если ты устроишь это, то я, клянусь тебѣ, напишу въ честь твою такой панигирикъ, какого не читали ни древніе, ни новѣйшіе, и какого не удалось написать и самому Плинію Онъ передастъ имя твое позднѣйшимъ потомкамъ, и слава о тебѣ...."

— Покорно благодарю, Климъ Степанычъ! Слишкомъ много трудиться предпринимаете....

"Но я долженъ сказать тебѣ одно условіе, о которомъ я и прежде тебѣ говорилъ: и этого мошенника Зуду непременно должно включить въ общую категорію. Онъ осмѣлился насмѣхаться не только лично надо мною, но и надъ этимъ священнымъ языкомъ, на которомъ говорилъ Цицеронъ, Вергилій, Горацій, и проповѣдывалъ великій Сенека!"

— Ладно, ладно, Климъ Степанычъ! Спуску никому не дадимъ: будетъ всѣмъ сестрамъ по серьгамъ, а покамѣстъ разопьемъ-ка, въ знакъ нашей вѣковѣчной дружбы, вотъ этотъ штофикъ всероссійскаго, такъ дѣло пойдетъ еще лучше, да и на сердцѣ будетъ повеселѣе!

"И то дѣло, Алексѣй Пантелѣевичъ! -- говорилъ дьячекъ, принимаясь за стаканъ. -- Я не прочь отъ этого! И правду сказать: что прежде времени отчаяваться? Мудрецъ смотритъ на конецъ -- древняя пословица! Ахъ, я люблю древнихъ! Вотъ были истинные мудрецы! Напримѣръ: Діогенъ.... (какъ ты думаешь?).... даже деревянную чашку считалъ роскошью, и пилъ горстью, и притомъ одну воду! Вотъ верхъ мудрости!"

-- Ну, воду-то можно пить и горстью -- замѣтилъ фельдшеръ,-- а вотъ какъ, напримѣръ, водку, такъ, право, лучше изъ стаканчика. Опарожнивайте-ка поскорѣе, Климъ Степанычъ, да и я хлебну за ваше здорье!

Такимъ образомъ дьячекъ, подобно весьма многимъ нравоучителямъ, прославляя мудрость, пившую горстью одну воду, запивалъ проповѣдь свою полными стаканами вина, и едва могъ доплестись зикзаками до своей квартиры, между тѣмъ, какъ самому ему казалось, что ноги его не дотыкаются до земли, и что онъ летитъ весьма быстро по воздуху. Состояніе его духа было самое забавное: без-

смысленная веселость и глупое равнодушіе ко всему житейскому и къ самой жизни, наполняли совершенно его душу. "А чортъ ихъ возьми совсѣмъ! -- говорилъ онъ, повалившись на постелю. -- Есть о чемъ думать! И Зуда, и протопопъ, и черти, и дьяволы -- провалитесь они, окаянные! Удастся, такъ ладно, а и не удастся, такъ все равно! Мы не думаемъ ни о чемъ! Пусть этотъ, мошенникъ, фельдшеръ работаетъ, а я и думать не хочу, и не думаю, и думать не стану! Inter querqum et betulam....

Дьячекъ запѣлъ во все горло на латинскомъ языкѣ извѣстную русскую пѣсню: Между дубомъ и березой рѣка протекала.

Inter querqum et betulam
Flumen promanavit
Flumen, flumen promanavit.
Aqua frigidula.
Nemo potest aqua bibi,
Nec illam hauriri!

"Помогай Богъ! -- сказалъ вошедшій въ сіе время въ квартиру дьячка человѣкъ высокаго роста съ сѣдою, какъ лушь, головою, но еще бодрый тѣломъ и свѣжій лицомъ, составляв-

шимъ сущую вывѣску житейской мудрости.
-- Помогай Богъ! славно, Климъ Степанычъ!
Нечего сказать: мастерище! да еще я на латинскомъ діалектѣ...."

-- А! это вы, Аркадій Петровичъ!-- воскликнулъ дьячекъ пьянымъ голосомъ. -- Это вы? Здравія желаемъ! садитесь, гости будете, а я такъ пьянъ сегодня, не осудите!

"Что осуждать, Климъ Степанычъ! этотъ грѣхъ и съ нами водится! Пойте-ка, я послушаю..."

-- Не осудите, пожалуй-ста, не осудите, Аркадій Петровичъ!

"Да ужъ не осужу; мой, Климъ Степанычъ, пой!"

-- Ну же осуди же!

"Пой, пой!"

Дьячекъ запѣлъ:

Arud Tirum senioreat

Femina formosa;

Castigari negat uxor

Neque maculari!

Castigarit una hora

Flevit hebdomade!

-- Что жъ это значитъ, Климъ Степанычъ?

"Это значить-то, что биль жену одинъ часъ, а плакаль недѣлю."

-- Э! э! вотъ каково жениться! Не женитесь, Климъ Степанычъ! сущяя бѣда! до-сыта наплачешься!

"Чортъ съ ними! Я думалъ, да и раздумалъ, да я передумалъ...."

-- А вѣдь болтали, Климъ Степанычъ, что вы кое-гдѣ присватывались, да чуть ли не къ внучкѣ отца Петра....

"Анаѳема! трижды анаѳема и онъ, и она, и этотъ мичманишко, и этотъ Зудишко, и всѣ они.... Будь они прокляты отъ меня!"

-- А за что же, Климъ Степанычъ, на Зуду-то ты прогнѣвался? Ужъ, вѣрно, онъ не перебивалъ у тебя!

"Кто? Зуда? этотъ мошенникъ, Зуда? нѣтъ; Завтра! не будь я дьячекъ Климъ Степановъ Шайдуровъ, если я не женюсь на этой дѣвчонкѣ! Она моя, моя! Это вѣрно такъ-же, какъ и то, что я пьянъ сегодня!"

-- Кто же и сумнѣвался въ этомъ, Климъ Степанычъ? Если ужъ за тебя не отдать, такъ за кого же?

"Да ужъ отдавай онъ, не отдавай, а я

сдѣлаю по-своему: я женюсь на его внучкѣ! Коли пошло на перекорь, такъ я же упрямя! Я то сдѣлаю, что они всѣ на колѣняхъ будутъ просить меня: женись, батюшка Климя Степановичъ, да еще, можетъ быть, я-то тогда заупрямлюсь!"

-- Съ вашимъ умомъ, Климя Степанычъ, все можно сдѣлать. Госорятъ же, что вода-де камень долбитъ, а чтобъ умный человекъ не могъ достигнуть чего желаетъ -- вѣрить не хочу этому!

"Да ужъ что придумано мной, такъ пусть другой выдумаетъ!...."

-- Да кто же можетъ это выдумать? нѣтъ, Климя Степанычъ, скажу вамъ безъ обиняковъ: много видалъ я людей на свѣтѣ, а умнѣе, братъ, тебя не видывалъ.

"То-то же! а этотъ старый плуть, Зуда, осмѣлился смѣяться, когда я сказалъ ему объ этомъ! да ужъ я отсолю имъ всѣмъ! я имъ покажу, каково задѣвать не по силамъ! я ихъ всѣхъ упеку подъ судъ...."

-- Да если правду сказать, такъ давно бы пора это сдѣлать, особенно съ мошенникомъ Зудю: онъ давно, говорятъ, поносить васъ,

гдѣ только можно.

"Разбойникъ! Я дамъ ему! Я ему дамъ! Вотъ бумажка! Стоитъ только пустить въ ходъ -- и дѣло съ концемъ! Тутъ все написано: какъ они бунтовали народъ; какъ учили не слушаться начальника; какъ.... ну, слышь, все, да и полно!.... Все, все!"

-- Да ужъ если вы сами, Климъ Степанычъ потрудились надъ нею, такъ, вѣрно, есть что почитать!

"И, конечно, самъ! Гдѣ жъ этому дураку фельдшеру?... Вѣдь онъ дуракъ, хоть начальникъ его и любитъ!... Вчера еще вздумалъ учить меня: ты де напиши такъ-то и такъ-то.... Нѣтъ, братъ, не тебѣ меня учить! Цицеронъ, Демосѣенъ -- вотъ мои учителя!.... Я взялъ перо, да и давай катать:"

"Его высокоблагородію начальнику Камчатки Антону Григорьевичу Броникову Дьячка Клина Степанова Шайдурова покорнѣйшее донесеніе...."

Дьячекъ, дѣлая самая глупыя и хвастливыя замѣчанія, останавливался почти на каждомъ словѣ, однако жъ дочиталъ отъ начала до конца свое донесеніе, въ которомъ онъ,

якобы по долгу присяги и совѣсти, взводилъ на протопопа, мичмана и Зуду тѣ-же самыя небылицы, какія были выдуманы бездѣльникомъ фельдшеромъ, и, въ заключеніе, спросилъ: каково?

— Прекрасно, Климъ Степанычъ, прекрасно! Лучше никто въ свѣтѣ не напишетъ! А что-же вы медлите, не подадите этой бумажки? Пустить ее, да и все!

"Да вишь, я имѣю великодушное сердце; думалъ: авось опомнятся, да нѣтъ! Видно, судьба! Пусть же купаются! Завтра же пуцу въ ходъ.... завтра, завтра! Полно вамъ смѣяться надо мною, полно!..."

Долго еще болталъ дьячекъ, и наконецъ, закрывъ глаза, крѣпко заснулъ и захрапѣлъ, а незнакомецъ, пересмотрѣвъ разбросанныя на столѣ бумаги, нашелъ въ числѣ ихъ донесеніе дьячка, написанное вчернѣ, и выходя отъ него говорилъ: "Вотъ какіе умыслы! Такъ справедлива пословица, что молва въ народѣ ходитъ не по пустому, и въ каждой лжи есть нѣсколько правды. Вчера я думалъ, что Акета болтаетъ пустяки, и пошелъ только къ этому глупцу для опыта, а теперь вижу и въ самомъ

дѣль, что это правда. Надобно какъ-нибудь дать знать Зудѣ объ этихъ козняхъ! Ахъ, бѣдный ты товарищъ моей ссылки! видно, люди еще не сыты нашею бѣдою; видно, ничто не утолитъ злобы ихъ: ни похищеніе всѣхъ надеждъ нашей молодости, ни ваша горькая старость!"

XII.

КАМЧАДАЛЬСКОЕ УГОЩЕНІЕ.

Выведенный нами на сцену въ предъиду-щей главѣ незнакомецъ былъ несчастный Ивашкинъ, такъ же, какъ и протопопъ Верецагинъ, обратившій на себя вниманіе Англичанъ и Французовъ своею судьбою и благородствомъ души. Воспитываясь въ одномъ заведеніи съ Зудою, онъ былъ другомъ его съ самаго дѣтства, не смотря на разность характеровъ. Оба они равно любили правду и добродѣтель и ненавидѣли порокъ и ложь; но Зуда не умѣлъ удерживать порывовъ своего сердца, шель вездѣ грудью и высказывалъ свое мнѣніе напрямки, а, напротивъ, Ивашкинъ, сохранявшій во всякомъ случаѣ болѣе равнодушія, не любилъ лѣзть добровольно въ опасность безъ пользы себѣ и другимъ, ста-

рался избѣгать ее, когда можно было сіе сдѣлать и, для достиженія своихъ цѣлей, особенно на пользу другихъ, не гнушался никакими средствами, если только можно было согласить ихъ съ правилами чести и справедливости.

Такимъ образомъ, вывѣдавъ у пьянаго дьячка свѣдѣніе объ опасности, угрожавшей Зудѣ, Ивашкинъ рѣшился, во что бы то ни стало, передать ему о семъ извѣстіе, совѣтуя предупредить бѣду удаленіемъ на острова или въ другое какое нибудь укромное мѣсто, доколѣ лучшая звѣзда не взойдетъ надъ Камчаткою: "ибо -- прибавилъ онъ -- хотя я и напередъ знаю, что по твоимъ правиламъ бѣгство отъ суда есть величайшій грѣхъ и преступленіе, но вспомни: во-первыхъ: что съ нами, лишенными уже гражданскихъ правъ, могутъ и за малѣйшую вину поступить самымъ жестокимъ образомъ; а во-вторыхъ: что судьи твои будутъ люди, не знающіе ни совѣсти, ни Бога, и на правосудіе которыхъ столь же мало можно надѣяться, какъ на вешній ледъ. Если начальникъ дотронулся бы до тебя и однимъ пальцемъ, только, то и

тогда ты непременно провалился бы въ пропасть; а теперь онъ обѣими руками старается спехнуть туда, хоть и не прямо тебя, но такихъ людей, съ которыми необходимо приведется и тебѣ погибнуть за компанію. Пожалѣй, мой старый другъ, если не себя, такъ меня. Конечно, жить въ подлунномъ мірѣ намъ осталось уже недолго; но все осиротѣть какъ-то не хочется, а послѣ тебя я совсѣмъ осиротѣю! Притомъ, другъ мой, подумай, что, скрывшись отъ злодѣевъ, ты ни мало не нарушишь обязанностей вѣрноподданнаго: ибо тебя осудить не Государыня, которая безъ вины и трости сокрушенной не преломить, но нарушители ея законовъ, обманщики и притѣснители, которыхъ мечъ ея, рано или поздно, но постигнетъ непременно, и, кажется, это время уже недалеко. Есть слухи, что нынѣшній иркутскій губернаторъ, Кличка -- человекъ умный, правосудный и весьма заботливый о благѣ губерніи. Онъ навѣрно не допуститъ и нашу бѣдную Камчатку терпѣть долго зло, а постарается залечить поскорѣе ея раны. И такъ послушайся меня: укройся до времени отъ бури, а тамъ Богъ, Государыня и

начальство защитятъ тебя! Не упрямясь и не увеличивай моего горя. Прощай!"

Но съ кѣмъ же переслать мнѣ это письмо? - спросилъ самъ себя Ивашкинъ, окончивъ его. -- Если оно попадетъ въ руки начальника: то меня живаго съѣдятъ!... Ахъ, постой!... Развѣ мнѣ угостить хорошенько Акету и, вмѣсто подарка, взять съ него слово отвезти это письмо!... Точно такъ!... Это дѣло я вздумалъ!... Ему хоть приведется сдѣлать верстъ со сто лишимъ, но не надо только жалѣть дару и постараться такъ угостить его, чтобы онъ нехотя далъ слово.... Ахъ, кабы мнѣ удалось это сдѣлать!... Боже мой! помоги мнѣ тѣмъ или другимъ способомъ, но только бы спасти моего бѣднаго Зуду!...

Разсуждая такимъ образомъ, Ивашкинъ приблизился къ юртѣ, гдѣ квартировалъ Акета. Акета былъ тою же острожка, находившагося на рѣкѣ Камбалиной, и вовсе истребившагося во время заразы. Изъ словъ Ивашкина, мы видѣли, что Акетѣ, для заѣзду въ Куу-юхчевъ надлежало свернуть съ прямого пути на большое разстояніе, и потому-то требовалось особенное стараніе, чтобы убѣдить его:

дать на сіе свое слово; а слово дикаго Камчадала, въ бесѣдѣ съ пріятелемъ вымолвленное, значить и донинѣ гораздо болѣе, нежели всѣ контракты, заключаемые между нашею просвѣщенною братіею, по всѣмъ обрядамъ законнаго порядка.

Ивашкинъ, пригласовъ къ себѣ Акету, истопилъ баню жарчайшимъ образомъ и, по камчадальскому обычаю, засадилъ дорогаго гостя на самый полокъ. Тамъ были приготовлены для него: страшная чаша щербы {Похлебка изъ соленой рыбы.}, ужаснѣйшая порція кислой, вонючей рыбы (самаго любимѣйшаго камчадальскаго кушанья) и цѣлая кадка толкуши. Сперва жаръ въ банѣ былъ еще не очень великъ, и Акета примѣтно этимъ обидѣлся: ибо сильный, нестерпимый жаръ для Камчадала есть первое угощеніе. "Другъ! -- сказалъ онъ Ивашкину -- ты покупился, знать, на дрова: ужъ лучше бы не звалъ, коли жаль!"

-- Не торопись, любезный! Покушай на здоровье, а мы вотъ по немногу будемъ поддавывать.... Ну каково теперь?

"Теперь нешто!"

— А вотъ мы еще поддадимъ разиковъ пять, такъ, авось, и поразогрѣешься!

Послѣ сего хозяинъ началъ сдавать на каменку и угощать гостя самымъ прилежнымъ образомъ; а гость, по правиламъ камчадальской учтивости, всѣми силами старался показать видъ, что жаръ еще не слишкомъ великъ и приготовленнаго кушанья еще не совсѣмъ достаточно. Верхъ камчадальскаго угощенія есть доведеніе, наконецъ, несытаго и недовольнаго гостя до признанія, что онъ не въ силахъ болѣе ни ѣсть, ни сносить жара: тогда угощеніе превращается уже въ пытку, и хозяинъ, не смотря на моленіе гостя, продолжаетъ его угощать дотолъ, пока не выпроситъ у него всѣхъ тѣхъ вещей, какія только онъ желаетъ у него оттягать. Къ этому-то и стремился Ивашкинъ, доводя жаръ бани до высочайшей степени температуры, такъ что и самъ не былъ уже въ состояніи сносить его, и продолжалъ сдавать, выйдя въ передбанникъ. Гость, наконецъ взмолился: "Другъ! спасибо, довольно! Не могу больше! Сытъ по горло, а жаръ ужъ глаза сжетъ!"

— Э! пошо, любезный! что это за жаръ! Такъ

ли еще угощаютъ Русскіе! Вотъ еще корытцо кислой рыбки скушай, а мы между тѣмъ еще поддадимъ разика два, три.

"Сдѣлай милость, другъ, перестань! Не могу больше! Проси, чего хочешь, все отдамъ, только выпусти вонъ!...."

-- Такъ и быти выпущу: отвези письмо въ Кууюхчевъ, а притомъ, чтобы здѣсь ни одинъ человекъ не звалъ объ немъ.

"Нѣтъ, другъ, далеко; проси, что другое, все дамъ, а этого не могу."

-- Не можешь? скушай же еще корытцо, а еще парку прибавлю.... Ну каково теперь?

"Пожалуй-ста, другъ, перестань! выпусти: всѣхъ собакъ хорошихъ отдамъ; отдамъ парку бобровую, да въ придачу десять соболей? да пятокъ лисиць...."

-- Ничего не надобно, любезный! Я прошу одного. Опрастывай корытцо то, а я еще разокъ лену {Подолью.} на каменку....

"Ой, другъ, перестань! Выпусти, на все согласенъ!

-- Такъ отвезешь письмо?...

"Отвезу, други отвезу!"

-- И здѣсь никому не скажешь?...

"Никому, никому, ни одной собакѣ! пусть меня съѣдятъ медвѣди, или злой духъ удушитъ, когда поѣду мимо его дерева, или...."

-- Ладно, не клянись, яи слову твоему вѣрю. А выѣдешь ли завтра по-утру чѣмъ свѣтъ?...

"Выѣду, когда хочешь, только выпусти!.... Ой, тошнехонько!"

-- Ну, такъ и быть, выльзай!

Такимъ образомъ кончилось угощеніе, и гость еле живой выльзъ, наконецъ, изъ бани, и полумертвый палъ на снѣгъ.

"Ну другъ! -- сказалъ онъ нѣсколько опомнившись -- славно угостилъ, нечего сказать! Скажу тебѣ, другъ, правду: и нашему брату Камчадалу врядъ ли удастся такъ уподчивать; чудо какъ угостилъ!"

-- Ну ярадъ, Акета, что ты доволенъ. Вѣдь мы съ тобой старые знакомые, такъ и стыдно было бы, когда бы ты не доволенъ остался....

Назавтра Ивашкинъ еще прежде разсвѣта явился къ Акетѣ и, отдавая ему письмо сказалъ: на же тебѣ письмо, да поѣзжай съ Богомъ, а на прощеньи выпей-ка вотъ этотъ стаканчикъ водки, да вотъ еще на дорогу небольшая фляжка. Больше нѣтъ, не осуди!

"Спасибо, спасибо, другъ! Доволенъ тобою такъ, что не только за сто, за тысячу верстъ посылай -- поѣду, да и по дорогѣ всѣмъ буду хвастать: вотъ-де какъ угощаютъ Русскіе!"

-- Ладно, рассказывай; только о письмѣ-то надо молчать...

"Ужъ скажу ли я, коли даль слово; умру скорѣе!"

-- Хорошо, хорошо!... Ну, пора, отправляйся!

"Я бы сейчасъ, только не знаю, что долго не идутъ мои родовичи...."

-- А вотъ и они -- сказалъ Ивашкинъ,-- легки на поминѣ!... Что вы замѣшкались, ребята? нате-ка выпейте тоже на дорогу по стаканчику, да и ступайте проворнѣе.....

"Спасибо, бачка! сейчасъ поѣдемъ; мы готовы."

Родовичи Акеты были извѣстные уже намъ два Камчадала: Лемшинга и Камакъ, провожавшіе протопопа Верецагина, и возвращавшіеся назадъ на рѣку Камбалину.

Распрощавшись съ Ивашкинымъ, Камчадалы съли каждой въ особой шежхедъ, и на самомъ разсвѣтѣ гусемъ отправились по пустынь, покрытой глубокимъ снѣгомъ, на ко-

торомъ взвивалась едва замѣтная тропинка.

Ивашкинъ, по чувству опасенія и осторожности, проводилъ ихъ далеко за острожекъ и смотрѣлъ въ слѣдъ за ними, пока караванъ не завернулся за лѣсъ, и не исчезли въ дали раздававшіеся по дебри дикіе возгласы: хугъ хугъ! кахъ, кахъ!

Проѣхавши цѣлый день, Камчадалы были къ вечеру уже верстъ за сто отъ Петропавловска. Они ѣхали не по проторенной дорогѣ, но только по извѣстной однимъ имъ, какъ стариннымъ хозяевамъ дома, которымъ въ родномъ пепелищѣ свѣдома съ дѣтства каждая вещь и каждый уголокъ. Въѣхавъ въ средину хребтовъ, проходящихъ вдоль по Камчаткѣ съ юга на сѣверъ, они встрѣтили тамъ ужаснѣйшій сорокаградусный морозъ, отъ котораго воздухъ, стоя неподвижно и сгустившись какъ туманъ, захватывалъ дыханіе. На Камчадалахъ отъ теплоты, выходявшей изъ рта, и походившей на густой дымъ, все обледенѣло: и брови, и усы, и борода, и кукулянка. Морозъ проникалъ до костей и съ величайшею злобою, такъ сказать, выжималъ душу изъ тѣла; но Камчадалы, не разъ уже

боровшійся съ его яростію, Ъхали довольно спокойно, и только изрѣдка вскакивали съ шежхедовъ и бѣжали бѣгомъ. Между тѣмъ въ дебряхъ была совершенная тишина: ни дыханіе вѣтра не колыхало обѣиневѣвшія вѣтви деревъ, ни звѣрь не пробѣгалъ по лѣсу, и птица не пролетала по воздуху; даже вороны, эти воспитанницы зимы и сѣвера, едва взмахнувши крылами, падали мертвыя, пораженныя стужею. Одни Камчадалы были живыя существа, противившіяся ея нападеніямъ, но наконецъ и они рѣшились остановиться и раскласть огонь. Сѣвши около костра, они вынули свой скудный обѣдъ, по куску юколы, ираскупорили флягу, которая въ сіе время была милѣе для нихъ всѣхъ блатъ во вселенной. Но что же? къ величайшему огорченію ихъ, вино не текло изъ отверзтія, и должно было имѣть самое великодушное терпѣніе, дабы дождаться, покамѣтъ оно растаетъ. Въ вознагражденіе за сіе Камчадалы выпили на сей разъ, противъ обыкновеннаго, тройную порцію, и особенно Акета дотолѣ лобызался съ флягою, доколѣ не истощицалась въ ней послѣдняя капля

привязанности. Наконецъ, кончивъ обѣдъ и накормивъ съ тѣмъ вмѣстѣ и собакъ, путешественники пустились на рѣку, пробирающуюся между страшныхъ утесовъ; или, по-сибирски: щекъ, нависшихъ надъ водою, и верхи которыхъ были покрыты громадами куржевины {Куржевина -- иней.}, могущей, при малѣйшемъ сотрясеніи воздуха, обрушиться и завалить навсегда несчастныхъ проѣзжихъ. По сей причинѣ между сихъ щекъ благоразумные путешественники проѣзжаютъ обыкновенно съ величайшимъ молчаніемъ и осторожностію; но не таковы были на сей разъ наши Камчадалы, восторженные краснорѣчіемъ фляги. Двое изъ нихъ завели между собою споръ.

-- Вѣдь, кажись, съ этого утеса -- спросилъ Камакъ -- бросился тотъ парень?....

"Какой?"

-- Ну тотъ, что, говорятъ, сватался-де у тоіона Кушуга на дочери, да Кушуга просилъ у него въ подарокъ собачей парки, а онъ, сколько ни работаль, никакъ-де собачей парки достать не могъ, а досталь только бобровую, да лисью; и вотъ-де Кушуга ему отказа-

ль, а онъ съ горя пошелъ да и бросился....

"Да, вспомнилъ! только нѣтъ, не съ этого, а вонъ съ того, что на поворотѣ-то направо..."

-- А мнѣ такъ сказывали, что съ этого?

"Ты говори: я не знаю!"

-- Да видимо, что не знаешь!

"А ты что ли знаешь?"

-- Да знать, что такъ!

"Ахъ ты, сивуча, тебѣ знать!"

-- Смотри, Лемшинга, не лайся: я те ошто-ломъ ошоломлю, такъ и все позабудешь....

"Попробуй-ка: такъ у самого въ глазахъ за-вертится. Я те ни кто другой!

-- Да и я тоже! вишь на олуха натакался!

"Молчи же, докуда я те въ самомъ дѣлѣ не обломаль ребры!"

-- Свой-то побереге!

Въ продолженіе этой ссоры, Акета, ѣхавшій за нѣсколько сажень впереди, былъ со всѣмъ въ иномъ расположеніи духа. Воображеніе его, разгоряченное водкою, живо представило ему прошедшее. Онъ раздумался о разныхъ огорченіяхъ, встрѣчавшихся въ его жизни: какъ нѣкогда убѣжала у него изъ-подъ самыхъ рукъ попавшаяся въ слѣпцы

{Ловушка.} лисица; какъ унесло однажды приливомъ моря байдару съ берега; какъ медвѣдь, подкравшись въ одно время къ балагану, поѣлъ всю дотла сушившуюся тамъ рыбу и проч. и проч. Всѣ несчастія его были для насъ чрезвычайно смѣшны и забавны; но у всякаго свое горе. Наконецъ, въ самомъ дѣлѣ вспало ему на умъ горе немалое: потеря жены, незадолго предъ тѣмъ умершей и горячо имъ любимой, и, въ горькомъ раздумьи, онъ затянулъ унылую пѣсню:

Какъ не гадало-то, не думано,
Что пришла бѣда со всего свѣта:
Потерялъ-то я жену-душечку!
Какъ со той бѣды, со кручинушки,
Пойду въ темный лѣсъ добрый молодецъ,
Стану драть и ѣсть кору съ дерева.
И еще проснусь я ранешенько,
До восхода-то красна солнышка,
Погоню ли я, добрый молодецъ,
Аангичь -- утку на сине море,
И въ слезахъ взгляну на всѣ стороны:
Не найдется ли моя милая,
Моя милая жена, душечка.... (*)

(*) Настоящая камчатская пѣсня, переве-

денная съ камчадальскаго языка.

Пѣвши эту пѣсню, камчадалъ въ самомъ дѣлѣ плакалъ горько: къ чему пьяные бываютъ, какъ извѣстно, особенно способны; но вскорѣ потомъ воображеніе его представило другія картины, и онъ запѣлъ во все горло:

"Тинсаинку фровантахъ...."

По несчастію, въ тоже время увеличился крикъ ссорившихся, вовсе забывшихъ о заповѣдномъ безмолвіи страшнаго мѣста, по которому они проѣзжали. Вдругъ ужасный шумъ начался надъ ихъ головами. Они взглянули кверху, и съ невообразимымъ ужасомъ увидѣли, что страшная лавина отдѣлялась понемногу отъ утеса и медленно наклонялась на нихъ. Пагубный хмѣль ихъ прошелъ мгновенно и волосы встали отъ страха на головѣ. Оставалось одно мгновеніе на что нибудь рѣшиться: оно пролетѣло въ изумленіи -- и быстрая струя мелкаго снѣга полилась на несчастныхъ въ предвѣстіе смерти. "Гибнемъ!" -- вскричали они въ одинъ голосъ, поднявъ по инстинкту руки свои кверху, какъ бы желая удержать страшную громаду, на нихъ обрушавшуюся; -- "Гибнемъ!" Но голоса ихъ

никто, мы даже сами они, не могли уже услышать: ибо въ сіе мгновеніе куржезина рухнула, и погребла ихъ подъ своею массою.

Спустя послѣ сего несчастія два или три дня, наѣхалъ на упавшую лавину новый караванъ, которому иначе нельзя было проѣхать, какъ прежде разгрести снѣгъ. Въ семь караванъ замѣтна была, повидимому, главная особа -- человѣкъ небольшого роста, величаво выступавшій самыми твердыми стопами и грозно распоряжавшій работою съ величайшимъ крикомъ и бранью.

"Ахъ, вы, изверги! едва шевелитесь! Проворнѣ!"

-- Да помилуйте, Петръ Ѳедоровичъ -- сказалъ одинъ изъ работающихъ -- вѣдь взводите видѣть: и то стараемся, да руки окостенѣли!

"Ты еще говоритъ началъ! Твое дѣло копать, а не разглагольствовать. Вы пспотачены, изверги! Подай-ка сюда лопату! Вотъ какъ надо, видишь?.... Ба! Это что такое? Оштоль? Такъ и есть! Смотри, что тутъ кто-нибудь задавленъ! Копайте-ка на этомъ мѣстѣ проворнѣ!"

Казакѣ и Камчадалы, составлявшіе свиту Петра Ѳедоровича, т. е. почтеннаго секретаря Погремушкина, пробиравшася въ Кууюхченъ на слѣдствіе, пачали разгребать снѣгъ самымъ усерднымъ образомъ, и первый открытый ими мертвецъ былъ -- Акета, Погремушкинъ, сколько правдолюбивый столько же и человѣколюбивый, принялъ-было немедленно мѣры къ спасенію его жизни, и велѣлъ оттирать его снѣгомъ; но когда стали раздѣвать замерзшаго и нашли у него подъ куклянкою на груди письмо, и когда Погремушкивъ узналъ онаго содержаніе, то самое справедливое негодованіе овладѣло его душою, и онъ вскричалъ въ бѣшенствѣ: "Ахъ онъ воръ! Ахъ, онъ мошенникъ! бросьте его бѣстію! пусть его околѣваетъ! онъ измѣнникъ! Всѣ въ заговорѣ! всѣ въ комплотѣ противъ начальства! и этотъ старый лиса Ивашкинъ тутъ же поднялся! Добро вы всѣ. мошенники! всѣхъ васъ въ дребезги, да и дѣлу конецъ!"

Свита Погремушкина, не понимая ни одного слова изъ сего грознаго монолога, стояла вокругъ своего повелителя, вытаращивъ гла-

за и опустивъ руки. Наконецъ, онъ вскрикнулъ на нихъ: "Что вы, шельмы, выпучили на меня глаза? что вы не работаете? что вы стоите?... Оторопѣвшая свита опять принялась разгребать снѣгъ, а начальникъ ея, выбравъ между тѣмъ расторопнѣйшаго казака, тотчасъ отправилъ его съ отысканнымъ письмомъ къ начальнику, примолвивъ: "Послушай Горбуновъ! хотя это письмо и не запечатано, но если кромѣ начальника, прочитаетъ его кто другой, то ты головой своей за это отвѣчать будешь." Казакъ далъ твердое увѣреніе, что исполнитъ приказаніе въ точности, и немедленно отправился, а вскорѣ послѣ сего и весь караванъ, очистивъ себѣ путь, пустился далѣе, имѣя посреди шежхедъ Погремушкина, который, разсуждая на досугъ о найденномъ имъ письмѣ, благословлялъ Небо пославшее ему столь прекрасный случай выслужиться предъ начальникомъ и разрушить составленный противъ него комплоть.

XIII.

ВЕЛИКОДУШІЕ.

Спустя два дня по отъѣздѣ Акеты, рано поутру, закинувъ на плеча винтовку и подвяза-

въ лыжи, Ивашкинъ отправился изъ Петропавловска на звѣриный промыселъ, сперва бывшій для него необходимымъ средствомъ для пропитанія, а потомъ уже обратившійся въ страсть. Особенно любилъ онъ преслѣдовать лисицъ, которыхъ забавная хитрость доставляла ему величайшее удовольствіе. Но кстати замѣтимъ, что, до прибытія Русскихъ въ Камчатку, и самыя лисицы сохраняли патріархальную простоту нравовъ, и нерѣдко стаями выходили изъ лѣсу, дабы дружески раздѣлять трапезу съ собаками; такъ что негостепріимный Камчадалъ долженъ былъ отгонять ихъ отъ корма палкою, и могъ ловить ихъ руками. Но во время Ивашкина нравы лисицъ уже совершенно развратились, и онъ, сколь ни былъ искусенъ и опытенъ въ ловлѣ ихъ, однако жъ двѣ зимы сряду ходилъ за одною сиводушкою, которая самымъ искуснымъ образомъ вытаскивала приманку изъ ловушекъ, и уходила отъ нихъ цѣла и невредима. Наконецъ Ивашкинъ, въ настоящемъ своемъ путешествіи, подкараулилъ ее на семь злодѣйскомъ умыслѣ, и прицѣлясь изъ винтовки, уже приговори-

ль-было ее къ смерти, какъ вдругъ раздался по лѣсу крикъ: кахъ, кахъ! хугъ, хугъ! Преступница встрепенулась и снова пропала изъ глазъ мстителя, Ивашкинъ, положивъ съ досадою ружье на плечо, пошелъ на гуль, ворча сквозь зубы: "что тамъ за чортъ закудахталъ? Словно нарочно, чтобы спугнуть эту проклятую!... Ба, это ты, Горбуновъ! -- сказалъ онъ, выйдя изъ лѣсу. -- Откуда это тебя несетъ нелегкая?" Типунъ бы тебѣ на языкъ! только лисицу испугалъ у меня."

"Я лишь приложился, да хотѣлъ спустить курокъ, какъ ты гаркнешь, а лисица и была такова!"

-- Что жъ дѣлать, братина? Извини! не даромъ говорится: кабы зналъ, гдѣ упадешь, такъ подостлалъ бы соломы, а то, вѣдь, сквозь лѣсъ-то не видно...

"Ну, ужъ что сдѣлано, то сдѣлано: теперь не воротись! А скажи-ка мнѣ лучше: ты-то отъ чего воротился?"

-- Послали, такъ и воротился: наше дѣло подначальное.

"Да, вѣдь вы, чай, не успѣли и доѣхать еще до мѣста?"

-- Какое тебѣ до мѣста! и полдороги еще не проѣхали!

"Что же такъ?"

-- Да, вишь, чортъ сбросилъ съ утеса кружевину. Слышь: цѣлый день деньской разгребали, да когда и я поѣхалъ, то еще наши ребята возились надъ нею....

"А ни кого не нашли въ снѣгу?" -- спросилъ Ивашкинъ съ заботливостію.

-- Какъ же! я только хотѣлъ сказать, что нашли того камчадала.... какъ бишь его зовутъ?... ну, слышь, того, котораго, сказываютъ, ты передъ отѣздомъ порядкомъ отжарилъ на полкѣ?

"Боже мой! ужели Акету?"

-- Да, да, Акету....

"Что же вы съ нимъ сдѣлали?"

-- Да Петръ Ѳедоровичъ, слышь, велѣлъ его оттирать снѣгомъ. Вотъ мы стали раздѣвать его, глядь: у него за пазухой письмо. Петръ Ѳедоровичъ, когда прочиталъ его, такъ, слышь, осердчалъ, словно чортъ, да и велѣлъ камчадала опять бросить, какъ собаку, на прежнее мѣсто, а меня послалъ съ этимъ письмомъ къ начальнику....

Слушая сіе, Ивашкинъ перемѣнился въ лицѣ! но, какъ давно знакомый съ бѣдами, скоро оправился, такъ что простодушный казакъ не могъ замѣтить сей перемѣны.

"А что же это за письмо? -- спросилъ Ивашкинъ, желая скрыть обладающее имъ чувство, -- Нельзя-ли показать?"

-- Нѣтъ, братина, нельзя: крѣпко-накрѣпко заказано.

"Ну нельзя, такъ не кажи! Богъ съ-тобой!"

Вскорѣ послѣ сего разговора, Ивашкинъ распрощался съ казакомъ, снова углубился въ лѣсъ, и выйдя потомъ на знакомую падь, быстро понесся на лыжахъ, выбирая самый краткій обратный путь; наконецъ, проходя по покатости одной горы, откуда были видны вдали хижины Петропавловска, онъ, устремля на него неподвижный взоръ, вдругъ остановился. "Боже мой! куда я иду? -- говорилъ онъ, прерывая изрѣдка вырывавшіяся слова продолжительными думами. -- Что тамъ будетъ со мною? Какую чашу приготовила еще для меня судьба? Что мнѣ дѣлать? на что рѣшиться?... А почему же не такъ? Почему-же, въ самомъ дѣлѣ, не спасать мнѣ себя, когда я

могу это сдѣлать? Почему не бѣжать мнѣ отъ бѣды, когда я могу уйти туда, гдѣ никакая человѣческая злоба не найдетъ меня?... Точно такъ! я могу и, слѣдовательно, долженъ это сдѣлать! эти горы, эти лѣса и дебри сорокъ лѣтъ уже знакомы мнѣ, и они дадутъ мнѣ уголокъ, чтобы провести малый остатокъ моей жизни; а руки мои, благодаря моей нищетѣ, давно научились прокармливать меня безъ помощи мнѣ подобныхъ?... Такъ пойду же, прощусь навсегда съ этимъ ненавистнымъ родомъ, называющимся людьми, и поищу убѣжища посреди бѣдныхъ животныхъ, которыхъ они какъ бы въ насмѣшку, величаютъ кровожадными. Прощайте люди!" Онъ поспѣшно поворотилъ въ гору, и быстро началъ входить наверхъ, но потомъ вдругъ опять остановился. "А ты, другъ моей юности! ты какъ останешься? что съ тобою будетъ? тебѣ кто поможетъ, когда изверги будутъ терзать тебя?... Ахъ горе!... Нѣтъ, сколько ни думаю, не могу оставить его! Такъ и быть: мы страдали вмѣстѣ, вмѣстѣ и умремъ, если не будемъ въ силахъ перенести мученій, и если не удастся.... А какъ знать?... можетъ быть, въ

самомъ дѣлѣ еще я найду случай спасти его!... Пойдемъ, отважимъ жизнь!... Что я говорю?... она уже протекла, а оставшаяся капля стоитъ ли уже того, чтобы беречь ее для себя? Прольемъ ее для другихъ, если будетъ нужно, и счетъ мой съ людьми будетъ конченъ!"

Исполненный сего благороднаго самоотверженія, Ивашкинъ спустился съ горы и поспѣшно пошелъ къ Петропавловску. Тогда былъ часъ седьмой вечера. Солнце давно уже сѣло за горизонтъ, и самая заря погасала на вершинахъ горъ. Пользуясь темнотою, Ивашкинъ осторожно подошелъ къ своей квартирѣ, но не вошелъ въ нее, услышавъ многіе знакомые ему голоса казаковъ, по видимому, производившихъ самый тщательный обыскъ по всѣмъ угламъ и закоулкамъ дома. "Странное дѣло! -- думалъ онъ. -- Съ какимъ безпокойствомъ ищутъ люди бѣднаго старичишку, чтобы еще потѣшиться надъ его страданіемъ! Напрасныя хлопоты! Я самъ приду въ ваши руки, коль скоро сочту это нужнымъ, а теперь воспользуемся пока послѣдними минутами свободы, если она есть у несчастныхъ!" Легкій вздохъ, невольное

вырвавшійся изъ груди его при семь словѣ, былъ замѣченъ находившимися подлѣ дома въ засадѣ караульнымъ. "Здѣсь!" -- закричалъ сей послѣдній. Толпа казаковъ бросилась изъ избы; но Ивашкинъ успѣлъ скрыться отъ ихъ преслѣдованій, и наконецъ ускользнулъ въ ворота стоявшаго по пути протопопскаго дома.

Въ сіе время протопопъ, не подозрѣвая сбиравшейся надъ головою его грозы, весело сидѣлъ за чаемъ съ Марією и ея женихомъ. "А! добро пожаловать, Аркадій Петровичъ! -- сказалъ онъ вошедшему въ комнату Ивашкину. -- Давно я не видалъ тебя! Каково поживаешь? Что подѣлываешь? Садись-ка, да побесѣдуй съ нами!... Машенька! налей-ка чашечку... Садись, Аркадій Петровичъ! не спѣсивься! Да что ты, Господь съ тобой! озираешься, словно боишься чего? Ужъ здоровъ ли ты?..."

-- Здоровъ, здоровъ, отецъ Петръ! -- говорилъ Ивашкинъ наскоро и самымъ тихимъ голосомъ, затворяя между-тѣмъ дверь на крючекъ.

"Да что ты дѣлаешь? Богъ съ тобой; дверь-

ту для чего запираешь?"

-- Отецъ Петръ! -- сказалъ Ивашкинъ значительнымъ тономъ -- я знаю, что дѣти ваши мнѣ не измѣнять, тѣмъ болѣе, что бѣда угрожаетъ равно всѣмъ намъ....

"Боже мой! что за бѣда?" -- торопливо спросила испугавшаяся, Марія.

-- За мною гонятся, отецъ Петръ!

"Кто и за что?"

-- Отецъ Петръ! вы знаете эту руку? -- спросилъ Ивашкинъ, вынувъ изъ-за пазухи донесеніе дьячка.

"Это рука Степаныча!" -- отвѣчалъ протопопъ, взглянувъ на рукопись.

-- Прочитайте, и вы все узнаете!

"Что за клевета! Что за злоба! -- сказалъ протопопъ, прочитавъ донесеніе и отдавая его мичману. -- На, прочитай и ты, Викторъ Ивановичъ! Тутъ насъ всѣхъ очернили! Но я не вижу -- примолвилъ протопопъ, обратившись къ Ивашкину -- чтобы ты былъ примѣшанъ тутъ?"

Ивашкинъ разсказалъ все описанное выше, начиная съ разговора съ дьячкомъ. Протопопъ, выслушавъ его, сказалъ съ величай-

шею горестію: "Ахъ, Аркадій Петровичъ! скажу тебѣ, братъ, отъ сердца (Господь видитъ мою душу!): жалѣю я Виктора Ивановича, жалѣю Зуду, жалѣю тебя; но вы всѣ тутъ правы и -- Господь, защитникъ правыхъ, защититъ васъ: я твердо увѣренъ въ томъ! О себѣ же не говорю ничего: благо мы, яко смириль мя еси! Но истинно, скажу тебѣ, истинно сожалью объ этомъ погибшемъ Шайдуровѣ: онъ губитъ навсегда свою душу."

-- Еще хорошо было бы, если бы онъ губилъ только одну свою душу -- возразилъ Ивашкинъ,-- а то вѣдь онъ и насъ губитъ вмѣстѣ съ собою; теперь и намъ надобно подумать, какъ спастись отъ гибели. Не напишете ли вы къ преосвященному? На дняхъ отправляется въ Иркутскъ купецъ Саламатовъ: онъ бы, вѣрно, взялся отвезти отъ васъ грамотку....

"Но какъ онъ можетъ это сдѣлать -- скажь протопопъ,-- когда всякаго отъѣзжающаго строго обыскиваютъ?"

-- Да ужъ коли Саламатовъ только возьмется, такъ сдѣлаетъ! Это такой человекъ, отецъ Петръ, что на одной минутѣ десять разъ проведетъ насъ, грѣшныхъ... Чу! стучать!

Сильные удары въ дверь раздались въ комнату,

Въ сіе время Марія, то вслушивавшаяся въ продолжавшія предъ нею разговоръ, то съ нетерпѣніемъ разглядывавшая бумагу, которую мичманъ старался отъ нея скрывать, уже готова была, по своеволію свойственному въ подобныхъ случаяхъ всѣмъ женщинамъ, ее вырвать, какъ раздавшійся стукъ вдругъ остановилъ уже протянутую руку.

"Дѣдушка! -- вскричала она въ испугъ, -- спасайтесь, ради Бога, спасайтесь!"

-- Не бойтесь: это за мною! -- сказалъ Ивашкинъ съ величайшимъ хладнокровіемъ. -- Тише! Иду!" -- примолвилъ онъ, вставая со стула.

"Проворнѣе пошевеливайся!" -- раздался за дверью грубый голосъ.

-- Сейчасъ!

"Нѣтъ я не пущу васъ! -- вскричала Марія, ухватясь за его полу. -- Скажите мнѣ прежде, что они хотятъ съ вами сдѣлать?" --

-- Ничего, Марія Алексѣевна! ни болѣе ни менѣе, какъ на первый разъ засадятъ въ тюрьму...

"Въ тюрьму? Боже мой! я не пущу васъ! Викторъ! помоги мнѣ удержать этого несчастнаго!"

Пылкой мичманъ, волнуемый не менѣе Маріи самымъ живымъ участіемъ, также бросился, чтобы удержать Ивашкина.

-- Что вы это дѣлаете, дѣти мои милыя?-- сказалъ протопопъ. -- Я столько-же, какъ вы, тронуть положеніемъ Аркадія Петровича, но этимъ нельзя помочь: на все есть свой порядокъ. Власть, какова бы она ни была, все власть, и противиться ей грѣшно...

"Но они заморятъ его въ тюрьмѣ, дѣдушка!" -- вскричала Марія.

-- Ну, Господь милостивъ! -- отвѣчалъ протопопъ съ притворнымъ равнодушіемъ: -- Онъ не дастъ въ обиду невиннаго, и ты знаешь, что безъ Его воли и волосъ неспадетъ съ головы нашей....

"О Боже мой! -- воскликнула Марія съ чувствованіемъ самой живой горести. -- Такъ и быть: подите! но я сей же часъ побѣгу къ своей благодѣтельницѣ, паду ей въ ноги и буду просить ее со слезами, чтобы она заступилась за васъ....

-- Благодарю тебя, ангель небесный! -- сказала Ивашкинъ, напрасно стараясь скрыть потекшія изъ глазъ его слезы. -- Ты оживила въ груди моей давно обмершее сердце -- сердце, которое давно уже не билось такъ сладко, какъ теперь, потому что давно уже не встрѣчало существа, которое приняло-бы такое участіе въ его страданіяхъ!... О, какъ я давно не плакалъ! Эти пустыни еще не видали слезъ моихъ, а теперь я плачу, какъ ребенокъ!... Но пора!... Прощайте!....

"Остановись, старикъ! -- вскричалъ глубоко-растроганный мичманъ, схватившись за саблю. -- Остановись! Дай прежде поговорить мнѣ съ этими негодьями! Клянусь Богомъ: я искрошу ихъ прежде всѣхъ въ куски, чѣмъ они дотронутся до одного твоего волоса!"

-- Мнѣ кажется, дѣти мои! -- сказала Ивашкинъ, залившись слезами -- (простите меня, что я такъ называю васъ!) мнѣ кажется, вы хотите уморить меня вашимъ участіемъ... Нѣтъ, это ужъ слишкомъ для старика! жизнь моя уже такихъ хлопотъ не стоитъ: она не долга!... Оставьте меня моей судьбѣ, Викторъ Ивановичъ, и не подавайте злодѣямъ на себя

ножь: малѣйшее насиліе со стороны вашей будетъ для нихъ радостію. Притомъ еще не все потеряно: есть Богъ, есть Государыня, есть законъ: рано или поздно, но правда восторжествуетъ. Пустите меня!

Слова сіи, произнесенныя съ видомъ возвышенной торжественности, всегда сопровождающей великодушную рѣшительность, остановили и изумили пылкаго юношу. Равнымъ образомъ чувствованіе удивленія было написано и на лицахъ протопопа и Маріи. Всѣ они, молча, оставались въ одномъ и томъ же положеніи, пока крики безумной радости, изъявляемой сыщиками, удаляясь мало-по-малу, не слились съ шумомъ бушевавшаго вѣтра.

"Дѣдушка, любезный дѣдушка! -- воскликнула Марія, выйдя наконецъ изъ состоянія изумленія -- ради Бога, скажите мнѣ: неужели и съ вами и съ Викторомъ осмѣлятся сдѣлать то же?"

-- Не лъзя ручаться, моя милая, за людей, которые, не страшась ни Бога, ни Государыни, дѣйствуютъ только по своимъ видамъ. Мы теперь оклеветаны, и Богъ вѣсть, чѣмъ окон-

чится это дѣло....

"И неужели и васъ и Виктора, также могутъ посадить въ тюрьму?"

-- Все можетъ статься, дитя мое; но Господь можетъ отвратить всякую бурю.

"О Господи! -- воскликнула Марія, схлопнувъ руками -- спаси насъ и защити!"

-- Не надо отчаяваться, Марія! -- сказалъ твердымъ голосомъ мичманъ, ходивши между тѣмъ, съ глубокою думою на лицѣ, большими шагами по комнатѣ. -- Неужели -- прибавилъ онъ, болѣе разсуждая самъ съ собою, нежели продолжая разговоръ -- неужели изверги, мошенники и клеветники могутъ оставаться безъ наказанія въ благоустроенномъ государствѣ? Нѣтъ, этого быть не можетъ! Я обнаружу, и раскрою всѣ ихъ козни; я опишу всѣ ихъ мошенничества и злоупотребленія! Если до сихъ поръ всѣ доносы на нихъ оставались безъ вниманія, то я надѣюсь, что мое донесеніе будетъ, по крайней мѣрѣ, уважено. При Намѣстникѣ служитъ мой другъ, съ которымъ мы вмѣстѣ выросли, которому совершенно извѣстны мои чувствованія, мои правила..."

"Конечно, Викторъ Ивановичъ -- прерваль протопопъ -- вы не худо сдѣлаете, если будете просить его за васъ заступиться: одного донесенія не достаточно. Много ихъ было послано отсюда, да всѣ получили одинъ конецъ: сюда же и пришлютъ, а тутъ ужъ бѣдный доносчикъ и мѣста не найдетъ, куда головы преклонить. Всѣ отъ него, словно отъ чумы, бѣгаютъ, такъ, что квартиры не дастъ никто...."

-- Ахъ! если бы все это знала Государыня! -- воскликнулъ мичманъ.

"Ужъ, конечно, какъ-бы она все это знала, наша матушка: то не то бы и было!"

-- Она узнаетъ объ этомъ! -- говорилъ мичманъ съ жаромъ; -- непременно узнаетъ!..

"И я не осуждаю намѣренія твоего, Викторъ Ивановичъ: ибо грѣхъ противиться власти, но нѣтъ грѣха увѣдомлять отца или мать о страданіяхъ, причиняемыхъ дѣтямъ ихъ наемниками!"

-- Но не лучше ли прежде -- сказала Марія -- идти мнѣ и просить мою благодѣтельницу, чтобы она защитила васъ? Она, вѣрно, тронется моею горестію и слезами....

"Дитя мое! -- отвѣчалъ протопопъ -- ты судишь о другихъ по себѣ. Ольга Павловна, конечно, не откажется принять въ насъ искренняго участія; но если начальникъ самъ захочетъ устроить намъ гибель, по клеветѣ фельдшера: то тутъ ужъ ни чья защита не дѣйствительна, и только можно будетъ ожидать одного, что онъ строже станетъ обыскивать Саламатова, опасаясь со стороны нашей доноса."

-- Такъ, по крайней мѣрѣ, позвольте мнѣ, дѣдушка, пойти и просить за Аркадія Петровича, чтобы хотя сколько нибудь облегчили его участь..

"Это дѣло другое! Поди моя милая! и да поможетъ тебѣ Господь въ твоихъ добрыхъ намѣреніяхъ."

Послѣ сего протопопъ, оставшись одинъ, взялъ бумагу и перо, и сѣвъ подлѣ стола, готовъ уже былъ писать; но потомъ вдругъ остановился, и подперши голову рукою, погрузился въ задумчивость, продолжавшуюся нѣсколько минутъ.

"Нѣтъ,-- сказалъ онъ,-- теперь дѣло иное! Тогда я, описывая происходящее здѣсь зло, ис-

полнялъ обязанность христiанина: защищаль другихъ, а теперь...."

-- Здравiя и долгоденствiя вашему высокоблагословенiю! -- сказалъ вошедшiй въ сiю минуту дьячекъ. -- Благословите отче!

"Богъ тебя благословятъ, сынъ заблудшiй!"

-- Отъ чего же заблудшiй, отецъ Петръ? -- отвѣчалъ дьячекъ, стараясь придать разговору видъ шутки. -- Я шель, кажется, къ вамъ по прямому пути. Сказали мнѣ, что у васъ въ домѣ что-то неспокойно, такъ я пошелъ попровѣдать.

"Спасибо за усердiе, Степанычъ. Но, чай, ты можешь понять, что и сказалъ не въ томъ смыслѣ. Признаюсь тебѣ, Степанычъ, сколько я не вижу и не слышу, а проку въ тебѣ не много. Мнѣ только говорить тебѣ не хочется: Ты самъ знаешь дѣла свои!"

-- Какiя же дѣла, отецъ Петръ? -- спросиль нѣсколько смутившiйся дьячекъ. -- Я никакихъ не знаю; напротивъ, я пришелъ еще просить васъ....

"О чемъ изволишь?"

-- Да вѣдь не безызвѣстно вамъ, святой отецъ, что скоро наступить срокъ моему

здѣсь пребыванію, а вѣдь почта еще будетъ отправляться нескоро: такъ не лѣзя ли докончить изліяніе на меня вашихъ благодарній, и соблаговолить послать на счетъ мои преосвященному донесеніе съ отправляющимся на дняхъ въ Иркутскъ купцомъ Саламатовымъ?

"А что прикажешь написать мнѣ?"

-- Да то -- сказалъ дьячекъ, приглаживая косичку и облизываясь, какъ котъ,-- что милосердой и сердобольной душѣ вашей благоугодно будетъ. Я увѣренъ, что ваше высокоблагословеніе, по правиламъ вашей благочестивой и христіанской нравственности, не погубите до конца....

"Ахъ, Степанычъ! хотя я, братъ, и человѣкъ грѣшный, но могу дать отвѣтъ и на страшно-мъ судѣ, что съ намѣреніемъ зла никому не сдѣлалъ, а это ты потому такъ говоришь, что тебя совѣсть мучить...."

-- Помилуйте, отецъ Петръ! -- говорилъ дьячекъ, заикаясь отъ стыда,-- что за совѣсть? Кажется....

"Ну полно, братъ -- кажется! Эхъ, Степанычъ, Степанычъ! мало тебя, братъ, сѣкъ отецъ, а взялъ-бы тебя, да...."

-- Вы ужь, отецъ Петръ, изволите обижать меня! -- возразилъ вдругъ оперпишійся дьячекъ, бывъ радъ случаю, чтобы дать другой оборотъ разговору. -- Кажется, я изъ ребятъ давно вышедъ....

"Знаю, братъ, что давно, а все еще не худо было бы, говоря твоимъ любимымъ языкомъ, какъ бы хорошенько тебя да дубинорумъ по спинорумъ...."

-- Помилуйте, отецъ Петръ! Вы изволили запамятовать, что я уже студентъ Богословія...

"Нѣтъ, не забылъ, любезный! Да помню и то, что ты, кажется, ужь черезъ-чуръ перучился...."

-- Ну, это слишкомъ! Помилуйте, отецъ Петръ! Браните меня, какъ хотите; но что касается до моего ученія: то я прошу васъ не говорить о немъ: я этого не стерплю, не снесу, не попусти!...

"Да что же ты сдѣлаешь со мной? Прибьешь, что ли?"

-- Нѣтъ, отецъ Петръ! Но человекъ обладаетъ средствомъ, которое можетъ остановить его непріятеля скорѣе, нежели всякая сила. Когда неистовый Катилина дерзнулъ придти

въ римской сенатъ, то безсмертный Цицеронъ однимъ могущественнымъ словомъ поразилъ его: Quousque tandem abutere, Catilina.... (Доколѣ ты, Катилина...)

"Но послушай, братъ Степанычъ! я не Катилина, а протопопъ, а ты не Цицеронъ, а дьячекъ мой, такъ и скажу тебѣ запросто: коли не хочешь слушать моихъ рѣчей, то убирайся съ Богомъ домой, и дѣлай, что хочешь...."

-- Пойду, отецъ Петръ, пойду, и выходя изъ вашего дома, отрясу прахъ съ сапоговъ моихъ....

"Ну, поступай, какъ умѣешь: въ здѣшнемъ краю все позволено!"

Дьячекъ, выходя изъ комнаты, хлопнулъ дверью. Протопопъ, смотря въ слѣдъ ему, покачалъ головою и болѣе съ сожалѣніемъ, нежели съ гнѣвомъ, сказалъ: "Безпутный человѣкъ! самъ не знаетъ, что дѣлаетъ! Но что и мнѣ дѣлать въ самомъ дѣлѣ въ разсужденіи его? Чернить его передъ преосвященнымъ? это значитъ погубить его! Хвалить? -- значитъ погубить ту паству, въ которой, къ несчастію, онъ сдѣлается пастыремъ!"

Ахъ, какъ гибнуть люди отъ своей гордости и высокомыслія, презирая простой и углаженной путь вѣры и тѣснясь на скользкой и запутанной дорогѣ слѣпой мудрости!".. И этотъ человекъ, еслибы пошелъ по указанію Евангелія, былъ бы, по крайней мѣрѣ, добрый и полезный, если не отличный сынъ Церкви; а теперь -- жалость!... Но пусть же, если суждено гибнуть ему, такъ по крайней мѣрѣ гибнетъ не отъ моей руки." Сказавъ сіе, протопопъ взялъ опять перо и написалъ донесеніе, въ которомъ старался всячески смягчить поступки дьячка, доказывая, что онъ имѣетъ сердце отъ природы доброе; что въ умѣ его нѣтъ рѣшительно убѣжденія противъ истинъ Вѣры, и что, наконецъ, онъ давно раскаялся въ своемъ легкомысліи, и далъ слово во всемъ непремѣнно исправиться. Завертывая сію бумагу въ конвертъ, протопопъ произнесъ съ величайшимъ самоотверженіемъ: "Да будетъ же ему это платою за то зло, которое онъ мнѣ причинять рѣшился, и если отъ сего еще болѣе увеличится приготавливаемое мнѣ несчастіе, то надобно помнить, что есть мѣсто, гдѣ всякой получитъ мзду по дѣломъ

СВОИМЪ!"

XIV. КОВАРСТВО.

Марія, придя къ начальницѣ, нашла ее вѣсьма больною и принуждена была отложить просьбу свою до другаго времени; но состояніе больной, которой здоровье было чрезвычайно разстроено претерпѣнными ею въ жизни различными огорченіями, ни сколько не облегчалось, а между тѣмъ положеніе Ивашкина раздирало чувствительное сердце доброй дѣвушки. И потому, посѣтивъ однимъ утромъ начальницу, нетерпѣливая Марія рѣшилась сама просить ея мужа.

Въ сіе время, Антонъ Григорьевичъ, какъ новый Людовикъ XI, по крайней мѣрѣ такой же злодѣй, хотя и въ миниатюрномъ видѣ, бесѣдовалъ со своимъ Оливье, т. е. цирюльникомъ Шангинымъ о политическихъ дѣлахъ своего воеводства. "Не могъ ускользнуть, мошенникъ!-- сказалъ онъ съ дьявольскою улыбкою. -- Но скажи мнѣ, Алексѣй, какъ ты узналъ, что у него доносъ запеченъ въ хлѣбѣ?"

— Да ужъ узналъ, сударь! Усердіе чего ни сдѣлаетъ!

"По правдѣ сказать: Алексѣй, ты сущій чортъ! Но Расскажи скорѣе...."

— Да тутъ дѣло простое, сударь! Вѣдь вамъ извѣстно, что Саламатовъ остановился въ домѣ у Караулихи....

"Ну!..."

— Такъ прочее должно быть для васъ уже ясно.

"Стало быть, Караулиха тебѣ предана?"

— Да это, ваше высокоблагородіе, такая баба, что за нѣсколько грошей продастъ самого Христа, не хуже Іуды!

"Ты увѣренъ въ этомъ?"

— Да, кажется, не дамъ маха; на своемъ вѣку таки-видывалъ людей, нечего сказать!

Начальникъ замолчалъ, и по нѣкоторомъ размышленіи спросилъ значительнымъ голосомъ:

"Вѣдь говорили, что у ней дѣти умерли?"

— Да, умерли, во тутъ еще Богъ вѣсть....

"Что такое?"

— Да говорятъ, ваше высокоблагородіе, двоюко: чуть ли она не сама утомонила ихъ!

"И будто это сомнѣніе имѣетъ какое нибудь основаніе?"

— Да кажется! Она, вотъ изволите видѣть, говоритъ, что ея дѣти будто бы утонули въ день вашихъ имянянь, а недавно мнѣ старуха Пахомовна сказывала, что въ этотъ день они изъ избы не выходили. Пахомовна, изволите видѣть, съ нею сосѣдка.

"Хорошо, если такъ!"

Начальникъ, заткнувъ руки за поясъ шлафрока и закусивъ губы, съ видомъ самой страшной думы началъ ходить по комнатѣ, и вдругъ потомъ, устремивъ дикой взоръ на фельдшера, отъ котораго почти невольно затрепеталъ сей послѣдній, сказалъ ему почти шопотомъ: "Алексѣй! эту женщину намъ надобно прибрать къ рукамъ. Обыщи немедленно ея избу, и если откроются слѣды убійства, то предложи ей на выборъ: она быть наказанной жестокимъ образомъ, или..." Но онъ не могъ договорить рѣчи, и опять началъ ходить по комнатѣ. Страшныя внутреннія волненія изображались на его лицѣ, блѣдномъ и ужасномъ. Губы его были сини, и глаза навывкатъ. Казалось, онъ сражался съ самимъ собою, и

въ продолженіе сей борьбы опять взоры его встрѣтились съ роковымъ изображеніемъ, висѣвшимъ на стѣнѣ. Онъ вздрогнулъ, и страшно прошепталъ про себя: "Иуда! я помню твой обольстительный взоръ, твои сладкія рѣчи! Хорошо! Я теперь исполню твои наставленія...."

-- Антонъ Григорьевичъ! -- возгласилъ испугавшійся суевѣрный фельдшеръ. -- Антонъ Григорьевичъ! съ кѣмъ это вы изволите говорить?

"Ахъ, Алексѣй! -- отвѣчалъ опомнившійся начальникъ -- я почти забылъ, что ты здѣсь. У меня давнишняя привычка говорить съ самимъ собою.... Запри-ка двери, да садись ко мнѣ ближе. Я хочу поговорить съ тобою о важномъ дѣлѣ."

Фельдшеръ сначала было отговаривался отъ сей учтивости; по начальникъ сказалъ ему строго: "Садись! Теперь не время заниматься вздоромъ. Слушай!"

-- Слушаю, ваше высокоблагородіе!

"Такъ ты непременно долженъ сдѣлать самой строгой розыскъ о дѣтяхъ этой женщины, но не пуская въ огласку того, что, быть

можетъ, откроешь. Предложи ей: если она не хочетъ кнута, то исполнила бы, что ей будетъ приказано. Понимаешь ли?"

-- Понимаю, ваше высокоблагородіе! -- отвѣчалъ фельдшеръ, хотя еще не могъ вовсе ничего понять изъ всего имъ слышаннаго. -- Но что же вы изволите ей приказать?

"Ты, Алексѣй! -- сказалъ начальникъ, стараясь вдругъ принять на себя шутливый видъ, и улыбаясь самую принужденною улыбкою -- кажется, въ самомъ дѣлѣ забралъ къ себѣ въ голову, что у меня не вѣсть что есть на умѣ, а между тѣмъ я хочу приказать тебѣ сущіе пустяки: скажи пожалуйста этой Караулихѣ, чтобы она попросила мичмана... вѣдь онъ, ты говорилъ, покровительствуетъ ей?"

-- Точно такъ, ваше высокоблагородіе!

"Такъ, чтобъ она попросила -- продолжалъ начальникъ -- похлопотать за нее у жены. Вишь, мнѣ хочется, чтобы около нея была благонадежная женщина, а вѣдь, а думаю -- прибавилъ онъ, со смѣхомъ, изображавшимъ вдругъ всѣ адскія чувствованія: злобную насмѣшку, отчаяніе, дикую радость -- я ду-

маю, лучше Караулихи найти трудно?... По крайней мѣрѣ, такъ должно полагать по давнишней твоей рекомендаціи...."

-- Это правда, ваше высокоблагородіе! -- отвѣчалъ фельдшеръ, начиная вполонину догадываться о намѣреніи начальника. -- Но я не знаю -- примолвилъ онъ съ видомъ величайшей простоты -- къ чему бы могла быть годна эта женщина? Можно найти гораздо лучше....

"Глупецъ! -- вскричалъ начальникъ, вскочивъ со стула -- исполняй то, что тебѣ приказываютъ."

-- Слушаю, ваше высокоблагородіе!

"Болѣе ни слова! Вы всѣ привыкли противорѣчить мнѣ, между тѣмъ, какъ никто изъ васъ не думаетъ ни о чемъ! Вы живете въ счастіи, въ довольствѣ, въ изобиліи; вы всѣмъ пользуетесь, а я? Посмотрите на меня: я мученикъ за васъ! Съ меня потребуютъ отвѣта въ вашихъ мерзостяхъ. Я начальникъ вашъ: всякая ваша шалость, всякое злоупотребленіе на меня падетъ. Доносы за доносами, и ябѣдничеству конца не вижу! Я просиживаю ночи, отписываюсь; но злодѣи уже начина-

ють меня перемогать. Я слышалъ уже, что въ Иркутскѣ назначенъ сюда ревизоръ, и кто бы, ты думалъ, этотъ ревизоръ? Старый любовникъ моей жены, котораго любила она безъ памяти, за котораго уже была просватана и у котораго я, такъ сказать, вырвалъ ее изъ рукъ, обольстивъ стараго дурака, ея отца? Теперь ты видишь: чего и кого долженъ я опасаться болѣе всего. Но, клянусь адомъ, я забочусь только о вашей безопасности! Ну, понялъ ли ты меня, глупецъ?"

-- Кажется!...

Никакое перо, никакая кисть не изобразила бы тѣхъ ужасныхъ тѣней, какими было подернуто лицо въроломнаго убійцы, который желалъ, чтобы его поняли, и чтобы между тѣмъ не сказать ничего слишкомъ яснаго. Услышавъ отвѣтъ фельдшера, онъ захохоталъ такъ, какъ бы смѣхъ его былъ только эхомъ адскаго хохота. "Ха, ха, ха! ему кажется! -- говорилъ онъ, передразнивая фельдшера. -- Ему только кажется, когда я кладу ему въ ротъ, что моей женѣ нужна хорошая женщина, которая бы при ней прислуживала и могла бы подавать ей лекарства.... Понимаешь ли

ты? Подавать лекарства! А кто может это сдѣлать лучше, катъ не Караулиха, которая, въ случаѣ нужды, и сама можетъ составить ихъ не хуже всякаго аптекаря?"

-- Это правда, ваше высокоблагородіе!

"Ну, такъ вотъ видишь ты, Алексѣй! -- сказалъ Антонъ Григорьевичъ, вдругъ измѣнивъ такъ голосъ, какъ будто рѣчь пошла уже о дѣлѣ самомъ обыкновенномъ,-- мнѣ бы хотѣлось такъ уладить, чтобы, когда жена поѣдетъ весною на воды: то бы и Караулиха съ нею туда же поѣхала.... Ну, да ты еще съ ними.... да еще...."

Сказавъ сіе, начальникъ вдругъ остановился, и, закусивъ палецъ, посмотрѣлъ значительно, обратясь къ окошку, и вдругъ вскричалъ въ какомъ-то дикомъ восторгѣ: "Славная мысль! Счастливая мысль! Справедливо сказано: дѣсять разъ примѣрь, а одинъ отрѣжь! Не много, такъ и дашь маха!"

-- А смѣю и спросить? Что еще вздумали вы, ваше высокоблагородіе?

"Ну это, можетъ быть, ты узнаешь послѣ, а теперь ступай исполни, что я тебѣ приказывалъ, да помни, что я забочусь не о себѣ, а о

васъ, и что отъ точнаго исполненія моихъ приказаній зависитъ ваша честь и благосостояніе, и особенно твое: ты, чай, еще не забылъ, что во время оно твоя спина была подвержена маленькимъ непріятностямъ, что, благодаря только моей заботливости, твой списокъ сталъ опять чистъ, какъ совѣсть дѣвушки? А?"

— Какъ забыть, ваше высокоблагородіе!

"То-то же, помни! Да, я думаю, также извѣстно тебѣ, что моя жена не можетъ тебя терпѣть...."

— Есть тотъ грѣхъ, ваше высокоблагородіе!

"Ну, къ этому мнѣ остается прибавить еще одно, что она всегда возитъ съ собою бумажникъ хорошихъ билетовъ, который она бережетъ на одинъ самый невѣроятный случай, и который, въ награду за хорошую службу, достанется.... Ты, я думаю, догадываешься ужъ кому?"

— Разумѣю, ваяю высокоблагородіе! Много доволенъ вашею милостію! Будемъ стараться!

"Ну, хорошо, поди же, да вели позвать ко мнѣ твоего пріятеля мичмана, который такъ отрекомендовалъ тебя начальству; а это глу-

пое донесеніе протопопа сейчасъ же веля отправить назадъ къ Саламатову: намъ и самимъ ничего, нельзя было лучше его придумать! Ну, кажется, я сказалъ все! Прощай!"

Едва фельдшеръ отворилъ дверь изъ кабинета, какъ Марія, давно ожидавшая его выхода, немедленно взошла туда.

"А, Машенька! сказалъ начальникъ съ видомъ сластолюбиваго удовольствія, заблеставшаго въ его глазахъ. -- Что ты скажешь?"

-- Я пришла васъ просить....

"О чемъ бы это? О чемъ? Я для тебя все готовъ сдѣлать...."

-- Хорошо? если вы такъ милостивы.

"Въ чемъ же сомнѣваться тутъ, моя милая? Садись-ка вотъ сюда на канапе, подлѣ меня, да и расскажи, чего ты хочешь, а мы послушаемъ.... Дай только прежде затворить двери: я не люблю, чтобы мѣшали мнѣ, когда я съ кѣмъ-нибудь занимаюсь.... Ну, садись же!... Тфу какая церемонная! -- примолвилъ начальникъ, сядя Марію силою. -- Вѣдь, кажется, ты при моихъ глазахъ выросла?"

-- Извольте, сяду, если это угодно вамъ; но сдѣлайте милость: выслушайте мою просьбу!

"Говори, моя кралечка, говори!" -- отвѣчалъ начальникъ, придвигиваясь къ ней и смотря на нее самыми преступными глазами.

-- Просьба моя -- сказала Марія, вставая съ канапе....

"Да что же ты опять встала?" -- прервалъ сластолюбецъ, схвативъ ее за руку."

-- Ахъ, позвольте мнѣ встать! -- говорила Марія, вырывая руку и покрывшись румянцемъ. -- Я, право, не могу говорить....

"Ребенокъ! ты, словно, боишься меня, чтобы я тебя не укусилъ...."

-- Нѣтъ; но позвольте....

"А не пуцу!" -- говорилъ дерзкой мошенникъ, еще болѣе приближаясь къ Маріи, съ самою низкою улыбкою."

-- Боже мой! пустите меня....

"Ну, поцѣлуй же меня, такъ пуцу!"

-- Господи! что это значитъ? Вы, котораго я привыкла почитать....

-- Отцемъ? -- прервалъ сластолюбецъ. -- Ну, на все есть время! Теперь ты выросла, стала хороша, пригожа, такъ, что я люблю тебя безъ памяти....

"Это вы говорите мнѣ?" -- вскричала Марія

съ ужасомъ, вскакивая съ канапе.

-- Я! я! -- повторилъ грѣшникъ, выйдя изъ себя, и схвативъ Марію въ свои объятія. -- Обними же меня, или....

-- Что-же вы дѣлаете? Боже мой!... Пустите меня, или я закричу!

"Такъ кричи же: если хочешь уморить жену!"

-- О Господи! -- воскликнула Марія, закрывая лице руками, между тѣмъ, какъ безсовѣстный злодѣй силился отнять ихъ и напечатлѣть на ея губахъ святотатственный поцѣлуй.

Въ сіе мгновеніе послышался въ ближней комнатѣ шумъ шаговъ.

"Идетъ твой женихъ! -- вскричалъ шопотомъ начальникъ, съ видомъ величайшаго ужаса, опустивъ Марію изъ рукъ. -- Заклинаю тебя Богомъ, спаси меня! Онъ меня убьетъ, если застанетъ меня здѣсь въ заперти съ тобою!

Марія, освободившись изъ его рукъ и не слыша, отъ сильнаго волненія, словъ его, бросилась къ дверямъ и хотѣла отпирать ихъ, но онъ схватилъ ее.

"Не ходи, заклиная тебя всѣмъ, что есть

святаго: не ходи?"

-- Пустите меня!

"Нельзя, клянусь Всемогущимъ, нельзя! Тебѣ еще неизвѣстно, что значать ревность! Онъ убьетъ меня, непременно убьетъ!"

-- Я не понимаю васъ!

"Я знаю, что не понимаешь; но я не имѣю времени теперь тебѣ объяснить причины моей просьбы. Спрячься, хоть въ эту кладовую; спрячься, умоляю тебя, если не хочешь принять крови моей за свою душу!"

Въ сіи минуты кто-то взялся за дверной замокъ. Начальникъ произнесъ только: "погибъ!" и съ видомъ ужаса и мольбы сдѣлалъ Маріи знакъ руками идти въ казенку, о которой уже мы говорили выше. Марія, не понимая сама, что дѣлаетъ, но повинувшись единственно влеченію своего чувствительнаго, добраго сердца, вошла туда, а начальникъ заперъ за нею дверь замкомъ, и мгновенно сбросивъ съ себя притворный страхъ и тряхнувъ головою съ мошенническою миною, сказалъ про себя: "А, проклятая упрямица! попалась въ западню. Теперь будемъ ловить другаго тетерева!" Послѣ сего, также съ непо-

стижимымъ искусствомъ, принявъ на себя еще новую фізіономію, смиренную и печальную, онъ отворилъ дверь мичману.

"Пожалуйте, Викторъ Ивановичъ! -- говорилъ хамелеонъ сему послѣднему. -- Я призывалъ васъ -- продолжалъ онъ, садясь на капapé и показывая также мѣсто мичману -- чтобы раздѣлить съ вами мое горе...."

"Благодарю васъ за довѣренность -- сухо отвѣчалъ мичманъ. -- Едва ли я буду способенъ доставить вамъ утѣшеніе."

-- А напротивъ -- возразилъ начальникъ, не перемѣняя роли -- вы одни только и можете это сдѣлать.

"Если такъ, то я очень радъ служить вамъ; но въ чемъ, смѣю спросить, заключается ваше несчастіе?"

-- Выслушайте меня!... Недавно пріѣхалъ сюда одинъ молодой человѣкъ....

При семъ словѣ мичманъ взглянулъ на начальника съ видомъ изумленія и увеличилъ вниманіе.

"Этотъ человѣкъ -- продолжалъ начальникъ -- съ самага перваго взгляда понравился мнѣ такъ, что я полюбилъ его какъ роднаго

сына... Да, Викторъ Ивановичъ! какъ роднаго сына: ибо онъ возобновилъ въ моей памяти ту невозвратную потерю, какою угодно было Провидѣнію меня наказать и которой, я вспомнить не могу безъ слезъ...."

Говоря сіе, начальникъ дѣйствительно показалъ видъ величайшей горести и горько заплакалъ. Слезами его мичманъ былъ приведенъ въ совершенное недоумѣніе, не могши разгадать было ли это одно притворство или истинное чувствованіе, и по довѣренности своей, свойственной всѣмъ добрымъ людямъ, склонялся болѣе къ послѣднему заключенію. Между тѣмъ комедія продолжалась.

"Ахъ, Викторъ Ивановичъ! -- говорилъ начальникъ, утирая слезы -- вы не знаете моей горести; но теперь рассказывать объ этомъ не время. Въ эту минуту у меня есть на сердцѣ ближайшая скорбь.... Такъ я уже сказалъ вамъ, что я полюбилъ этого молодаго челоуѣка, о которомъ началъ говорить, какъ роднаго сына.... Онъ и стоитъ того: онъ уменъ, благороденъ, прямодушенъ...."

-- Но кто же это таковъ? -- спросилъ нетерпѣливо мичманъ. -- Мнѣ кажется, я ни-

кого не вижу въ Петропавловскѣ приѣзжаго....

"Дослушайте меня, и вы все узнаете. Я принялъ его въ своемъ домѣ, старался оказать ему всякую учтивость, всякое одолженіе. Скажите же теперь: чѣмъ слѣдовало бы ему заплатить мнѣ, если не за одолженіе, по крайней мѣрѣ за гостепріимство?"

-- Безъ сомнѣнія, благодарностію -- отвѣчалъ нѣсколько смутившійся мичманъ, начиная догадываться о комъ шло дѣло.

"Такъ судите же сами себя!" -- сказалъ начальникъ, принявъ торжественный видъ, и подавая мичману его бумагу."

-- Слѣдовательно, вы знаете уже все! -- съ твердостію отвѣчалъ мичманъ, вставъ на ноги! -- Я не запираюсь отъ васъ: точно это писалъ я, но вы виноваты сами! Голосъ народа и собственная моя опасность меня вынудила.

"Голосъ народа, говорите вы! -- воскликнулъ начальникъ. -- Ха, ха, ха! Голосъ народа! т. е. толпа ябедниковъ, которые смотрятъ на всякаго начальника, какъ на своего врага, которые стараются чернить всѣ его поступки, и которые не были бы довольны ни даже англоломъ, если бы онъ сошелъ управлять Камчат-

кою!"

-- Но развѣ не правда, что вы приняли доносъ на меня, и послали уже производить слѣдствіе?

"Правда! -- отвѣчалъ начальникъ съ важностію. -- Но развѣ я могъ уничтожить его? Я знаю, что онъ есть не что иное, какъ клевета, но тѣмъ не менѣе я долженъ былъ повѣрить его, даже хотя и для того только, чтобы строже наказать ябедника."

-- Но позвольте же васъ спросить: кто вамъ далъ право перехватывать бумаги?

"Молодрй челоѡкѡ! ты судишь обо мнѣ по тѣмъ ложнымъ толкамъ, какими стараются занять всякаго прїѣзжаго сюда мои враги -- мои личные враги и враги всякаго порядка и устройства; но не по нимъ должно судить меня. Узнай же, что за зло, какое причиняють мнѣ люди, я всегда готовъ платить имъ добромъ. Я давно хотѣлъ тебя предупредить: тебя обманываютъ?"

-- Кто и какъ?

"Одна моя искренняя привязанность къ тебѣ -- да, не удивляйтесь этому! -- одна моя, можетъ быть безразсудная привязанность къ

тебѣ, Викторъ Ивановичъ, заставляетъ меня сказать тебѣ такія вещи, о которыхъ другому говорить я никогда бы не рѣшился."

— Сдѣлайте милость, пощадите мое нетерпѣніе!

"Вы хотите соединить вашу судьбу съ внучкой протопопа; но узнали ли вы прежде ее хорошенько? И когда было узнать ее вамъ?"

— Я люблю ее, люблю пламенно, и этого для меня довольно! — отвѣчалъ мичманъ съ жаромъ и съ примѣтнымъ неудовольствіемъ.

"Это доказательство, конечно, самое лучшее для юнаго сердца — сказалъ начальникъ съ ироническою улыбкою; — но увѣрены ли вы въ томъ, что и она такъ же васъ любитъ?"

— Если ангелы могутъ обманывать....

"Ангелы! — прервалъ начальникъ, горько улыбнувшись. — Не ищите ихъ на землѣ: они исполнены одними духами злобы!"

— Что же вы хотите сказать мнѣ?

"То, что заставляетъ сказать тебѣ, молодой, довѣрчивый человѣкъ, твоя честь, твое счастье, благо цѣлой твоей жизни и, наконецъ, тотъ высокой законъ, который

повелѣваетъ дѣлать добро врагамъ...."

-- Боже мой! что все это значить?

"Узнай же истину, для тебя непріятную, но благословляй Бога, что ты узнаёшь ее еще благовременно...."

Послѣдующія слова были произнесены шопотомъ.

-- Какъ! -- вскричалъ мичманъ -- что за клевета на существо, которое не сдѣлало вамъ ни малѣйшаго зла?

Въ продолженіе сего разговора Марія хотя нѣсколько разъ готова была прервать рѣчь начальника, но страшась сдѣлать убійцею своего Виктора, не знала сама на что ей рѣшиться. Колеблясь въ семъ недоумѣніи, она затрепетала, услышавъ слова, произнесенныя имъ. Холодный потъ выступилъ на лицѣ ея. Присѣвъ на стоящій въ кладовой сундукъ, она ослабѣла отъ горести и отчаянія, и съ величайшимъ внутреннимъ страданіемъ произнесла едва слышнымъ голосомъ: "Царь Небесный! онъ меня губить!" Этотъ легкой шопотъ, незамѣченный мичманомъ, не скрылся однако жъ отъ внимательнаго злодѣя, и опасаясь, дабы Марія каки-

мъ-нибудь смѣлымъ поступкомъ не разрушила вдругъ его козни, онъ поспѣшилъ окончить разговоръ.

"Вы не вѣрите? Такъ знайте же, что эта дѣвушка величайшая лицемерка, что она, питая какую-то странную страсть.... (Признаюсь, мнѣ стыдно и говорить объ этомъ).... страсть ко мнѣ...."

-- Къ вамъ? Вы издѣваетесь надо мной, какъ надъ ребенкомъ....

"Выслушай и поступай какъ хочешь! Страсть ко мнѣ, повторяю вамъ -- и я долженъ былъ призывать на помощь все благоразуміе, чтобы укрощать ея порывы, искусно прикрываемые видомъ притворной невинности и простосердечія...."

-- Не говорите болѣе! Клянусь Богомъ, вы будете раскаяваться....

"Выслушай, несчастный! Сегодня она принесла ко (мнѣ этотъ доносъ, который успѣла украсть у Караулихи; и услышавши что ты идешь, скрлась вотъ сюда.... Смотри самъ, если можешь!"

Говоря сіе, онъ отперъ дверь въ кладовую.

"Не вѣрь ему! -- воскликнула Марія, падая

безъ чувствъ въ дверяхъ. -- Не вѣрь ему, Викторъ!"

-- Измѣнница! -- вскричалъ мичманъ внѣ себя отъ бѣшенства, выхвативъ саблю.

Что ты дѣлаешь? -- сказалъ начальникъ, схвативъ его за руку.

-- Пустите меня!

"Она спасла тебѣ жизнь, а ты...."

-- Жизнь! Но что мнѣ въ жизни теперь -- воскликнулъ мичманъ съ величайшимъ отчаяніемъ, -- когда однимъ разомъ она отняла у меня все?

"Но не смотря на то, вы обязаны ей, и сверхъ того я не позволю вамъ...."

-- Хорошо! Я оставляю ей жизнь: она достойна этой муки.

"Викторъ! Викторъ!" -- произнесла Марія умирающимъ голосомъ; но мичманъ, не слушая ее, бросилъ саблю и вышелъ поспѣшно изъ комнаты.

Слова снова замерли на устахъ несчастной страдальцы и глубокой обморокъ объялъ ея чувства. Начальникъ, призвавъ людей, велѣлъ подать ей помощь, и когда ее вынесли отъ него и когда онъ заперъ за всю дверь, то

служители слышали, что въ комнатѣ его раздался дикой, дьявольской хохотъ.

XV. ПРОЩАНІЕ.

Наступилъ мартъ. Дни становились длиннѣе. Небо не застилалось болѣе туманами, и солнце весело катилось по чистой лазури. Въ полдень начиналъ таять снѣгъ, и по скользкому насту {Настомъ называется тонкой ледъ, образовывающійся надъ снѣгомъ, во время таянія.}, во времени ясныхъ и холодныхъ утренниковъ. Камчадалы и русскіе промышленники расходились изъ Петропавловска на промыселъ. Казалось, весна была уже близка; но негостепріимная камчатская природа всегда долго спорить съ этою прекрасною, прелестною гостью изъ странъ южныхъ. До самаго іюня продолжается одна и таже мартовская погода, и уже въ началъ только сего мѣсяца начинаютъ распускаться деревья.

Но есть мѣста въ Камчаткѣ, гдѣ и посреди повсемѣстной зимы изумленный взоръ встрѣчаетъ какъ бы острова, еще не покоренные ея владычеству. Сіи странныя мѣста находятся близъ горячихъ водъ, коими Камчат-

ка, сія вулканическая страна, можно сказать, изобилуетъ. Земля около сихъ водъ, разогрѣваемая внутреннимъ огнемъ, сохраняя теплоту среди глубочайшей зимы, не терпитъ на себѣ печальнаго снѣжнаго покрова, и самая атмосфера сихъ мѣстъ, наполняемая теплыми парами, во время сильнѣйшихъ морозовъ сохраняетъ качество, если не лѣта, по крайней мѣрѣ умѣренной осени. Особенно замѣчательно сіе необыкновенное явленіе на водахъ, протекающихъ не въ дальнемъ разстояніи отъ Большой рѣки, близъ рѣчки Шемеча. Въ мартѣ мѣсяцѣ, когда окрестныя долины и горы, покрытыя глубокимъ снѣгомъ, представляютъ еще картину суровой зимы, на берегу сихъ водъ, составляющихъ большой ручей, впадающій въ Восточный океанъ, зеленѣется трава и даже разцвѣтаютъ цвѣты: это, какъ будто родъ какой-то временной квартиры, на которой останавливается въ Камчаткѣ добрая весна, до окончанія своей борьбы съ угрюмою тамошнею природою.

Близъ сихъ водъ нѣкогда стоялъ небольшой, но опрятной домикъ, выстроенный

для житья начальницы, всякую весну прїѣзжавшей сюда пользоваться водами, и особенно въ мартѣ мѣсяцѣ, когда прелестная картина зелени услаждаетъ взоръ, утомленный продолжительною зимою. Такимъ образомъ она посѣтила сіи воды въ семь мѣсяцѣ, по полученіи небольшого облегченія отъ болѣзни, упомянутой нами въ предъидущей главѣ.

Мужъ ея, прощаясь съ всю, оказалъ при семь случаѣ знаки необыкновенной къ ней привязанности; даже на глазахъ его, говорятъ, видны были слѣды слезъ. Предоставляемъ психологамъ объяснить загадку: что значили сіи слезы? Слѣдствіе ли величайшаго притворства, или чудное дѣйствіе пробуждавшейся на мгновеніе совѣсти, не могшей, однако жъ, побѣдить закоренѣлой власти страстей? Можетъ быть, слезы сіи текли по тому же неизъяснимому побужденію, по которому, на примѣръ, Грозный Іоаннъ Васильевичъ разсылалъ по монастырямъ синодики о поминовеніи убіенныхъ имъ людей. Многія явленія души человѣческой останутся на всегда тайною для самой ея!

Не принимаясь за тщетный трудъ объяснить сіе неизъяснимое явленіе, мы опишемъ только исторически разговоръ начальника съ его женою, бывшій дня за два до ея отъзда. По обыкновенію своему, онъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ, когда она вошла къ нему въ кабинетъ. На столъ его лежала огромная Библія, а на конторкѣ, единственной въ тогдашнее время во всей Камчаткѣ мебели краснаго дерева, завезенной Лаперузомъ, стояло распятіе. Все въ этомъ кабинетѣ дышало благочестіемъ, кромѣ вѣроломной души хозяина. При входѣ жены, женщины еще среднихъ лѣтъ, и хотя изнуренной болѣзнію, но сохранившей благородство и привлекательность въ чертахъ лица и въ пріемахъ, начальникъ положилъ перо и старался весело улыбнуться. Кстати замѣтимъ, что ни въ чемъ болѣе изъ тѣлодвиженій не обнаруживается душа, какъ въ улыбкѣ: есть улыбки истинно-ангельскія, улыбки, въ которыхъ вполнѣ высказываются души чистыя и свѣтлыя; но есть и улыбки дьявольскія, судорожное движеніе души, исполненной злобы и коварства, но старающейся принять на себя

видъ доброты и чистосердечія. Такова была улыбка и Антона Григорьевича, который, по странному владычеству добродѣтели надъ порокомъ, всегда сохранялъ къ женѣ своей невольное уваженіе.

"Ну что, моя милая" -- спросилъ онъ ее, стараясь придать своему голосу самый ласковый тонъ -- какъ ты сладила съ этими чудаками, Машею и ея женихомъ?"

-- Тутъ, другъ мой -- отвѣчала начальница съ видомъ печальнымъ -- есть для меня непонятная тайна. Но тотъ, ни другой не открываютъ мнѣ причины ихъ раздора. Маша, сколько я ни старалась ее уговаривать во всемъ мнѣ открыться, только рыдаетъ и просить меня: "Ради Бога не спрашивайте меня; оставьте меня моей судьбѣ!"

"Странное дѣло! замѣтилъ начальникъ, качая головою и моргая глазами. -- Ну, а что женихъ ея?"

-- И онъ также не сказываетъ мнѣ ничего. Между тѣмъ ужасная горестъ видна на лицахъ обоихъ, и я даже боюсь, особенно за Машу, чтобы она не слегла....

"Эхъ, матушка! не бойся: не сляжетъ! Это

только минутный какой-нибудь капризь, и всего вѣрнѣе, что когда ты возьмешь ихъ съ собою, то и ссорѣ конецъ!"

-- Ахъ, если бы это въ самомъ дѣлѣ было такъ! Но я даже не знаю: удастся ли мнѣ уговорить Виктора Ивановича ѣхать со мною? Мученіе, какое, примѣтно, всегда онъ чувствуетъ при встрѣчѣ съ Машенькою....

"Ничего! надобно только постараться, а то такъ не уговорить! Онъ же такъ, кажется, уважаетъ тебя."

-- Это правда! И признаюсь тебѣ, другъ мой, и мое сердце, сама не знаю почему, такъ лежитъ къ этому молодому человѣку....

"Ха, ха, ха! -- засмѣялся начальникъ, стараюсь обратить слова жены въ неблагопристойную шутку. -- Дѣло самое естественное, что женщинѣ нравится молодой...."

-- Другъ мой! -- сказала начальница съ видовъ кроткаго негодованія -- теперь не время шутить такъ. Мы теперь подобны путешественникамъ, которые, встрѣтятся случайно на перекресткѣ, идутъ въ разныя стороны и, можетъ быть, уже вѣчно не сойдутся....

"Съ чего такія печальныя мысли, матуш-

ка?"

-- Съ чего бы онѣ ни взялись въ головѣ моей, но посвятимъ остальные минуты дѣлу, а не шуткѣ. Ты перебилъ мою рѣчь: я хотѣла сказать, что въ этомъ молодомъ человѣкѣ я какъ будто вижу моего Павла....

"Эхъ, матушка! ты все не отстаешь отъ мечты...."

-- Пусть будетъ эта самая вздорная мечта, но я нарочно пришла просить тебя: если не будетъ меня на свѣтѣ, то будь покровителемъ этого юноши!

"Я всегда готовъ ему покровительствовать; но...."

-- Ахъ, другъ мой! я знаю все, я знаю болѣе, нежели ты думаешь: страшная бѣда готовится для этого бѣднаго молодого человѣка; но ради Бога, другъ мой!...

"Чего ты хочешь отъ меня?"

-- Я хочу, чтобъ ты не губилъ его. Къ несчастію нашему, Камчатка уже наполнена людьми, которые ненавидятъ насъ, какъ своихъ утѣснителей; для чего ты еще хочешь умножать число своихъ жертвъ и враговъ?

"Странная женщина! -- вскричалъ началь-

никъ, пламенѣя отъ гнѣва, но стараясь удержать его стремленіе -- ты говоришь, Богъ знаетъ что! Я ищу правосудія, справедливости, казни виновныхъ, а она говоритъ объ утѣсненіи, о жертвахъ! Боже мой! справедливо сказано: и враги человѣку домашнія его!"

-- Нѣтъ, другъ мой! -- сказала жена его съ величайшею кротостію, залившись слезами -- я не врагъ твой! я тебѣ говорю правду, которой, разставшись со мною, ты болѣе не услышишь. Вспомни, что и нашъ сынъ, быть можетъ, такъ же, какъ и этотъ юноша, гдѣ-нибудь теперь живетъ одинъ, безъ друга и безъ покровителя, можетъ быть, и онъ такъ же нуждается въ помощи, безъ которой погибнетъ..." Ахъ, я тебя просила за многихъ -- ты не слушалъ меня; но теперь я со слезами умоляю тебя! Это, быть можетъ, уже послѣдняя моя просьба!

"Ты такъ говоришь -- сказалъ начальникъ, показывая видъ, что онъ весьма тронутъ -- что не только меня, но и камень могла бы разжалобить. Признаюсь тебѣ, я не люблю ослаблять строгости правосудія; но такъ я быть: для тебя только, для тебя одной я приму

всѣ мѣры, чтобы спасти этого шалуна. Ты употребила слишкомъ сильное средство, напомнивъ мнѣ о сынѣ.... Охъ!"

Этотъ вздохъ вырвался изъ груди лицемѣра, можетъ быть, и безъ малѣйшаго притворства: ибо природа и въ самыхъ ожесточенныхъ сердцахъ вступаетъ иногда въ права свои. Но это бываетъ только мгновенныя, такъ сказать возмущенія, постоянной струей порока, которая послѣ того опять приходитъ скоро въ прежнее теченіе. Такъ случилось и здѣсь. Вздохъ, произнесенный начальникомъ, хотя былъ, вѣроятно, исамый непритворный, но между тѣмъ послужилъ прекраснымъ переходомъ къ величайшему притворству. Сохраняя печальную мину, начальникъ сказалъ: "да, душенька! мы, кажется, уже потеряли его завсегда!"

-- Нѣтъ; я все-таки еще надѣюсь на Бога.

"Да, моя милая! надѣйся: это всего лучше! Но, кажется, здѣсь намъ уже не увидѣть его!-- Сторона отдаленная, малолюдная: какой случай можетъ завести его сюда?"

-- Ахъ, не говори объ этомъ! Мнѣ ужасно и подумать, что глаза мои не увидятъ его болѣе!

"Конечно, и мнѣ тоже страшно это помыслить; но какъ ни говори, а это такъ! Поэтому-то я хотѣлъ тебѣ давно сказать..."

— Что такое?

"Да вотъ что! Ты возишь вездѣ съ собой назначенные для него билеты: боюсь я: неравенъ случай, такъ, пожалуй, мошенники оберутъ, да о слѣда не найдешь!"

— Но вѣдь ты знаешь, что я дала обѣщаніе покойному своему отцу сохранить эту сумму для его внука....

"Странно мнѣ, матушка, что ты до сихъ поръ не увѣрилась во мнѣ: уже ли я истрачу ихъ?"

— Нѣтъ; я не думаю этого; но онъ приказалъ мнѣ беречь ихъ, какъ зѣницу ока, и я дала слово.

"Но подумай сама: храни Боже, если что случится безъ меня (вѣдь, мы всѣ подъ Богомъ ходимъ!); такъ значитъ ли это, что ты выполнишь слово отца?"

— Ты говоришь правду; но дай же мнѣ обѣщаніе, что ты будешь хранить столь же тщательно, какъ я, покуда....

"Вотъ тебѣ порука!" (Начальникъ указалъ

на распятіе.)

-- Хорошо, другъ мой, возьми ихъ: вотъ они! и когда ты будешь отдавать ихъ моему милому Павлу, то скажи ему, что я всегда носила ихъ на груди своей, какъ самое священное сокровище, потому что съ ними было соединено его имя; скажи ему, что мать его ждала свиданія съ нимъ, какъ единственнаго блага, и что если жалѣла о жизни, закрывая глаза на-вѣкъ, то, потому только, что ждала, и не дождалась его...

Она не могла болѣе говорить, и горько зарыдала.

"Успокойся, другъ мой, успокойся! -- говорилъ мужъ ея, казалось, съ непритворнымъ участіемъ. -- Оставимъ этотъ разговоръ, поговоримъ лучше о другомъ... Ну какъ ты, кого рѣшилась взять съ собою для прислуги?"

-- Ту женщину, которую рекомендовалъ мнѣ Викторъ Ивановичъ....

"Не совѣтывалъ бы я тебѣ -- говорилъ начальникъ, у котораго опять порочныя мысли взяли свое направленіе -- не совѣтывалъ бы: эта женщина такъ мнѣ не нравится! У ней такая наружность...."

— Да, наружность ея, признаюсь, и мнѣ не нравится; но я рѣшилась побѣдить это ложное отвращеніе: я думаю только о томъ, что она, если не взять ее, должна помереть съ голоду...

"Это-то правда! Конечно, ты дѣлаешь дѣло христіанское: помогать другому всего лучше на свѣтъ; но..."

— Нѣтъ; ужъ я рѣшилась....

"Ну я не препятствую тебѣ; слѣдуй влеченію твоего добраго сердца: оно тебя не обманетъ! Да я совѣтывалъ бы тебѣ еще взять Алексѣя: онъ почти необходимъ для тебя, по твоему состоянію..."

Начальница согласилась на это предложеніе, и наконецъ вышла изъ комнаты, а мужъ ея, положивши билеты въ конторку, съ плутовскою усмѣшкою сказалъ про себя: "Ну Алёшка, работай, какъ умѣешь! Билеты теперь у меня, а ты напрасно будешь грызть на нихъ зубы!"

ЧАСТЬ III.

XVI. НАЧАЛЬНИЦА.

Предсказаніе Антона Григорьевича не сбылось: сколько ни старалась начальница, по прїѣздѣ на воды, примирить нашихъ любовниковъ, доброе желаніе ея не имѣло успѣха. Мичманъ показывалъ къ Маріи, по крайней мѣрѣ по наружности, величайшую холодность и даже презрѣніе. Марія чувствовала страданіе, неизъяснимое ни какими словами, рѣдко осушала глаза и между тѣмъ не оправдывалась ни однимъ словомъ. Положеніе ихъ было для начальницы самое таинственное, самое мучительное для ея добраго сердца. Она даже была готова иногда сердиться на нихъ, не подозрѣвая, что только одно искреннее сожалѣніе и глубокое уваженіе къ ней налагало на нихъ молчаніе. Бывали случаи, что Марія, убѣждаемая ею то съ ласкою, то съ гнѣвомъ, рѣшалась-было, наконецъ, раскрыть пагубную тайну; но, потомъ представивъ себѣ, что она своимъ признаніемъ можетъ убить и безъ того сла-

бое здоровье своей благодѣтельницы, вдругъ одумывалась и снова опредѣляла себя на страданіе. Въ такомъ положеніи прошло около двухъ недѣль со времени пріѣзда ихъ на воды.

Между тѣмъ, по самой необходимости, мичманъ и Марія были почти безпрестанно вмѣстѣ, сходясь у начальницы. Въ одинъ вечеръ всѣ они трое, сидя подлѣ окна, безмолвно смотрѣла за странную, почти волшебную картину, раскинутую предъ ихъ глазами. На ближнемъ планѣ ландшафта извивалась чудная рѣчка, со своими цвѣтущими берегами; далѣе разстилался безжизненный пологъ снѣга; потомъ возставали дикія скалы, раздѣленные пропастями и, наконецъ, взоръ утопалъ въ безпредѣльности моря, глухо стоявшаго въ отдаленности. И вся эта картина была подернута меланхолическимъ свѣтомъ сумерокъ, сквозь котораго начинали проглядывать звѣзды.

"Вотъ изображеніе нашей жизни! -- сказала наконецъ начальница, тяжело вздохнувши.-- Эти цвѣтущіе берега есть малой удѣль радости, достающійся намъ въ жизни, а пото-

мъ пойдуть препятствія, затрудненія, опасности, бѣдствія, а все оканчивается вѣчностію, въ которой свѣтитъ намъ одна звѣзда вѣры и надежды."

-- Вы прекрасно объяснили -- сказалъ Викторъ -- аллегорическій смыслъ этого ландшафта; но жизнь не всегда бываетъ ему подобна: бываютъ несчастные, которые не встрѣчаютъ въ жизни и этой краткой дорожки, устланной зеленью.

"Нѣтъ! -- возразила начальница -- чтобы человекъ никогда не встрѣчалъ пути пріятнаго и цвѣтущаго: это почти не возможно, если только самъ онъ не собьется съ него, по слѣдамъ ложнаго опасенія, подозрѣнія и особенно по слѣдамъ страстей и порока."

-- Боже мой! -- сказалъ мичманъ, бросивъ мгновенный взглядъ на Марію -- какъ страсти рано одолѣваютъ сердце, и какъ порокъ искусно прикрывается иногда видомъ невинности!

При сихъ словахъ судорожный трепеть пробѣжалъ по членамъ Маріи.

"Викторъ Ивановичъ! -- произнесла рѣшительнымъ тономъ начальница,

примѣтившая безпокойство Маріи -- я не знаю, къ чему клонятся ваши слова; но если догадка моя справедлива, то я скажу вамъ рѣшительно: вы заблуждаетесь. Я сама воспитала этого ангела (она взяла руку сидѣвшей подлѣ нея Маріи), и ручаюсь за него моею жизнію!"

Слезы полились ручьями изъ глазъ Маріи. Она бросилась въ объятія начальницы и, рыдая, твердила: "Вы не ошиблись во мнѣ: я точно невинна!"

Трудно описать, что чувствовалъ въ эту минуту мичманъ. Страшная буря подозрѣній кипѣла въ его душѣ; но она не могла потушить неугасаемаго пламени первой любви, который потухаетъ иногда только съ жизнію. Сей волшебный пламень, притаивающійся до времени, готовъ всегда вспыхнуть съ новою силою при первомъ благопріятномъ вѣтрѣ. Такимъ образомъ, мичманъ, тронутый слезами Маріи, едва не увлекся слѣпымъ движеніемъ своего сердца, и чуть не бросился въ ея объятія, забывая на мгновеніе все прошедшее; но прошла минута восторга -- и снова суровый разсудокъ обдалъ его своимъ хла-

домъ. Представьте себѣ вулканъ, у котораго на поверхности видны льдистыя лавины, а внутри клокочуть раскаленные рѣки: вотъ вѣрное изображеніе нашего страдальца въ сію минуту!

-- Викторъ Ивановичъ! -- повторила начальница, сжимая Марію въ своихъ объятіяхъ,-- удивляюсь, что вы еще можете сомнѣваться въ невинности этого чистаго существа!

"Ахъ! сударыня! -- воскликнулъ мичманъ, выведенный словами начальницы изъ состоянія забвенія, въ которое, наконецъ, погружилась его душа, оглушенная бурною толпою разнородныхъ мыслей и чувствованій -- я пожертвовалъ бы всею жизнію моею,если бы можно-было...."

-- Да, если сердце ваше -- перебила съ жаромъ начальница -- столь же благородно, какъ ваша наружность: то, судя по самому себѣ, вы не можете допускать и въ другомъ, особенно въ этомъ ребенкѣ, столько лицемерія и притворства!

"О! еслибы это было въ самомъ дѣлѣ такъ -- сказалъ мичманъ, глубока вздохнувши;--

но..."

-- Такъ, оправдайся же, другъ мой! -- воскликнула начальница, взявъ за руку плачущую Марію. -- Оправдайся! Раскрой мнѣ твое сердце: ты знаешь какъ я люблю тебя, и какъ мнѣ мучительно видѣть твое страданіе. Расскажи мнѣ все, и если кто не повѣритъ словамъ твоимъ, тотъ никогда не былъ достоинъ руки твоей!... Ахъ, для чего ты еще упрямишься? Ты видишь: теперь, или никогда!... Скажи, моя милая! Ты не можешь вообразить, какъ твое молчаніе раздираетъ мнѣ сердце.... Ну, прошу тебя въ послѣдній разъ!... Ты видишь, какъ съ каждою минутою я приближаюсь къ концу; не ужели ты хочешь ускорить его?

"Я? я хочу ускорить вашу смерть?..."

"О Царь Небесный!"

-- Ну скажи, моя милая; отъ твоихъ словъ зависитъ твое собственное счастье!

"Нѣтъ; не могу! -- вскричала Марія, ослабѣвъ и упавъ на стулъ. -- Не могу! За всѣ блага въ мірѣ не могу сказать ничего въ мое оправданіе, кромѣ того, что я невинна!"

Начальница не сказала ей болѣе ни слова, отошла къ окну, и сѣвъ подлѣ него, устреми-

ла взоры на пустынные виды, передъ нею лежавшіе, и погрузилась въ глубокую задумчивость. Долго продолжалось ни чѣмъ не нарушаемое молчаніе; ибо душа каждаго была погружена въ самого себя; наконецъ отворилась дверь, и женщина высокаго роста, дикаго вида, словомъ, извѣстная Караулиха, выставляясь до половины въ комнату, сказала шопотомъ: "Марья Алексѣевна! не угодно ли вамъ идти приготовить чай?" Марія, казалось, не слыхала сихъ словъ. Цыганка замолчала, окинула внимательными глазами группу, и видя, что никто не примѣчаетъ ея прихода, ужасно посмотрѣла на сидѣвшихъ; этого адскаго взора, въ которомъ изображалась радость тигра, подкрадывающагося къ спящей жертвѣ, ни какая кисть, мы перо представить не можетъ. Онъ былъ мгновененъ, какъ молнія; и опять принявъ на себя смиренно-лукавый видъ, цыганка повторила зовъ. Марія вздрогнула, какъ бы пробужденная отъ сна, вышла вслѣдъ за нею изъ комнаты, и возвратившись съ чашкою въ рукѣ, подошла къ начальницѣ. Сія послѣдняя все еще сидѣла погруженная, въ думу.

-- Ольга Павловна! -- сказала Марія, задыхавшись отъ слезъ -- и вы прогнѣвались на меня?

"Нѣтъ, моя милая! -- отвѣчала начальница, обратившись къ ней съ видомъ самымъ кроткимъ, но исполненнымъ горести, и взявши изъ рукъ ея чашку.-- Я не сержусь, а только жалѣю обоихъ васъ. Счастіе ваше за вами гоняется: такъ вы бѣжите отъ него сами, потому что еще не знаете его цѣны; а если бы вы испытали то, что испытала я въ моей жизни!... Боже мой!"

-- У всякаго довольно своей горести! -- сказалъ мичманъ, глубоко вздохнувши.

"Такъ! Но надобно различать существенную отъ случайной. Что можетъ быть сладостнѣе въ жизни, какъ не исполненіе желаній первой любви? Вы могли-бы вполнѣ наслаждаться этимъ благомъ, и не хотите...."

-- А вы?... но простите мнѣ этотъ смѣлый вопросъ, который готовъ былъ сорваться съ моего языка.

"Человѣкъ -- сказала начальница съ видомъ торжественности -- стоя на краю могилы, не долженъ бояться ложнаго стыда!... Дѣти мои! вы, можетъ быть, одни будете

свидѣтелями моего послѣдняго вздоха, и вамъ я должна раскрыть мое сердце. Одинъ грѣхъ, который я понесу съ собою во гробъ есть.... (Пусть называютъ ее люди, какъ хотятъ!)... есть любовь къ тому, кого я любила впервые... Ахъ! много лѣтъ пролетѣло послѣ того, но сердечная рана неизцѣльна!... Я была тогда, Машенька, въ твои лѣта, когда въ первый разъ увидѣла его.... Я не произнесу его имя: для васъ оно одинъ звукъ. Солнце такъ ярко горѣло тогда на небесахъ, день былъ такъ прекрасенъ: это было въ маѣ мѣсяцъ, какъ теперь помню, въ праздникъ Троицы. Съ тѣхъ поръ я посвящала ему каждую минуту, каждое мгновеніе: только объ немъ мечтала, имъ жила и дышала. Прошло три года, но наша любовь возрастала съ каждымъ днемъ. Наконецъ, казалось, уже близко было время, когда должны были исполниться наши сладостнѣйшія надежды, и вдругъ въ это-то самое время буря разлучила насъ на-вѣки. Отецъ мой -- да проститъ Господь его слабость! -- прежде старался оклеветать его въ моихъ глазахъ; но когда не успѣлъ въ хитрости, то употребилъ насиліе: увезъ меня изъ

города, и принудилъ обручиться съ другимъ... О Боже мой! какъ теперь помню это страшное мгновеніе, когда, возвратившись въ Иркутскъ, я пріѣхала съ отцемъ въ домъ губернатора и съвѣ за ужинъ, должна была спать съ руки обручальное кольцо, которое, переходя изъ рукъ въ руки, дошло наконецъ до него... Я не забуду некогда того взгляда, исполненнаго любви и укоризны, какой онъ бросилъ на меня въ это мгновеніе, съ трепетомъ оттолкнувъ отъ себя пагубное кольцо, и этотъ взглядъ, какъ молнія, убилъ навсегда счастье моей жизни! Однако жъ я должна была покориться необходимости, и сказавъ: "видно, такъ угодно Богу!" несла свой жребій съ терпѣніемъ. Наконецъ у меня родился сынъ: новое чувство пробудилось въ душѣ, и оно, замѣнивъ утраченную любовь, опять наполнило убійственную пустоту моего сердца. Я любила моего сына болѣе, гораздо болѣе, нежели себя: я готова была каждую минуту отдать за него свою жизнь, если бы го нужно было для его спасенія. Самый слабый признакъ болѣзни, малѣйшее стенаніе его,-- раздирали мнѣ душу и повергали въ отчаяніе. Слово-

мъ сказать: я жила за свѣтъ не для себя, а для него. И что же? знать, еще угодно было Творцу испытать мое терпѣніе!"

-- Сынъ вашъ умеръ? -- прервалъ ее мичманъ.

"Лучше, если бы онъ умеръ! Нѣтъ, онъ пропалъ!"

-- Какъ пропалъ? -- спросилъ мичманъ съ величайшимъ безпокойствомъ.

"Да, пропалъ!"-- отвѣчала начальница, утирая слезы, и поставивъ на окно выпитую чашку.

-- Но расскажите, ради Бога! -- говорилъ мичманъ, трепеща всѣми членами -- какъ это случилось?

"Мы тогда жили въ Петербургѣ... Этому исполнилось въ іюль прошедшаго года ровно двадцать лѣтъ, и сынъ мой былъ тогда по пятому году. Въ одинъ праздничный день.... Но что со мною? Боже мой! свѣтъ темнѣетъ у меня въ глазахъ! "

-- Ахъ, говорите, заклинаю васъ Богомъ, говорите! -- вскричалъ мичманъ, совершенно въ помѣшательствѣ ума подбѣжавъ къ ней на помощь. -- Еще хотя одно слово!..

"Мнѣ душно! -- шептала умирающая едва слышнымъ голосомъ. -- Кровь застываетъ въ жилахъ... простите!"

Владыко! спаси ее! -- воскликнула Марія, упавъ на колѣна передъ образомъ.

"Помогите! помогите! -- кричалъ мичманъ, поддерживая умирающую и не зная самъ, что дѣлать. -- Помогите! Она умираетъ! Она... О! это должно быть мать моя! Помогите!"

-- Ядъ! ядъ! -- вскричала въ бѣшенствѣ вбѣжавшая въ комнату Караулиха. -- Вотъ ядъ, который я нашла у ней подъ подушкой (она показала на Марію). Онъ долженъ быть въ чашкѣ. Такъ и есть! Смотрите!

"О Творецъ!" -- воскликнула Марія, грянувшись на полъ.

-- Червь, недостойный жизни! -- возопилъ въ изступленіи мичманъ, бросившись къ Маріи.-- Я растопчу тебя!

"Берите его! -- вскричалъ вбѣжавшій въ комнату съ толпою казаковъ фельдшеръ, и остановивъ мичмана. -- Берите его! Я сейчасъ получилъ предписаніе взять тебя подъ стражу, по дѣлу Тенявы. Тебѣ, видно, мало, что ты еще одного убилъ..."

-- Прочь разбойникъ! -- вскрикнулъ громовымъ голосомъ мичманъ, отбросивъ отъ себя фельдшера и занеся саблю себѣ на грудь. -- Никто не мѣшай умереть мнѣ подлѣ тѣла моей матери!

"Врешь! Она не мать твоя! -- вскричала стоявшая подлѣ нея Цыганка, выхвативъ у него съ невѣроятною силою саблю.-- Я твоя мать!"

-- Ты?

"Я!"

-- Но кто же ты, несчастная?

"Узнай меня: я Марина!"

-- Ты Марина! -- вскричалъ мичманъ съ величайшимъ изумленіемъ.

"Да, безумный! я Марина, мать твоя..."

-- Злодѣйка! развѣ ты не сама призналась, что я не сынъ твой? Скажи мнѣ, если не хочешь, чтобы я задушилъ тебя своими руками: не она ли мать моя? -- (онъ показалъ на тѣло начальницы).

"Задуши, если хочешь быть матереубійцею! Знай, неблагодарный, что хотя ты погубилъ меня, но я, для того только, чтобы тебя оставить въ счастіи, пожертвовала самымъ драгоценнымъ именемъ для лю-

дей: именемъ матери..."

-- Ну да намъ слушать ваши розказни некогда! Послѣ потолкуете о своемъ родствѣ! -- вскричалъ съ неудовольствіемъ фельдшеръ.
-- Ребята, что стоите? Берите его!

Мичманъ стоялъ, какъ пораженный громомъ: ничего не мысля, ничего не понимая, и почти не чувствовалъ, какъ казаки связали ему руки и вывели изъ комнаты.

-- Ну-ка ступай и ты, голубушка! -- сказалъ Фельдшеръ, подошедши къ Маріи, -- полно прикидываться та! Ребята! возьмите ее тоже, да караульте, чтобы не смазала лыжи!

Послѣ сего фельдшеръ, оставшись одинъ съ Цыганкою, сказалъ ей: "Ну заварили мы съ тобой кашу, какъ-то придется расхлебывать! На что тебѣ, старая дура, вздумалось увѣрять его что онъ твой сынъ?"

-- Потому что онъ сынъ мой и есть! -- отвѣчала съ злобою Цыганка.

"Полно, вѣдьма! Повѣрю я тебѣ!"

-- Ты, повѣришь, мошенникъ, когда я тебя хвачу этимъ ножемъ! -- вскричала Цыганка, схвативъ ножъ и кинувшись на Фельдшера, который съ ужасомъ выбѣжалъ изъ комнаты.

Цыганка осталась одна. Жертва ея мщениа лежала предъ нею, съ открытыми, неподвижными, какъ бы изъ вѣчности смотрѣвшими глазами, едва освѣщенными мерцающимъ свѣтомъ сѣвернаго сіянія. Цыганка подошла къ трупу, дико посмотрѣла ему въ глаза, закрыла ихъ, и приложивъ лѣвую руку къ сердцу умершей, а правою разводя по воздуху, и уподобляясь въ сію минуту болѣе адскому духу, блуждающему во мракѣ, нежели существу тѣлесному, прошептала ужаснымъ голосомъ:

Чу!.... оно уже не бьется!

Кровь хладѣетъ и не льется!

Свѣтъ потухъ въ ея глазахъ!....

О! хвала вамъ, Духи злые!

Въ этихъ огненныхъ столбахъ,

Ваши лики неземные,

Съ дикой радостью въ очахъ!

Вижу я: простерли руки

Вы кровавые ко мнѣ....

Что же? Страшны ль ваши муки?

Я ль боюсь горѣть въ огнѣ?

Ха, ха, ха! Я въ жизни знала

Муки адскихъ пострашней:

Я презрѣнье испытала

Отъ себя и отъ людей!
Но васъ, Духи, заклинаю
Страшной клятвою геенны:
Я все въ жизни презираю;
Только мой обѣтъ священный
Довершить мнѣ помогите!
Сокрушите, истребите
Родъ проклятой до конца!
Жажду мести -- утолите
Кровью сына и отца!
И тогда томить не стану
Васъ безумною мольбой;
Но безтрепетно предстану
Къ вамъ съ завѣтною душой!

XVII СЛѢДСТВІЕ.

Предписаніе о взятіи подъ стражу мичмана было дано начальникомъ, по случаю окончанія слѣдствія правдолюбивымъ секретаремъ его Погремушкинымъ.

Погремушкинъ началъ свои подвиги въ Кууюхченѣ тѣмъ, что велѣлъ схватить, перевязать и посадить подъ стражу тоіона и все его семейство, а самъ со всею свитою расположился въ его юртѣ. Сей первый подвигъ былъ

возложенъ на исправника Сумкина, который, по особенной злости своей на тоіона за извѣстный подзатыльникъ, полученный имъ отъ отца начальника, постарался исполнить порученіе Погремушкина съ величайшею точностію: стянулъ Тарею безъ малѣйшей жалости и бросилъ въ холодную юрту. Два дня послѣ сего почтенный секретарь изволилъ провести въ, отдыхъ, послѣ дальней дороги. Наконецъ началось слѣдствіе. Первый допросъ былъ сдѣланъ тоіону. Не смотря на двухдневной холодъ и голодъ, Тарей шелъ твердо и отвѣчалъ смѣло, высказавъ подробности смерти Тенявы.

-- Правду ли ты говоришь, старикъ? -- спросилъ Погремушкинъ голосомъ не столько суровымъ, сколько значительнымъ, съ важностію прибодрившись и протянувъ ноги по нарамъ.

"Правду, бачка! Изволь спросить другихъ."

-- И протопопъ тебя не получивалъ на бунтъ?

"Нѣтъ, нѣтъ, бачка; не солгу этого."

-- И съ Зудою не сговаривались они дѣйствовать противъ начальства?

"Ничего не слыхалъ, бачка, хоть сейчас умереть."

-- А если мы приведемъ тебя къ присягѣ?

"Что хошь, бачка, приказывай: все радъ исполнить. Я говорю правду."

-- Хорошо. Подайте ружье.... Вотъ, клянись надъ нимъ, что ты не лжешь.

"Я сказалъ, что не лгу, бачка!"

-- Клянись!

"Изволь, бачка, изволь!-- говорилъ Камчадалъ, приставивъ голову къ ружейному дулу.-- Если я солгалъ хотя въ единомъ словѣ, то пусть это ружье раздробитъ мнѣ голову въ мелкій иверешки, пусть не свижусь я болѣе ни съ женою, ни...."

-- Довольно, старикъ! -- прервалъ съ женою Погремушкинъ. -- Я вижу, что то время прошло, какъ клятва на васъ дѣйствовала; видно, теперь надобно средства другія....

"Съ позволенія вашего, Петръ Ѳедоровичъ!-- провозгласилъ съ подъяческими ужимками Сумкинъ.-- Если соблаговолите мнѣ поручить окончить допросъ...."

-- Кто-жъ вамъ мѣшаетъ? Тутъ вы столько-же обязаны заботиться, сколько и я.

"Такъ по нашему вотъ какъ: плетей!"

-- Изволь, бачка, съчь, сколько тебѣ угодно -- говорилъ Камчадалъ, не показавъ ни малѣйшаго признака смущенія; -- но я все-таки сказать инаго не могу: Камчадалъ, бачка, лгать не любить.

"Ладно! Мы посмотримъ! Раздѣвайте его!"

Вытерпливая ужаснѣйшіе удары, отъ которыхъ юрта обогрелась ручьями крови, Камчадалъ, закусивъ губы, не сказалъ ни слова. Наконецъ безуспѣшное истязаніе было кончено.

-- Такъ выбросьте же его, мошенника, изъ юрты! -- сказалъ съ досадою Сумкинъ. -- Пусть околѣваетъ, когда не хочетъ сказать правды!

"Вы напрасно прибѣгли къ этой мѣрѣ -- говорилъ правдолюбивый Погремушкинъ, принимая на себя неодобрительную мину. -- Знаете, гораздо лучше бы обойтись...."

-- Помилуйте, Петръ Ѳедоровичъ! Съ этими извергами какъ можно обходиться иначе? Вѣдь вы изволили видѣть: съки его, а онъ все свое пореть! Сущіе разбойники!

"Такъ, это правда; но я не люблю нарушенія законовъ, и скажу вамъ не шутя: я

не желалъ-бы, чтобы при моихъ глазахъ..."

— Это все можно сдѣлать! Поручите только мнѣ, такъ, надѣюсь, будете довольны. Я съ ихъ, мерзавцевъ, сдеру не одну шкуру. Вотъ еще жаль, что шельма Зуда долго не ѣдетъ, а то съ него бы начать, съ старшаго бестіи...

"Ваша правда! Этого плута всего-бы прежде допросить должно. Но мы еще успѣемъ все это обработать, если вы будете помогать мнѣ съ тѣмъ усердіемъ къ службѣ, какимъ вы всегда отличались. Ваша отличная ревность къ должности была давно извѣстна. Мой долгъ будетъ довести начальству..."

— Сдѣлайте милость, Петръ Ѳедоровичъ: не оставьте вашимъ заступленіемъ. Доброе мнѣніе начальства для меня всего драгоцѣннѣе; вѣдь, вы изволите знать: только изъ одной чести и бьюсь. Жалованье малое...

"Это правда, Антропъ Спиридоновичъ! И всѣ мы изъ чего служимъ, какъ..."

— Ахъ, батюшка Петръ Ѳедоровичъ! извините: совсѣмъ запамятовалъ. По пріѣздѣ вашемъ сюда, нарочно я собралъ для вашей милости по собольку съ человѣка, да по черно-

буркѣ съ юрты, да....

"Вотъ это напрасно, Антропъ Спиридоновичъ! Вы знаете: я не люблю взятокъ."

— Да помилуйте: что же это за взятки? Я единственно изъ моего усердія къ вамъ, а добродотнаго дателя, вамъ извѣстно...

"Ну, такъ и быть! Я оставлю все это покамѣстъ у себя, а потомъ постараюсь вамъ заплатить."

— Очень хорошо, Петръ Ѳедоровичъ! Пусть хоть и такъ останется; еще успѣемъ разсчитаться, если Господь продлитъ вѣку; время не уйдетъ!

Между тѣмъ, какъ бесѣдовали такимъ образомъ сіи честные чиновники, изъ коихъ одинъ, хитрый мошенникъ, хотѣлъ, какъ говорится, загребать жаръ чужими руками, а другой, наглый подлець, готовъ былъ рѣшительно на всѣ беззаконія, лишь бы угодить начальству,— въ сіе время вокругъ несчастнаго тоіона, окровавленнаго и брошеннаго близъ юрты, собралась большая толпа жителей острожка. Камчадалы, какъ и всѣ почти дикіе, предпочитаютъ смерть истязаніямъ тѣлеснымъ, смотрѣли на своего начальни-

ка не столько съ горестію, какъ съ негодованіемъ, качали головами и перешептывались.

-- Чего вы ждете? -- вскричалъ внезапно появившійся между ними молодой Камчадалъ, высокаго роста, плечистый и по самому виду обѣщавшій необыкновенную силу и проворство. -- Чего вы ждете? И всѣмъ вамъ тоже будетъ! Коли тоіона избили: то чего ждать другимъ?

"А что, ребята? -- говорили Камчадалы другъ другу. -- Вѣдь Гатальча-то говоритъ правду!"

-- Эта правда, подхватилъ Гатальча съ яростію -- лежитъ у васъ предъ глазами. Если не хотите, чтобы и всѣхъ васъ такъ же измучили, то всѣ за мной! Смерть разбойникамъ!

"Въ самомъ дѣлѣ, ребята -- вскричалъ кто-то изъ толпы -- пойдѣмъ перерѣжемъ ихъ, да шабашъ!"

-- Пойдемъ, пойдѣмъ, ребята! -- закричали всѣ въ голосъ. -- Принимайтесь за чекуши!

"Гг. слѣдователи! -- вскричалъ проворно спустившійся къ нимъ въ юрту Зуда, бывшій до сего времени въ отлучкѣ изъ Кууюхчена --

спасайтесь: васъ хотятъ всѣхъ перерѣзать!"

-- Какъ, кто? -- воскликнулъ Погремушкинъ, поблѣднѣвшій какъ полотно, но старавшійся сохранить неустрашимость духа, которою онъ любилъ хвастаться. -- Кто это и какъ?

"Народъ взбунтовался."

-- Народъ взбунтовался! -- повторилъ съ величайшею, самую презрѣнною робостію Сумкинъ, у котораго зубы громко застучали другъ о друга. -- Народъ взбунтовался, говоришь ты?

"Да, да, народъ! Спасайтесь, покуда есть время, а то... Но теперь все кончено! Всѣ мы погибли!"

Въ это время шумная, свирѣпая толпа Камчадаловъ, подъ предводительствомъ Гатальчи, прибѣжала къ юртѣ слѣдователей, съ которыми вмѣстѣ находились и пріѣхавшіе съ ними пять человѣкъ казаковъ.

Покрывъ отверзтіе юрты досками, Камчадалы кричали съ остервенѣніемъ: "Попробуйте теперь выйти оттуда, дьяволы, вы узнаете, каково обижать Камчадала!"

-- Что намъ дѣлать теперь, Абрамъ Васи-

льевичъ? -- говорилъ Сумкинъ, едва выговаривая отъ страха слова. -- Будьте отецъ родной: научите!

"Знаете ли что я совѣтывалъ бы вамъ?" -- отвѣчалъ Зуда, смотря съ чувствомъ величайшаго презрѣнія на сего робкаго поддлеца и не могши удержаться отъ насмѣшки.

-- А что такое? Научите, ради Бога!

"Хорошо бы вы сдѣлали, Антропъ Спиридоновичъ, если бы приказали такъ же отодрать себя, какъ вы изсѣкли бѣднаго Тарею, и потомъ велѣли бы вынести себя на показъ: я увѣренъ, что это средство...."

-- Боже мой! вы смѣетесь надъ намъ, Абрамъ Васильевичъ,-- говорилъ Погремушкинъ самымъ дружественнымъ голосомъ, между тѣмъ, какъ во всякое другое время онъ былъ бы готовъ отвѣчать на подобную обиду со всею дерзостію провинціального временщика. -- Можно ли такъ поступать Христіанину, когда бы вы, можетъ быть, могли бы однимъ словомъ утишить мятежъ?

"Помилуйте! -- отвѣчалъ Зуда, продолжая тонъ насмѣшки.-- Вы, будучи столько лѣтъ при начальникѣ, несравненно болѣе моего

имѣли случай пріобрѣсть уваженіе Камчадаловъ вашими добрыми дѣлами; одно ваше имя, кажется, должно бы быть достаточно къ тому, чтобы заставить молчать?"

— Это такъ; но, признаюсь, я не столько счастливъ....

"Да тутъ не нужно счастье. Государыня поручила участь Камчадаловъ вашему начальнику, а вы его правая рука: такъ вы, конечно, старалось вмѣстѣ съ нимъ исполнить волю Монархини: защищать невинныхъ, наказывать виновныхъ, творить судъ по правдѣ; охранять вашу страну отъ грабительства взяточниковъ, мошенниковъ, кровопійцъ...."

По мѣрѣ того, какъ Зуда, начинавшій говорить съ жаромъ, разгорячался, Погремушкинъ приходилъ въ трепеть. Глаза его, устремленные на Зуду, остановились. Блѣдное, посинѣлое лице изображало болѣе образъ мертвеца, возставшаго изъ гроба на гласъ страшнаго суда, гежели живаго человѣка. И въ самомъ дѣлѣ въ словахъ Зуды, произносимыхъ въ то время, когда неизбежная смерть висѣла у него надъ головою, въ точномъ значеніи сего слова, онъ

слышалъ, казалось ему, начавшійся надъ нимъ грозный и неотвратимыя судъ за гробомъ. Но слова Зуды были прерваны дикимъ крикомъ Гатальчи, который, не имѣя терпѣнія ждать выхода своихъ жертвъ, сбросилъ доски, и закричалъ свирѣпымъ голосомъ: "Ну-ка выльзайте, проклятые! Намъ долго ждать, пока вы тамъ сами переколѣете! Выльзайте, говорю вамъ, а не то мы и тутъ васъ всѣхъ перестрѣляемъ, какъ утокъ!"

-- Погибли! -- вскричалъ Погренушкинъ, упавъ на полъ, между тѣмъ какъ товарищъ его давно уже сидѣлъ, забившись подъ нары, полумертвый отъ страха.

"Таковы-то всегда подлые люди! -- говорилъ Зуда, глядя съ презрѣніемъ и жалостію на обоихъ трусовъ. Въ счастья они готовы на все, а при малѣйшей опасности она совершенно теряютъ разсудокъ... А вы что, ребята! -- продолжалъ онъ, обратившись къ казакамъ -- уже ли и вы сробѣли?"

-- Сробѣтъ не сробѣли, Абрамъ Васильевичъ -- отвѣчали казаки въ одинъ голосъ: -- двухъ смертей не будетъ, а одной не миновать; да, вѣдь, дѣлать тутъ нечего. И радъ бы

въ рай, да грѣхи не пускаютъ!

"Нѣтъ, ребята: для Русскаго ни гдѣ ворота не заперты. Смѣлость города беретъ. Не драться умереть, и драться умереть: такъ лучше попробуемъ счастья: авось!"

-- Ты дѣло вздумалъ, Абрамъ Васильевичъ!-- сказалъ одинъ изъ казаковъ. -- И точно! Ударимъ-ка на басурмановъ: авось!

-- Ну благослови Господи!-- сказали казаки въ одинъ голосъ. -- Чѣму быть, тому не миновать. Ура!

Казаки, схвативъ ружья, бросились къ отверзтію, но первый изъ нихъ, храбрый, отважившійся показаться изъ юрты, полетѣлъ внизъ съ разрубленною головою, сопровождаемый ужаснымъ хохотомъ Камчадаловъ, отдавшимъ въ сердцѣ осажденныхъ, и вслѣдъ за нимъ влетѣло въ юрту нѣсколько стрѣлъ, отравленныхъ ядомъ. Всѣ онѣ просвистали попусту, кромѣ одной; но эта одна похитила жертву, стоявшую многихъ: она ранила Зуду. Старецъ, не смотря на вѣрную смерть, сохранилъ однако жъ всю твердость духа, никогда его не оставлявшую, и, опустившись на нары, еще ободрялъ казаковъ: "Друзья! не

унывайте! Ваше спасеніе заключается въ одной вашей храбрости." Но поощреніе его было тщетно; страшный, зловѣщій голосъ Гатальча опять раздался надъ юртою:

"Ребята! тащите-ка болѣе хвороста: зажжемъ его, да набросаемъ въ юрту, а потомъ закроемъ ее; пусть они издохнутъ въ ней, какъ черви!"

-- Въ самомъ дѣлѣ, ребята -- повторило множество голосовъ -- притащимъ хвороста, да сморимъ всѣхъ ихъ тамъ чертей: что съ ними долгопо биться!

Скоро цѣлыя груды горящаго хлама посыпалась въ юрту. Ужасный удушающій дымъ быстро распространялся по ней, похищая изъ виду осажденныхъ не только всѣ предметы, но и самихъ ихъ, другъ у друга. Наконецъ начало захватывать у нихъ дыханіе, и жизнь, такъ сказать, собралась въ груди, чтобы вылетѣть оттуда съ послѣднимъ вздохомъ. Начался страшный споръ между бытіемъ и смертію, рѣшеніе котораго уже, можетъ быть, зависѣло отъ одной минуты. "Ну, товарищи! прощайте! -- сказали казаки другъ другу. -- Теперь конецъ нашъ насталь!"

Но въ сіе роковое мгновеніе вдругъ раздались выстрѣлы: разъ, два, три. Камчадалы схлынули съ юрты, и проворная рука разбросала лежавшіе на ней доски. Дымъ повалилъ изъ нее столбомъ.

-- Живы ли тамъ? -- раздался сверху голосъ.

"Ни живы, ни мертвы" -- отвѣчалъ одинъ изъ казаковъ, пробираясь ощупью къ отверзтію.

-- Выходите проворнѣе: Камчадаловъ мы всѣхъ прогнали.

"Ба, это ты, Паршинъ! Да какими, братъ, судьбами ты подоспѣлъ къ намъ на выручку? Вѣдь насъ, окаянные, совсѣмъ было прокоптили, словно юколу."

-- Да, братъ, кабы не прилетѣлъ къ намъ на верховой посланный отъ Зуды: то, вѣрно, попали бы вы на закуску къ курносой.

"А вы развѣ недалеко гдѣ были?"

-- Да я вотъ съ командою посланъ изъ Большерѣцка на Лопатку, да остановился было на дневку на рѣчкѣ Кылхту, отсюда верстахъ въ пятнадцать...

Въ продолженіе сего разговора вышли и прочіе четыре казака, протирая глаза и едва

переводя духъ.

-- Да гдѣ же ваши начальники? -- спросилъ Паршинъ.

"Кто ихъ знаетъ: живы ли они? Вотъ дай перевести духъ, такъ пойдѣмъ и ихъ отыскивать."

Первый изъ отысканныхъ былъ Погремушкинъ. Не вставая съ пола, онъ сѣлъ, и посмотрѣвъ мутными, мрачными глазами вокругъ себя, прошепталъ: "еще-ли я живъ?" Между тѣмъ казаки отыскали и Сумкина.

-- Ваше благородіе! -- сказалъ одинъ изъ нихъ.-- Извольте вставать: опасность прошла.

"Рѣжь меня, коли хочешь: не встану!" -- прошепталъ Сумкинъ, дрожа отъ страху.

-- Извольте встать, ваше благородіе! Вѣдь мы казаки, а не камчадалы: они всѣ ужъ разбѣжались.

"Разбѣжались? -- вскричалъ Сумкинъ, вскочивъ на ноги. -- Разбѣжались? а Зуда?"

-- А онъ вотъ здѣсь..

"Такъ ты здѣсь еще, мошенникъ! Возьмите его, свяжите! Разбойникъ! онъ вздумалъ смѣяться надъ чиновниками!"

-- А я долженъ доложить вашему

благородію -- сказалъ Паршинъ -- что еслибы не Абрамъ Васильевичъ: то вамъ бы смерть неминучая...

"Это почему?"

Паршинъ повторилъ сказанное казаку.

"Пустяки! это только одинъ отводъ! Исполняйте, что приказываютъ. Возьмите его, свяжите крѣпче, да приготовьте..."

"Помилуйте ваше благородіе! -- сказалъ Паршинъ съ твердостію -- что его вязать? Онъ уже умираетъ..."

-- Все равно! -- кричалъ Сумкинъ. -- Все равно! Вяжите его!

"Нѣтъ, воля ваша: не можемъ!"

Такимъ образомъ, не слушая безумныхъ и злостныхъ приказаній, казаки стояли вокругъ умирающаго Зуды безъ всякаго дѣйствія, смотря на него съ видомъ величайшаго участія.

"Друзья мои! -- сказалъ Зуда, какъ бы проснувшись отъ глубокаго сна, и почувствовавъ какую-то необыкновенную легкость, которая бываетъ всегда вѣрнымъ предвѣстникомъ исхода жизни, такъ же блестящей на мгновеніе предъ своимъ конце-

мъ, какъ блещеть иногда потухающій свѣтильникъ. -- Друзья мои! не откажитесь исполнить просьбу человѣка умирающаго: вынесите меня отсюда."

-- Извольте, батюшка Абрамъ Васильевичъ,-- говорилъ Паршинъ! какъ старшій изъ казаковъ.-- Съ охотою исполнимъ ваше желаніе: вѣдь мы не бусурмане какіе, чтобы видѣли васъ въ такомъ положеніи, да еще бы не пожалѣли и не послушались.

Казаки вынесли его изъ юрты и положили близъ оной на разостланныя оленьи кожи. Погремушкинъ и Сумкинъ также вышли изъ юрты, и на лицѣ перваго была написана самая черная дума. Они стали поодаль. Зуда лежалъ на холмѣ, съ котораго было видно видно море, съ закатывавшимся въ бездны его дневнымъ свѣтиломъ. Умирающій сдѣлалъ послѣднее усиліе, приподнялъ нѣсколько голову и уныло, подобно отходящему съ родины путешественнику, посмотрѣвъ на море и на солнце, произнесъ тихимъ прощальнымъ голосомъ: "О ты, неугасающее, вѣчно-юное свѣтило! погрузься въ эти синія бездны, ты опять взойдешь завтра съ прежнею красотою

и величіемъ, но я уже не увижу болѣе твоего восхода!... И погрузившись навсегда въ бездну вѣчности, сохраняю мое эфемерное бытіе?... О сколько разъ ты заставляло меня посреди этихъ печальныхъ пустынь въ слезахъ и горести!... И для чего суждено было мнѣ видѣть, какъ, оживляемое твоими лучами, все твореніе дышало радостію, величіемъ, между тѣмъ, какъ я одинъ скорбѣлъ безъ утѣшенія и безъ надежды? Для того ли, чтобы, означивъ бытіе свое на землѣ однимъ страданіемъ, я потомъ исчезъ навсегда?..." Сильное волненіе души изобразилось на лицѣ страдальца. Проведя жизнь въ тщетныхъ взысканіяхъ разума, онъ напрасно искалъ въ немъ утѣшенія при дверяхъ гроба: ибо тутъ нѣмѣетъ всякая человѣческая мудрость, и вѣщаетъ одна Вѣра. Примѣтво утомленный мучительными сомнѣніями, несчастный опять склонилъ голову на постель и закрылъ глаза.

-- Тише, тише! -- говорили тихомолкомъ казаки другъ другу, снявъ шапки и набожно крестясь. -- Не помѣшайте: онъ отходить!

Но умирающій еще взглянулъ, и сдѣлавъ едва примѣтный жестъ рукою, сказалъ каза-

камъ, чуть-чуть слышнымъ голосомъ: "Друзья мои!... если будете въ Петропавловскѣ... скажите Ивашкину, что объ немъ одномъ я пожалѣлъ при концѣ моей жизни... ибо свѣтъ сей для меня давно былъ чуждъ!... Прощайте!"

Онъ опять закрылъ глаза, и уже не открывалъ болѣе.

— Ну, слава Богу, кажется, комедія кончилась! — сказалъ глупый и безчувственный Сумкинъ, обращаясь съ подлою улыбкою къ Погремушкяпу.

"Да, кончилась! — отвѣчалъ холодно сей послѣдній, мрачно нахмуривъ брови. — Но какъ то приведется намъ самимъ ее разыгрывать!" Между тѣмъ казаки начали уже рыть могилу. Опустивъ въ нее умершаго, они прочитали надъ нимъ короткую молитву, и общая всѣмъ мать тихо приняла странника на свое лоно. Скудный деревянный крестикъ, наскоро связанный ремнемъ, нѣсколько времени стоялъ надъ сею уединенною могилою, а потомъ вѣтеръ уронилъ его, холмикъ могильный изгладился, и не осталось мы малѣйшаго слѣда, что былъ чловѣкъ, кромѣ однихъ пу-

СТЫХЪ ЗВУКОВЪ ПРЕДАНІЯ.

XVIII

ПРЕСЛѢДОВАНИЕ.

Камчадалы, испуганные прибытіемъ казацкой команды, забравъ женъ и дѣтей своихъ, убѣжала въ горы.

Сотникъ Паршинъ, получивъ отъ Погребушкина приказаніе идти за ними въ поселокъ, произвелъ прежде самый тщательный обыскъ во всѣхъ юртахъ, въ надеждѣ: не отыщеть ли кого, кто могъ бы дать ему свѣдѣній, въ какихъ мѣстахъ надлежало искать бѣглецовъ. Обыскъ былъ удаченъ: найдена въ одной юртѣ, спрятавшаяся за чирелы больная и дряхлая старуха. Вытащивъ ее оттуда, казаки, не столько съ дѣйствительными, сколько съ притворными угрозами, начали ее спрашивать; но Камчадалка, прикинувшись нѣмою, не говорила мы слова.

"Ну, видно, ничего дѣлать съ тобою, старая корга! -- сказалъ притворно разсердившійся Паршинъ -- какъ раскласть побольше огня, да... Говори же! Что въ самомъ дѣлѣ? Долго ли будемъ съ тобою биться? Ну-ка, ребята, принимайтесь: взвалите ее на

очагъ! Видно, у ней языкъ-то примерзъ, такъ отогрѣть надобно!"

-- Скажу, скажу бачка! -- завопила старуха, повидимому струсившая, когда казаки схватили ее, дѣлая видъ, что хотятъ тащить на огонь.

"Давно бы такъ! Ну, сказывай же проворнѣе! Не говорили-ли иногда ваши старики, что грезятся имъ во снѣ мертвые, и не ѣздили ли въ гости въ дальніе острожки {Въ старину оба сіи случая были вѣрными предвѣстьями бунта.}?"

-- Нѣтъ, бачка, этого не слыхала, хоть сейчасъ издохнуть?

"А вѣрно, знаешь, въ которую сторону сговорились бѣжать бунтовщики?"

-- Про это мелькомъ слыхала.

"Куда же они побѣжали?"

-- А вотъ, бачка: подите вы все вверхъ по Нынгучу, и дойдете вы до двухъ горъ, одна изъ нихъ называется Омгазинъ, по вашему, бачка, это значитъ: лѣсъ валить, потому что, какъ говорятъ старики, на этомъ-де мѣстѣ....

"Ну, да полно околесицу-то молоть: что намъ за нужда до вашихъ побасенокъ? Сказы-

вай дѣло!"

-- Хорошо, бачка, хорошо!-- отвѣчала Камчадалка, вытаскивая непримѣтнымъ образомъ съ пояса у себя ножъ. -- Такъ вотъ и подите вы къ этимъ горамъ. Одна изъ нихъ, я сказывала ужъ вамъ, Омгазинъ, а другая Саану, по вашему: кормовая, потому-что-де говорятъ старики, на этой горѣ....

"Опять за то же! -- вскричалъ Паршинъ.-- Да что, въ самомъ дѣлѣ? Знать, ты морочить насъ хочешь? Ребята! тащите ее на огонь?"

-- Врете! Камчадалка умѣетъ умереть отъ своей руки! -- вскричала старуха, и въ то же мгновеніе черкнула себя ножемъ по горлу, и упала безъ дыханія.

-- Экое чортово племя! -- сказалъ Паршинъ, качая головою. -- Имъ зарѣзать себя, словно выпить рюмку вина. Нечего дѣлать, ребята: пойдете на авось. Можетъ быть, и сами отыщемъ слѣдъ! Да гдѣ у насъ Пронька Труниловъ, безшабашная голова?"

-- И то, гдѣ-то не видно его! -- говорили казаки. -- Смотри, что, ребята, онъ пошелъ слѣдить за Камчадалами!

"Да и вѣдомо, что такъ!" -- подхватилъ

спустившійся въ юрту молодой и бравый казакъ.

-- Гдѣ ты это слонялся? -- спросилъ его Паршивъ.

"Да гдѣ слоняться-то? Слѣдилъ за этими чертами..."

-- Ну такъ и есть! -- перебили казаки. -- Мы угадали... Айда, безшабашная голова! Одинъ за сотнею погнался!

"Такъ мнѣ какая надобность, что ихъ сотня! хоть бы ихъ двѣ было: смѣлымъ Богъ владѣть! Я то думалъ, что-де неравно вздумаетъ начальникъ посылать за ними погоню, такъ было бы вѣдомо куда идти..."

-- Да, спасибо, братъ Пронча -- говорилъ Паршинъ.-- Ты это хорошо вздумалъ... А что, они не примѣтили тебя?

"Нѣтъ; не могъ скрыться; увидѣли, каторжные, да и погнались было; однако я несробѣлъ: одного изъ нихъ срѣзалъ изъ винтовки, а прочіе спрятались."

-- Жаль, что они увидѣли тебя: теперь они скроются въ такія трупщобы, что ихъ и самъ чортъ не найдетъ!... А въ которую же сторону они пошли?

"Да сперва они шли вверхъ по Нынгучу, а потомъ, не доходя до перваго поворота, свернули налево въ гору, а тутъ ужъ я и бросилъ ихъ.

-- Такъ, видно старуха -- сказала Паршинъ -- говорила правду. Ну съ Богомъ! -- Терять время нечего: пойдете къ Омгазину. Я догадываюсь, гдѣ теперь должны быть бунтовщики.

Казачи отправились въ погоню въ числѣ пятнадцати человекъ, между тѣмъ, какъ бѣглыхъ, однихъ мужчинъ, было около пятидесяти; но такъ завоевана вся Сибирь: вездѣ горсть Русскихъ сражалась съ тысячами, и побѣждала. Сверхъ сего а самый путь, по которому надлежало проходить нашимъ храбрецамъ, былъ чрезвычайно трудный и опасный. Быстрая рѣчка, во многихъ мѣстахъ, отъ пробивавшихся по берегамъ ея ключей, не была покрыта льдомъ, и потому, проходя между утесами, должно было кое-какъ лѣпиться съ величайшею опасностію, на скользкихъ и узкихъ закраинахъ.

"Ну, чортово же только это мѣстечко! -- сказалъ Парищнъ. -- Смотри Ванюха, не оборвись: что ротъ-то разинулъ на утесы? Обру-

пишься, такъ утащитъ какъ разъ подъ ледъ, и молитвы сотворить не успѣешь! Вишь, рѣчка, словно котель кипить."

-- Небось, Лука Ѡаддеичъ, не обрушусь! -- отвѣчалъ казакъ.

"Только скользко-же, парень, пробираться!-- замѣтилъ другой. -- Того и смотри, что сотворишь кувыръ-коллегію."

-- Да! -- говорилъ третій -- за утесъ зубами не ухватишься: не рѣпа!

"Экая, Господи, махина выросла! -- продолжалъ третій.-- Такъ въ небо и упирается!"

-- Да и на той-то вонъ сторонѣ, братъ, не поддается этому! -- замѣтилъ четвертый.

"Словно въ какой въ трубѣ идемъ! -- присовокупилъ пятый. -- Ужъ подлинно небо съ овчинку кажется! И звѣздъ-то почти не видать: первой, другой обчелся!"

-- Да нечего сказать, братъ! -- говорилъ шестой.-- Не для людей эта дорога построена; только чертямъ по ней и ходить!

"Ну, теперь недалеко, ребята! -- сказалъ Паршинъ. -- Вонъ ужъ и конецъ, а тамъ и поворотъ налѣво."

-- Слава-те, Христе! выбрались! -- провоз-

гласили всѣ казаками въ одинъ голосъ.

Въ семь мѣстѣ утесы разошлись въ розныя стороны, превратившись въ обыкновенныя горы, и соединившись съ другими хребтами. Казаки, пройдя около двухъ верстѣ равниною, поросшею кустарникомъ, едва, впрочемъ, выставлявшимся изъ-подъ снѣга, наконецъ достигли до хребта, черезъ который надлежало имъ перебираться. Предъ ними лежала высокая и крутая гора, обнаженная отъ лѣса и покрытая скользкимъ настомъ, блиставшимъ, какъ хрусталь, при лучахъ мѣсяца.

-- Ну, ребята, какъ-то мы взмодемся на эту лежанку! -- сказалъ Паршинъ, по обычаю Русскихъ, сохраняя веселость духа и шутливость въ величайшихъ трудностяхъ и опасностяхъ. -- И не топлена, да жжется!

"А вотъ какъ, Лука Ѳаддеичъ!" -- подхватила безшабашная голова, проворно бросившись въ горѣ, и начавъ подниматься на нее.

-- Проворенъ больно! -- говорили старослуживые. -- Не взойди внизъ головой!

Въ самомъ дѣлѣ, удалый казакъ сколько ни употреблялъ усилій, со взойдя не болѣе трехъ сажень, оборвался и скатился съ горы.

Общій смѣхъ казаковъ раздался съ его паденіемъ.

-- Что, братъ -- говорили казаки -- звать, удалъ да безталаненъ?

"Погодите еще, не смѣйтесь! Дайте только подвязать щипы подъ лапки {Лапки -- родъ лыжъ.}, такъ взойду и не на такую гору."

-- Молоденекъ, братъ ты, Пронча! -- сказалъ одинъ изъ опытныхъ казаковъ. -- Если бы слушалъ, кто тебя побольше служивалъ и бывалъ, какъ говорится, и подъ конемъ и на конѣ: такъ не леталъ бы, братъ, по тюленьи, внизъ головой!

"Вотъ еще! учить вздумалъ!"

-- Учить не учу, а дѣло всегда скажу. Видишь ли, вонъ на горѣ: какъ будто поднимается вихорь и заметаеть снѣгъ?

"Вижу. Такъ что за бѣда?"

-- Вотъ вишь, ты еще и не знаешь этого. Попробуй-ка взойти теперь на гору: такъ тебя и унесетъ съ нее въ таръ-тарары, такъ что и костей не соберешь!

"Отъ чего такъ?"

-- Да отъ того, что хоть теперь здѣсь и тихо, а тамъ, поди-ка, такой хіусь, что и на ногахъ

не устоишь.

"Э, чѣмъ пугать вздумалъ! Снесетъ, такъ туда и дорога: была не была! Два вѣка не проживешь! А коли далъ Царю присягу служить вѣрой и правдой, не жалѣя крови, такъ ужъ тутъ думать нечего! Благослови-ка, Лука Ѳаддеичъ!"

-- Съ Богомъ, съ Богомъ, братъ Прокопій!-- провозгласилъ Паршинъ, смотрѣвшій съ восторгомъ на удалъство Трунилова, и выжидавшій только времени, чтобы поджечь соревнованіе и въ прочихъ своихъ подчиненныхъ.

"Экая озорь! -- говорили казаки, смотря съ удивленіемъ на поднимавшагося быстро Безшабашнаго. -- Смотри, какъ чешетъ!"

-- Да, чешетъ! -- подхватилъ одинъ изъ нихъ, -- вонъ поѣхалъ назадъ.... ну, не бываетъ живому!

"Ну, совсѣмъ обрушился! -- вскрикнули казаки съ чувствомъ жалости. -- За камень-то ухватись!... Ахъ ты, Господи!... За кустарникъ-то, за кустарникъ-то!... Лови! Вотъ такъ! Айда, молодецъ!"

-- Смотри-ка, какъ пошелъ опять отвали-

вать! -- сказалъ Паршинъ.

"Вотъ ужъ не далеко и до вершины!" -- подхватилъ одинъ изъ казаковъ, по нѣкоторомъ молчаніи.

-- Смотри, что доберется! -- прибавилъ другой. -- Теперь ужъ много, что сажень съ десятокъ осталось.

"Ну, взошелъ! -- провозгласили казаки въ одинъ голосъ. -- Айда, отчаянный!"

-- Ребята! воскликнулъ Паршинъ -- стыдно же намъ, старымъ служивымъ, оставаться здѣсь, чтобъ этотъ молокососъ послѣ надъ нами смѣялся. Ну, ребята, подвязывай щипы, да всѣ за мной!

Казаки начали подниматься на гору, и по мѣрѣ того, какъ они всходили выше и выше, вѣтръ, почти нечувствительный въ долину, становился постепенно сильнѣе, и на вершинѣ горы превратился почти въ бурю, которой стремительные порывы могли сбить съ ногъ и утащить оплошнаго въ страшную падь, отдѣлявшую сію гору отъ противоположнаго утеса, еще и надъ нею возвышавшагося.

-- Я сказалъ -- говорилъ казакъ, дававшій

совѣтъ Трунилову -- что на вершинѣ буря: теперь видите, что моя правда!

"Ребята! -- возгласилъ Паршинъ -- ползкомъ, если нехотите прогуляться въ падъ: вѣтеръ какъ разъ съ ногъ срѣжетъ, а гора, смотрите, словно коча {Коча -- судно.}, опрокинутая вверхъ дномъ: притулиться не куда!"

-- Тише! -- прошепталъ лежавшій на горѣ Труниловъ.

"Что такое?" -- спросилъ поднявшійся на гору Паршинъ.

-- А вонъ смотри-ка, на утесъ... Видишь вонъ въ этомъ уступѣ, какъ-будто огонекъ просвѣчиваетъ между камней?... Вѣдь, знать, тутъ кто-нибудь есть?

"Да кому быть, кромѣ этихъ чертей Камчадаловъ? Слышишь: собаки завыли?"

-- Да, это точно вой не вѣтра! А смотри-те-ка, кажись человѣкъ показался на уступѣ?

"Человѣкъ, точно человѣкъ! -- сказали въ одинъ голосъ нѣсколько казаковъ. -- Ахъ, онъ дьяволъ! Смотри, что онъ васъ увидѣлъ: вѣдь у нихъ глаза-то нечеловѣчьи; къ тому же солнышко-то наше не въ добрый часъ вздумало

на насъ свѣтитъ: такъ насъ имъ, какъ на зеркаль видно!"

-- Увидѣль и ести! -- подхватили другіе.-- Кажись, машеть рукой?... Экъ ихъ высыпало изъ норы!.... Что это? Смотри: что принимаются за стрѣлы!

"Пусть ихъ потѣшатся! -- сказалъ хладнокровно Паршинъ. Я увѣренъ, что ни одна стрѣла не попадетъ въ насъ."

Множество стрѣль взвилось въ воздухъ, но всѣ онѣ, отнесенныя вѣтромъ, дѣйствительно упали далеко въ сторону отъ своей цѣли, а многія и вовсе не долетѣли до горы.

-- Теперь, ребята!-- провозгласилъ Паршинъ -- наша очередь! Ну-ка посмотримъ, что вѣрнѣе: пуля или стрѣла?

Грохотъ ружей раздался по горамъ. По смятенію, оказавшемуся въ толпѣ Камчадаловъ, можно было примѣтить, что выстрѣлы не были совершенно потеряны. Казалось, они что-то схватили и скрылись, иные въ пещеру, иные за огромные кекуры {Кекуръ -- каменный столбъ.}, чернѣвшіеся на утесѣ.

-- Теперь ихъ оттуда не выживешь! -- сказа-

ль Паршинъ. -- Дѣлать другаго нечего, какъ вотъ что: я возьму съ собой тебя, Пронча, да еще васъ, ребята! (онъ указаль на самыхъ удалыхъ осьмерыхъ казаковъ.) Спустимся въ падь, обойдемъ по ней утесъ и поднимемся на него съ другой стороны. Тамъ, знать, отложистѣе, что Камчадалы могли взобраться. Поднявшись же на вершину, намъ ужъ не трудно будетъ спуститься къ нимъ на уступъ. Спадемъ на нихъ, какъ снѣгъ на голову! Поняли вы меня, ребята?

-- Какъ не понять? Ты, Лука Ѳаддеичъ, худо не выдумаешь! говорили казаки въ одинъ голосъ съ примѣтнымъ удовольствіемъ, особенно Безшабашный.

"А вы -- продолжалъ Паршинъ, обращаясь къ остальнымъ казакамъ -- оставайтесь здѣсь, я если кто выглянетъ изъ нихъ, такъ того и бацъ изъ ружья.

Сдѣлавъ сіе распоряженіе, Паршинъ, съ отобранными удальцами, началъ спускаться ползкомъ на другую сторону горы, по которое, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ вершины показывался мелкой топольникъ, мало по малу увеличивавшійся и превратившійся, во

глубину пади, въ густой лѣсъ {Топольникъ и листвякъ есть единственный лѣсъ, изъ котораго строятъ въ Камчаткѣ дома и суда, но послѣдній растетъ только во внутренности сей земли, по рѣкѣ Камчаткѣ. Сосны, которыми прочая часть Сибири такъ изобилуетъ, здѣсь нѣтъ совсѣмъ.}. Но добратъся до спуска, покрытаго лѣсомъ, по скользкому и крутому скату, нельзя было иначе, особенно по причинѣ бури, какъ ползкомъ, почти внизъ головой. Само собою разумѣется, что такое путешествіе требовало величайшихъ усилій и чрезвычайной осторожности. Нѣкоторые изъ казаковъ совсѣмъ выбились изъ силъ, и одинъ изъ нихъ, не смотря на явную опасность, рѣшился встать на ноги.

-- Нѣтъ, не могу! -- вскричалъ онъ. -- Усталъ хуже собаки!

"Что ты это дѣлаешь, сумасшедшій?" -- сказалъ Паршинъ съ чувствомъ страха и негодованія.

-- Не могу, Лука Ѡаддеичъ, какъ хочешь: изъ мочи выбился!

Но едва казакъ успѣлъ сіе выговорить, какъ сильный порывъ вѣтра потащилъ его по

скату, потомъ сбиль съ ногъ, и бѣднякъ, разбитый и окровавленный, стремительно покатившись внизъ, напрасно старался схватиться руками за гладкой и скользкой настъ, и вскорѣ исчезъ изъ глазъ изумленныхъ и уstraшенныхъ товарищей.

-- Ну, бѣдняга! -- сказали съ сожалѣніемъ казаки -- вѣрно, ужъ живъ не будетъ!

"Самъ виноватъ!-- подхватилъ Паршинъ.-- Я говорилъ, что нельзя вставать... Чу! Выстрѣлъ!"

-- Это, знать, ружье само выпалило! -- замѣтили казаки.

"А слышите ли-- сказалъ Паршинъ -- какъ опять завыли собаки? Смотри, что Камчадалы опять высыплютъ!"

Въ самомъ дѣлѣ Камчадалы опять вышли изъ пещеры, и увидѣвъ спускавшихся въ падь своихъ непріятелей, проворно прикатили общими силами къ краю утеса на преогромный камень, и дождавшись ихъ спуска, съ величайшимъ крикомъ свалили его внизъ. Ужасный громъ и трескъ деревъ, сокрушенныхъ сброшенною массою, раздался въ пади; за нимъ слѣдовали ударъ, другой,

третій, четвертый между которыми разсыпались выстрѣлы изъ ружей -- и пустыня, можетъ быть, отъ созданія міра стоявшая въ невозмущаемомъ безмолвіи и оглашенная сими мятельными звуками, казалось, изъявляла свою скорбь въ дикихъ о протяжныхъ вопляхъ свирѣпствовавшей бури.

Не смотря на безпрерывное паденіе камней, казаки шли бодро и смѣло, и при паденіи каждаго камня, еще острились на счетъ своихъ непріятелей. Но чтобы совершать обходъ, имъ надлежало употребить не мало времени, въ продолженіе котораго Камчадалы, не сомнѣваясь въ намѣреніи казаковъ, положили, по общему совѣту: Гатальчѣ, какъ смѣлому и удалому воину, съ отборными товарищами, идти на отбой приступа, а менѣ отважнымъ оставаться въ становщиѣ и въ случаѣ разбитія Гатальчи, рѣшиться на послѣднюю мѣру: достать подъ себя постелю, лишь бы только не достаться живыми въ руки супостатовъ. Гатальча и товарищи его, отправляясь на смертную битву, весело простились съ своими женами и дѣтьми, а закинувъ за плеча сайдаки {Луке.}, пошли бодро съ

пѣсною безнадежной отваги:

Не ползи змѣей изъ темныя дубравы:

Не застанешь насъ въ распахъ,, казакъ
лукавый!

Мы съ тобой теперь впослѣднѣ сразимся.

Лучше сгибнемъ, а живые не дадимся!

* * *

Нужды нѣтъ, что злобный Канна тебѣ слу-
жить:

Камчадалъ въ бѣдѣ не плачетъ и не ту-
жить!

Онъ умѣетъ, презирая участь злую,

Подостлатъ себѣ постелю кровяную!

Внимая сему отчаянному пѣнію,
оставшіеся въ становищѣ Камчадалы
смотрѣли на удаляющихся съ какимъ-то ди-
кимъ безмолвіемъ: ни у кого ни слеза невы-
ступила изъ глазъ, ни вопль, ни вздохъ не
вылеталъ изъ груди. Таково чудное
человѣколюбіе природы. Она положила
извѣстный предѣлъ, до котораго бѣдствія еще
чувствительны человѣку, подалѣе онаго ни
умъ не въ состояніи живо представить себѣ
огромность бѣды, ни сердце чувствовать ея
приближеніе: тогда несчастіе, превысившее

положенную мѣру, измѣняетъ свое свойство и принимаетъ характеръ спокойствія. Здѣсь-то начинается отчаянная радость, верхъ человѣческаго злополучія!

Впрочемъ, Камчадаламъ не трудно было защититься отъ нападенія казаковъ; ибо подъемъ, предлежавшій симъ послѣднимъ, хотя и былъ возможенъ, но сопряженъ съ величайшими затрудненіями: имъ надлежало кой-какъ пробираться по скользкому насту между выставлявшихся изъ крутаго и безлѣснаго ската огромныхъ камней, уподоблявшихся, по чрезвычайной высотѣ своей, почти скаламъ.

Камчадалы, спустившись съ вершины горы до половины ея и остановившись на одной изъ таковыхъ скалъ, ожидали казаковъ, готовые къ сопротивленію.

Первый шелъ Паршинъ. Едва онъ, сопровождаемый своею командою, поднялся на нѣсколько сажень, какъ страшной величины камень полетѣлъ съ горы и непременно бы раздробилъ и Паршина и шедшаго по слѣдамъ его Безшабашнаго, если бъ по счастію ихъ, ударившись о край скалы, надъ

ними висѣвшей, не перелетѣлъ чрезъ ихъ голову.

"Ребята! -- вскричалъ Паршинъ -- проворнѣе на скалу, да хватимъ оттуда изъ винтовокъ: вѣрно, черти разбѣгутся при первомъ выстрѣлѣ."

Проворно взобравшись на скалу, казаки увидѣли надъ собою Камчадаловъ, опять готовящихся свалить также огромный камень. "Стрѣляй!" -- вскричалъ Паршинъ. Пули со свистомъ понеслись съ камня на камень, и сшибли сверху двухъ Камчадаловъ, стрѣмглавъ полетѣвшихъ внизъ. Товарищи ихъ сробѣли и бросились на гору, одинъ Гатальча, удалый и отчаянный, остался на мѣстѣ, и употребивъ гигантскія усилія, сбросилъ до половины нависнувшій внизъ осколокъ утеса. Низвергнутая громада, запрыгавъ съ камня на камень, наконецъ грянулась на вершину скалы, на которой стояли Паршинъ и Безшабашный, едва успѣвшіе отскочить при семъ паденіи, и потомъ пронеслась въ трущобу, наполняя пустыню трескомъ деревъ и грохотомъ паденія. Послѣ сего, неумолимый и разъяренный Гатальча еще хотѣлъ въ третій разъ

употребить тоже губительное средство, но казаки, быстро поднявшись къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ онъ, на небольшой каменной площадкѣ, не дали ему исполнить сего намѣренія. Начался смертный бой. Гатальча, схвативъ копье, направилъ его противъ Паршина, занесшаго руку на площадку, дабы на все взобратся; но неустрашимый и проворный потомокъ желѣзнаго племени, схвативъ копье и крѣпко держась за него, вскочилъ такимъ образомъ, съ невольною помощію самаго непріятели, на площадку, и нанесъ ему ужасный ударъ саблею. Гатальча успѣлъ однакожь отъ него нѣсколько уклониться, и получивъ рану только вскользь по рукѣ, схватилъ казака за грудь, и вонзилъ ему въ бокъ смертоносную чекушу, съ ужаснымъ крикомъ: "Пропадай врагъ!" Но въ то же мгновеніе и самъ вкусилъ смерть: Безшабашный, съ быстротою сокола, вскочивъ за Паршинымъ, ударилъ Камчадала прикладомъ по головѣ, и отважный дикарь, послѣдняя отрасль славнаго Шантала, превозносимаго въ Камчадалскихъ сагахъ, кончилъ свои отчаянные подвиги. Отуманенный ударомъ, онъ качнулся

въ сторону, не выпустивъ, однакожь, изъ рукъ своей жертвы, какъ бы по невольному, судорожному движенію, и съ повтореннымъ ударомъ, покатился вмѣстѣ съ нею въ пропасть, означая свой путь кровавою полосою. Смерть сихъ воиновъ произвела совершенно различныя чувствованія въ сражающихся: Камчадалы вовсе потеряли духъ, а Русскіе, по чудной доблести нашего народа, съ увеличившеюся опасностію при потерѣ начальника, еще болѣе ободрились, совершенно позабыли сами себя и дружно кинулись на гору, презирая летящіе на нихъ сверху камни и стрѣлы, и не сдѣлавъ ни одного выстрѣла. Это твердое, безмолвное презрѣніе смерти, эта стихійная, нечеловѣческая храбрость, совершенно обезумили. Камчадаловъ: пораженные болѣе нравственно, нежели физически, они не были въ состояніи долѣе сопротивляться, не смотря на превосходство своего числа, ни положенія, и съ отчаяннымъ воплемъ бросились на вершину горы, дабы потомъ сбѣжать на уступъ, въ свое становище. Казаки также вбѣжало на гору вслѣдъ за ними, и схватили съ плечъ ружья; тоже самое

сдѣлали и товарищи ихъ, оставшіеся на противоположной горѣ, и увидѣвши ихъ появленіе; но тѣ и другіе, приложившись къ ружьямъ, внезапно остановились въ семъ положеніи, пораженные ужасомъ и изумленіемъ. Предъ ними открылась страшная, раздирающая сердце картина. Каждый изъ Камчадаловъ, схвативъ свою жену, или сына, или дочь, и занеся надъ ними ножъ, ожидалъ только перваго знака отъ стоявшаго между ними съ бубномъ шамана, чтобы поразить ихъ прямо въ сердце. Шаманъ, находившійся въ какомъ-то безумномъ, дикомъ изступленіи, наконецъ, сверкнулъ кровавыми глазами, ударилъ въ бубень -- и ножи разомъ мелькнули, озаренные краснымъ пламенемъ зари: ужасный, удушающій, но мгновенный вопль раздался въ воздухъ; кровь хлынула ручьями съ утеса!

Казакъ, сколько ни были неустрашимы въ битвахъ, но при семъ ужасномъ зрѣлищѣ невольно затрепетали. Безшабашный, первый, выйдя изъ состоянія изумленія, бросился было, чтобы остановить сіе варварское торжество, но не успѣлъ: жертвы покатились по

утесу, а потомъ и сами убійцы съ криковъ неизъяснимаго, дикаго, но отчаянно-радостнаго изступленія, взмахнувъ кверху руками, какъ-бы въ знакъ преданія себя волѣ Высшаго Духа, бросились всѣ разомъ съ утеса, и только одинъ шаманъ полу больной и полу-безумный, не боясь и не понимая человѣческаго мщенія, остался отъ всего племени, какъ обломокъ отъ разбитаго бурей корабля, и какъ привидѣніе чернѣль на утесѣ при первыхъ лучахъ восходившаго солнца. Казаки не сочли нужнымъ вести его съ собою, и удалясь съ мѣста побоища, долго слышали его бубень и безумные крики, коими онъ провожалъ, казалось, души своихъ родовичей въ безвѣстное владычество Гаеча. Наконецъ бубень умолкъ, и въ пустынь, на минуту возмущенной буйными существами, злостно и безумно отнимающими другъ у друга и безъ того кратковременное бытіе, опять воцарилось вѣчное и невозмущаемое безмолвіе!

По возвращеніи казаковъ въ опустѣвшій Кууюхченъ, Погремушкинъ пришелъ въ большое затрудненіе, не зная, какъ и что написать о слѣдствіи; но смѣтливый товарищъ

его, неподобный Сумкинъ, тотчасъ вывелъ его изъ затрудненія.

"Помилуйте, Петръ Ѳедоровичъ! Да чѣмъ тутъ затрудняться? Господи твоя вода! Да развѣ перо-то не въ нашихъ рукахъ? Развѣ нельзя заставитьъ его, чтобы оно заговорило за всѣхъ Камчадаловъ, какъ намъ надобно, да потомъ заставило у каждаго допроса сайдаки со стрѣлами {Иновѣрцы вмѣсто своей подписи ставятъ знакъ: лукъ со стрѣлою, положенною на тетиву.}? Вотъ вамъ и слѣдствіе!"

Погремушкинъ мрачно посмотрѣлъ на Сумкина, и махнувъ рукой, сказалъ холодно: "Ну дѣлай, какъ хочешь!"

Такимъ образомъ, по слѣдствію, протопопъ и мичманъ оказались совершенно виновными въ смерти Тенявы и въ подученіи Камчадаловъ, а Зуда и въ дѣятельномъ участіи въ бунтѣ, остановленномъ при самомъ началѣ, безъ особенныхъ послѣдствій, благоразумными и кроткими мѣрами гг. слѣдователей. Антонъ Григорьевичъ, донося о семъ губернатору, испрашивалъ имъ, въ поощреніе къ дальнѣйшему усердію по службѣ и въ примѣръ другимъ, за дѣятельность, неутоми-

мость и безкорыстіе, приличное награжденіе, особенно настояль о выдачѣ имъ годоваго оклада, въ уваженіе ихъ бѣднаго состоянія и малаго жалованья, коимъ-де они не съ состояніи пропитываются, имѣя на своемъ попеченіи большія семейства. Къ несчастію его, подобныя казенныя фразы, коими такъ много злоупотребляютъ слабые и безчестные люди, не могли обмануть тогдашняго иркутскаго губернатора, о которомъ мы уже упоминали выше. Прочитавъ означенное донесеніе, Кличка, отмѣтилъ на немъ: оставить до окончанія ревизіи въ Камчаткѣ.

Но не столько сія ревизія, стѣсненная болѣе или менѣе формами, какъ безпристрастный судъ преданія раскрылъ страшныя дѣянія, нами описанныя. Давно сказано, что гласъ народа есть гласъ Божіи. Сколько бы осторожное лицемѣріе ни укрывалось, отъ преслѣдованія закона, но оно не въ силахъ утаиться отъ преслѣдованій общаго толка. Сей всезрящій и всевѣдущій судія проникаетъ въ глубочайшіе изгибы сердца, обнаруживаетъ сокровеннѣйшія пружины дѣяній, и выясняетъ темнѣйшія типы. На грозномъ судѣ его

нѣтъ ни лицепріятія, ни пощады -- и вы, надѣющіеся избѣгнуть наказанія, установленнаго закономъ, трепещите: есть общее мнѣніе, есть презрѣніе и проклятiе народа!

ХІХ.

ОБЪЯСНЕНІЕ ЗЛОДѢЕВЪ.

Начальникъ, подучивъ письмо отъ фельдшера о смерти своей жены, въ первый день Пасхи поутру, во время собранія у него поклонниковъ, вышелъ къ нимъ изъ кабинета съ самымъ ужаснымъ лицомъ. Оно было подернуто какою-то синею тѣнью, изображавшею болѣе раскаяніе убійцы, нежели притворную скорбь, какую лицемѣръ, старался показать. Во всякомъ другомъ случаѣ, онъ не поскупился бы на обильныя слезы, дабы лучше представить видъ печалющагося, но тутъ не могъ сего сдѣлать: адское мученіе совѣсти и невольное опасенія преступника, терзавшее его душу, были слишкомъ сильны для того, чтобы вполне выдержать принятую онъ роль. Но между тѣмъ сіе страшное состояніе души грѣшника также привело присутствовавшихъ къ выгодному для него заключенію: оно было принято за дѣйствіе величавшей,

безслезной горести. Обозрѣвъ безсмысленное и покорное стадо, и не встрѣтивъ ни одного смѣлаго и проницательнаго взора, начальникъ ободрился, и какъ бы задыхаясь отъ скорби, сказалъ предстоявшимъ: "Да! тяжело потерять жену во всякомъ случаѣ, а особенно теперь мнѣ, въ такой отдаленности, гдѣ она замѣняла мнѣ все!" Слышавшіе сіи трогательныя слова, желая показать, что они сердечно раздѣляютъ съ нимъ его печаль, сдѣлали каждый по самой плаксивой гримасѣ и тяжело вздохнули.

Съ недѣлю послѣ сего Антонъ Григорьевичъ не выходилъ никуда изъ дому, и большую часть сутокъ просиживалъ за Библіей. Никто не сомнѣвался въ его благочестивыхъ чувствованіяхъ и размышленіяхъ, кромѣ одного Всевѣдающаго.

Между тѣмъ пріѣхалъ съ горячихъ водъ вѣрный агентъ его, фельдшеръ и благочестивый отшельникъ имѣлъ слѣдующій разговоръ съ симъ мошенникомъ, который, гордясь оказанною имъ своему повелителю кровавою услугою, и считая его уже не столько начальникомъ, какъ товарищемъ въ

злодѣйствѣ, сдѣлался гораздо смѣлѣе прежняго въ обращеніи съ нимъ.

-- Вотъ видите, ваше высокоблагородіе -- говорилъ онъ, смотря на подписываемое Антономъ Григорьевичемъ извѣстное представленіе о наградѣ слѣдователей -- другихъ вы представляете къ наградамъ, а, кажется, а меня пора бы....

"И тебя?" -- перебилъ начальникъ, взглянувъ на него съ насмѣшливою улыбкою.

-- Да что же вы изволите смѣяться? Конечно; чѣмъ же я хуже другихъ?

"А къ чему прикажешь тебя представить?"

-- Какъ, къ чему? Вѣдь, кажется, давно уже я стою на офицерской линіи...

"Вотъ чего тебѣ захотѣлось! Стало-быть, ты позабылъ, что во время оно..."

-- Да помилуйте! Кто Богу не грѣшенъ, царю не виновать! Вѣдь, если сказать правду, такъ вашъ честнѣйшій секретарь и господинъ засѣдатель давнымъ-давно то же бы вытерпѣли, кабы не имѣло офицерскихъ чиновъ, да открылись бы всѣ ихъ плутни...

"Послушай, Алексѣй: ты, во-первыхъ, говоришь слишкомъ дерзко для начальника, а во-

вторыхъ, и не по-христіански: знаешь, вельно не только близкихъ, но и..."

-- Знаю, знаю, ваше высокоблагородіе! Я люблю ихъ обоихъ; да развѣ бы имъ вредъ бы какой причинился, если бы вы изволили и меня тутъ же приписать: вѣдь, дѣло-то я сдѣлалъ, а барыша-то не много!

"Не много, а билеты?"

"Да, сударь, билеты! Не тутъ-то было!

"Что же это значитъ?"

-- Да то, ваше высокоблагородіе, что мнѣ ихъ и во снѣ не видать. Признайтесь, ваше высокоблагородіе: ужъ, вѣрно, вы изволили пошутить надо мною?

"Я вижу, Алексѣй -- отвѣчалъ начальникъ, вспыхнувшій отъ злобы, но стараясь сохранить видъ спокойствія -- ты, кажется, сегодня въ хорошемъ расположеніи духа*!"

-- Напротивъ, въ самомъ худомъ, ваше высокоблагородіе, и былъ и буду, если не изволите удовлетворить моей просьбы.

"То есть, представить тебя въ офицеры?"

-- "Да-съ!"

"Хорошо, ты будешь представленъ; но дозволено объ этомъ. Что твои больше?"

-- Ничего, сударь! Мичманъ лежитъ въ общей арестантской, а внучку протопопа я велѣлъ перенести въ домъ казака Горбунова.

"А хорошо ли караулятъ ихъ? Смотри: пока они больны, такъ на твоёмъ отчетѣ. Ну какъ они теперь?"

-- Оба въ страшной горячкѣ, ваше высокоблагородіе, совсѣмъ безъ памяти.

"А что, протопопъ не приходилъ къ своей внучкѣ?"

-- Приходилъ вчера. Да какими судьбами, ваше высокоблагородіе, онъ разгуливаетъ у васъ на волю, какъ правый?...

"Нельзя, братецъ, особа духовная: тутъ надобно дѣйствовать осторожно. Я ожидаю увѣдомленія изъ Иркутска. Увидимъ, куда вѣтеръ потянетъ. Ну что же этотъ калуерь, когда увидѣлъ внучку?"

-- Смѣхъ и горе, ваше высокоблагородіе! Признаюсь, не хотѣлъ-было пускать его; хотѣлъ-сказать, что нельзя: испугаешь; ну да такъ и быть, думалъ, пусть полюбуется!

"Что жъ онъ, плакалъ что ли?"

-- Нѣтъ! Хотъ бы те слезинку выронилъ! Этакой чугуны! Только положилъ близъ кро-

вати три поклона въ землю, прочиталь надъ больною молитву, и взглянувъ на небо, перекрестилъ ее, и сказалъ: "Богъ да сохранить и защититъ тебя, дитя мое, и да проститъ твоихъ гонителей!"

"Ха, ха, ха! -- засмѣялся неистовымъ смѣхомъ начальникъ. -- Пусть охраняетъ ее кто хочетъ, но она теперь въ моихъ рукахъ!... А что мичманъ?"

-- Этотъ безпрестанно бредитъ: все матушка, да матушка! Знаете ли, что я совѣтываль бы вамъ? Не подать ли ему того же снадобья, которое...

"Ты, Алексѣй -- прерваль начальникъ съ негодоваінемъ -- сегодня слишкомъ смѣль!"

-- Да что церемониться, ваше высокоблагородіе? Вѣдь для васъ же очищаю дорогу...

При семъ словѣ вся тяжесть сообщничества съ подчиненнымъ и неизбѣжно сопряженная съ нею унижительная зависимость отъ него, какъ бы ударили въ сердце злодѣя-начальника. "Бестія! -- думаль онъ, вскочивъ съ мѣста а начавъ быстрыми шагами ходить по комнатѣ -- онъ зазнался, и можетъ быть

мнѣ опасенъ; но я найду еще способъ накинуть на него узду, и заковать его мерзкой языкъ."

-- Ужь не на меня ли изволили прогнѣваться? -- спросилъ нѣсколько струсившій фельдшеръ, по прежней привычкѣ своей бояться Антона Григорьевича, и давно изучившій всѣ пріемы сего послѣдняго.

"На тебя? -- отвѣчалъ Апгонъ Григорьевичъ, силившись принять ласковый видъ. -- Съ какой стати? Нѣтъ, Алексѣй, я столько доволенъ твоимъ усердіемъ, что грѣшно бы было на тебя сердиться. Я надѣюсь, что ты и впредь не откажешься мнѣ послужить столь же ревностно."

-- Будьте увѣрены, ваше высокоблагородіе!

"Я никогда и не сомнѣвался въ этомъ... Но скажи мнѣ, пожалуйста: точно ли Караулиха называла себя матерью мичмана?"

-- Вѣдь я докладывалъ вашему высокоблагородію, что это было при моихъ глазахъ.

"Странное дѣло! Мнѣ хочется хорошенько узнать объ этомъ. Пойдешь отъ меня, такъ скажи ей, чтобы она сегодня же побывала у

меня."

По уходѣ фельдшера, начальникъ, по обыкновенію своему, началъ мѣрными шагами ходить по кабинету, съ поникшею головою и съ руками, заткнутыми за поясъ. Спустя съ полчаса, вошла Цыганка, о принявъ на себя самый смиренный видъ, стала у дверей, такъ что свѣча, тускло горѣвшая на столѣ, весьма слабо освѣщала ея темное лице. Начальникъ, остановившись въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нея, устремилъ на нее самый внимательный взоръ и, казалось, приводилъ что-то на память; наконецъ сказалъ ей значущимъ голосомъ: "Караулиха! ты должна рассказать мнѣ происшествія твоей жизни. Признаюсь: я смотрѣлъ на тебя прежде безъ особеннаго вниманія; но теперь нахожу въ чертахъ твоихъ что-то знакомое."

-- Помилуйте, батюшка ваше высокоблагородіе, гдѣ намъ, людямъ бѣднымъ, быть знакомыми съ вашею милостію!

"Притворство твое не у мѣста -- прервалъ начальникъ строгимъ тономъ. -- Я имѣю тысячу способовъ узнать правду; но прежде хо-

чу спросить у тебя самой: точно ли ты Русская?"

-- Да чѣмъ же мнѣ быть иной?

"Не живала ли ты когда-нибудь въ Бухарестѣ?"

-- Гдѣ живать, батюшка! Я этого и имени-то не слыхивала.

"Я тебѣ еще подтверждаю, старуха: говори правду, чтобы послѣ не каяться."

-- Правду, сущую правду говорю вашей милости.

"Странное дѣло! -- думалъ начальникъ, начавъ опять ходить по комнатѣ. -- Въ чертахъ этой женщины есть весьма много сходнаго съ тою Цыганкою, съ которою я познакомился въ Бухарестѣ, и съ которой я, признаться, поступилъ не совсѣмъ честно... По впрочемъ, кто-жъ не шалилъ въ молодости? И что вспоминать старыя дразги? Довольно и новыхъ! Не даромъ сказано: довлѣетъ дневи злоба его!"

-- Гдѣ же твоя родина, старуха? -- спросилъ начальникъ, вдругъ обратившись къ Цыганкѣ.

"Въ Иркутскѣ, отецъ родной!"

-- Въ Иркутскѣ? -- повторилъ начальникъ съ грознымъ видомъ. -- И ты смѣешь такъ нагло врать?

"Не вру, батюшка! Повѣрь Богу: говорю правду!"

-- Но если ты не лжешь, то какимъ чудомъ мичманъ могъ быть твоимъ сыномъ? Ты сама такъ называла его,

"Отецъ родной! -- вскричала Цыганка, упавъ въ ноги начальнику -- прости меня, многогрѣшную! Я вожу теперъ, что должна тебѣ во всемъ покаяться: я ссыльная."

-- Ты ссыльная! -- повторилъ начальникъ съ нѣкоторымъ ужасомъ -- и, стало быть, догадка моя справедлива?

"Нѣтъ, батюшка, вотъ-те всѣ Святые, нѣтъ! Я родилась въ Петербургѣ. Батюшка и матушка умерли, когда я была еще ребенкомъ. Я осталась на своей волѣ, а своя воля молодому человѣку, батюшка -- кто этого не знаетъ? -- суцая пагуба! Къ тому же попалась на худыя руки, а поучить уму-разуму было некому. Вотъ я о пошла по мытарствамъ. Охъ, тяжело, какъ вспомню, сколько грѣховъ на душу пало!"

-- Ну, хорошо! -- прервалъ начальникъ суровымъ голосомъ -- ты можешь и не вспоминать о старыхъ грѣхахъ и рассказывать проворнѣе.

"Такъ къ слову пришлось, отецъ родной! Ну вотъ видите, на двадцатомъ году у меня родился сынишко. Думала было пехнуть его въ Воспитательный, да жаль стало; нѣтъ ужъ, моль, что ни будь, а не покину свое дѣтище. Вотъ и таскала его съ собой лѣтъ до девяти, батюшка, да называла чужимъ, и самому-то ему не сказывала, что онъ мой сынъ, а все толковала: ты-де покраденъ у другихъ. Напослѣдокъ -- вѣдь горе-то, батюшка, не за горами, а за плечами -- за чѣмъ пойдешь, то и найдешь -- напослѣдокъ, отецъ родной, попала я подъ уголовную, и -- знаешь: материнское сердце! -- задумала: лучше-де вовсе откажусь отъ сынишка, чѣмъ губить его вмѣстѣ съ собою, и показала, что онъ-де не сынъ мой, а кътому же навернулся добрый человекъ, который захотѣлъ призрѣть его. Вотъ, батюшка, всѣ мои похожденія. Я сказала все безъ утайки. Хоть вѣрь, хоть не вѣрь!..."

Начальникъ, обладавшій умомъ хитрымъ

и проницательнымъ, не могъ съ безразсудною довѣрчивостію положиться совершенно на слова расказицы, особенно при извѣстности ея характера и поступковъ; но, по лукавому правилу сердца, одержимаго страстію: вѣрить тому, чего желаешь, онъ старался заглушить голосъ совѣсти и разсудка; ибо зная предсмертный разговоръ своей жены съ мичманомъ, онъ не столько желалъ, сколько страшился найти въ немъ своего сына.

-- Но если я спрошу самого мичмана -- скажь онъ, сохраняя болѣе наружныя видъ недовѣрчивости -- и если откроется что-нибудь тутъ преступное....

"Изволь, батюшка, спрашивать, сколько вамъ угодно; но вы изволили видѣть изъ моихъ словъ, что онъ и самъ хорошенько не знаетъ, что я его мать".

-- Это правда! Но скажи мнѣ: тебѣ не жаль, что онъ попался въ бѣду?

"Какъ не жалѣть, батюшка! -- воскликнула Цыганка съ притворными слезами, упавъ въ ноги начальнику.-- Защити его, родимый! Вѣдь, что еще онъ: молодо, зелено!. Будь его

отецъ родной: сжапись надо мною горемышноу!"

Начальникъ, не смотря на всѣ злоухищренія сердца, не престававшій сомнѣваться въ повѣствованіи Цыганки, съ ужасомъ посмотрѣлъ на ея притворную жалость, но не имѣвъ силы вдругъ отказаться отъ исполненія своихъ преступныхъ замысловъ, и готовый пожертвовать для удовлетворенія страсти всѣмъ священнымъ, онъ сказалъ ей съ неподражаемымъ равнодушіемъ: "Встань, Караулиха! Я постараюсь объ немъ сколько могу."

-- Заставьте за себя вѣчно Бога молить! -- говорила Цыганка, вставая и всхлипывая отъ слезъ.

"Хорошо, что ты принимаешь такое участіе въ сынѣ -- сказалъ начальникъ по нѣкоторомъ молчаніи, съ насмѣшливою улыбкою;-- но, говорятъ, что ты не ко всѣмъ дѣтямъ своимъ-была такъ жалостлива."

-- Кто это смѣетъ говорить? -- спросила Цыганка, вдругъ измѣнивъ свой голосъ.

"Твой пріятель, Фельдшеръ!"

-- Онъ?

"Да, онъ. Но это еще не все. Онъ сказывалъ про тебя вещи самыя ужасныя, и, если бы я довѣрялъ этому мошеннику...."

-- Что же онъ говорилъ тебѣ? -- прервала Цыганка, начиная приходить въ бѣшенство.

"Онъ сказалъ мнѣ, что ты, а не внучка протопопова, отравила мою жену, и что ты только сдѣлала на нее отводъ. Если это правда: то..."

-- Такъ что же ты сдѣлаешь со мною?

"То, что велитъ строгость законовъ съ подобными злодѣями?"

-- А -- ты -- возопила Цыганка, давъ наконецъ полную волю потоку яростной злобы, таившейся въ ея груди -- а ты, развѣ не такой же злодѣй, какъ и я? Развѣ не по твоему приказанію...."

"Ты, вижу я, сумасшедшая! -- вскричалъ начальникъ, также внѣ себя отъ злобы. -- Я велю тебя посадить на цѣпь и заморить, какъ собаку."

-- Лицемѣръ и убійца! кричала Цыганка, предавшись совершенно изступленію -- ты призвалъ меня, видно, для того, чтобы надо мной наругаться? Но я не такова! Я не боюсь

твоей гнусной власти!

"Не раскайся! Отъ меня зависить открыть убійство твоихъ дѣтей!"

-- Глупецъ! ты поручаль уже твоему сообщнику запугать меня этимъ, и думаешь, что я въ самомъ дѣлѣ по этому исполнила твою подлую волю.... Ошибаешься, злодѣй: я готова на все! Я пойду и объявлю свое злодѣяніе, но и тебя, убійца, заставлю мучиться вмѣстѣ со мною!

"Постой, фурія! -- вскричалъ начальникъ, уstraшенный, какъ преступникъ, сею страшною запальчивостію Цыганки и совершенно растерявшійся въ сей неожиданный моментъ. Онъ схватилъ ее за воротъ и вдернулъ обратно въ свою комнату. -- Постой! я вижу: ты сумасшедшая, и въ бѣшенствѣ своемъ готова наслушить всю Камчатку."

-- Пусти! Ты хочешь меня застращать!

"Бѣзумная! кто тебѣ это сказалъ! Я хотѣлъ только открыть козни противъ тебя мошенника фельдшера, но я ни когда не позволю клеветать на невинныхъ. Я знаю, что онъ плутъ...."

-- Такой же, какъ ты!

"Караулиха! мнѣ давно сказывали, что ты выходишь по временамъ изъ себя: вотъ почему я не могу на тебя сердиться. Но признаюсь, тебѣ: я хотѣлъ бы отдѣлаться какъ-нибудь отъ этого мерзавца. Я даже слышалъ, что онъ обманулъ и тебя. Обѣщаль много, и не далъ ничего...."

-- Да, меня обманули -- отвѣчала Цыганка, начиная успокоиваться;-- но не знаю, который изъ васъ: ты на него, а онъ на тебя сваливаетъ эту вину.

"Подлецъ! Неблагодарный! Клянусь Богомъ: я дорого бы заплатилъ тому, кто бы меня отъ него избавилъ!"

-- Тутъ не пужно платить слишкомъ дорого! -- подхватила Цыганка съ злобною усмѣшкою, всегда готовая на погибель другаго и находя адское удовольствіе въ смертныхъ грѣхахъ своего обольстителя. -- Это дѣло всего стоитъ двадцать копѣекъ! Такъ и быть, не пожалѣю! Отдамъ послѣдніе!

"Нѣтъ, Караулиха! -- подхватилъ начальникъ такимъ голосомъ, какъ бы онъ не понималъ намѣренія Цыганки, и какъ бы она говорила о какомъ-нибудь добромъ дѣлѣ. -- Я не

хочу, чтобы бѣдный челоѡкъ для меня тра-
тился; вотъ тебѣ десять рублей! Богъ велѣлъ
намъ помогать ближнему."

-- Богъ! Помогать ближнему! Ха, ха, ха!

"Что же тебѣ смѣшно?"

Цыганка продолжала хохотать. Начальни-
къ долго крѣпился, но наконецъ и самъ расхо-
хотался надъ своимъ лицемѣриемъ. Въ этомъ
смѣхѣ отзывалась адскіе тоны.

"Мы съ тобой, Караулиха -- сказалъ, нако-
нецъ, начальникъ -- кажется, вѣкъ свой оба
уже отжили, и дурачимся, какъ ребята;
смѣемся, сами не зная чему."

-- Теперь смѣемся, а придетъ время, будемъ
плакать! -- отвѣчала Цыганка двузнамена-
тельнымъ тономъ.

"Это правда! -- говорилъ начальникъ, не
понявъ въ точности значенія словъ ея, и меж-
ду тѣмъ принявъ на себя обычную ролю свя-
тоши.-- Всему есть время подъ солнцемъ!
Жизнь бѣжитъ, какъ вода; потому-то и надоб-
но дѣлать добро наскоро. Знаешь ли, что при-
думалъ я? Фельдшеръ хотя правда, и великій
негодяй, но до нѣкотораго времени онъ мнѣ
нуженъ. Между-тѣмъ мнѣ хочется о тебя-то

обезопасить со стороны его, на тотъ случай, если бы онъ вздумалъ тебя оклеветать, когда прїѣдетъ сюда ревизоръ. Я думаю вотъ какъ: подпиши-ка ты эту бумагу. Я нарочно ее для тебя приготовилъ. Это показаніе отъ твоего лица, что онъ подговаривалъ тебя отравить мою жену, чтобы потомъ ее обокрасть. Я до времени подержу эту бумагу у себя, и пущу ее въ ходъ, когда понадобится. Ну, что же ты не отвѣчаешь ничего?"

Цыганка въ свою очередь пришла въ изумленіе, удивляясь безднѣ коварства, хитрости и злодѣйства, въ лицѣ своего стариннаго знакомца, и, измѣривъ его глазами, покачала головой и молча подписала бумагу.

— Ну, спасибо, Караулиха! Поди же, да смотри хорошенько за внучкой протопопа. Я отдаю тебѣ ее на попеченіе: ты умѣешь обходиться съ больными. Она необходима для объясненія дѣла и, Боже сохрани, если умретъ!

Цыганка, продолжая сохранять молчаніе, вышла изъ комнаты, и идучи по улицѣ, говорила сама съ собой: "Хорошо, мошенникъ! губи, какъ умѣешь, твоихъ сообщниковъ. Я под-

пишу тысячу бумагъ на нихъ и на себя, лишь бы онѣ не помѣшали мнѣ погубить самого тебя."

Между-тѣмъ, начальникъ сѣлъ за столъ, и положилъ предъ собой ея показаніе, глядя на него съ усмѣшкою. "Теперь, господинъ фельдшеръ и эта старая чертовка въ моихъ рукахъ! Перваго я могу такъ сострацать этою бумагою, въ случаѣ нужды, что онѣ и рта разинуть не посмѣетъ предо мною, и послѣдняя уже не можетъ пугать меня своимъ признаніемъ, хотя бы тысяча ревизоровъ пріѣхала!.... Но чортъ возьми, если эта проклятая вѣдьма только запирается, а если она въ самомъ дѣлѣ была нѣкогда тою молодою, прекрасною дѣвушкою, которая казалась мнѣ такъ хороша, такъ мила и даже такъ добродѣтельна, что я влюбился въ нее безъ памяти, а не иначе могъ склонить ея на свою сторону, какъ только тѣмъ, что далъ съ клятвою обѣщаніе на ней жениться! Да, если это въ самомъ дѣлѣ она: то, смотря на нее, едва ли кто отважится похвалиться постоянствомъ своей добродѣтели?.... Э! всѣ эти люди добродѣтельные хороши только до перваго

случая!"

XX. РАСКАЯНІЕ.

Въ одинъ изъ послѣднихъ дней іюня, весь-
ма рано поутру, шелъ по берегу Петропав-
ловской гавани, пробираясь къ Авачинской
губѣ, человекъ довольно высокаго роста и
преважной осанки. Повидимому, онъ вы-
шелъ полюбоваться природою: ибо шелъ ша-
гъ за шагомъ, и самое неумѣренное, даже глу-
пое восхищеніе изображалось на его лицѣ.
Поводя во всѣ стороны вздернутымъ кверху
носомъ, онъ, казалось, хотѣлъ вытянуть весь
ароматъ изъ воздуха и съѣсть окружающую
его картину. Она въ самомъ дѣлѣ была и
прелестна и величественна: обо съ
наступленіемъ іюня прошла мартовская пого-
да, и житель Камчатки благословилъ, након-
ецъ, благодатное явленіе лѣта. Березовыя ро-
щи, можно сказать мгновенно
распустившіяся, толпились на пути незна-
комца, наполняя воздухъ своею благотворной
свѣжестью. Холмы и долины, по которымъ
проходилъ онъ, были одѣты молодою зеле-
нью и убраны цвѣтами, между коими пре-

имуущественно красовалась оранжевая сарана, сколько прелестная, столько же о полезная въ быту камчатскаго обитателя {Корни сараны сушать ни солнць и кладуть въ кашу, пироги и толкушку.}.

Незнакомецъ взошелъ на одинъ изъ холмовъ, и, обозрѣвъ окрестности, обратился неподвижно къ зрѣлищу восхожденія солнца. Волны свѣта выбѣгали изъ безднъ свѣтозарнаго Востока, обливавшего пламенемъ небо и море. Съ каждымъ проливомъ свѣта, и лѣса и горы, какъ бы поочередно, выходили изъ небытія и являлись взору другъ за другомъ, въ постепенной отдаленности. Наконецъ золотой лучъ загорѣлся на вершинѣ Авачинскаго шатра, и милліоны птичекъ, почувствовавъ явленіе въ міръ царя жизни, привѣтствовали его своимъ пѣніемъ. Восторженный до безумія симъ величественнымъ зрѣлищемъ, равно поражающимъ глупца и мудраго, незнакомецъ, наконецъ, воскликнулъ съ жаромъ: "O natura divina! (О Божественная природа!) Люблю тебя, поклоняюсь тебѣ, уважаю и чту! Въ тебѣ все такъ чинно, стройно, благоприлично, не какъ въ дѣлахъ

человѣческихъ!.... Ахъ, Владыко! Хотя на себя я взгляну.... Что я? До сихъ поръ я еще не порѣшилъ себя! Самъ не знаю, что мнѣ выбрать?"

Говоря сіе, незнакомецъ спустился съ холма и пошелъ обратно, продолжая разсуждать вслухъ съ самомъ собою. "Словно злой духъ-какой подбрасываетъ мнѣ полѣна! Хотѣлъ жениться -- не могу, сударь, ни какъ рѣшиться, да и полно! Сегодня нравится одна, завтра другая! Начинаю свататься -- не отдають: внѣ себя отъ отчаянія; начали соглашаться -- тогда самъ я отказываюсь. Знаю, что бѣсятъ на меня, но мнѣ-то что же дѣлать?.... Теперь наступила еще горшая бѣда; выборъ званія! По милости фельдшера, я теперь имѣю честь засѣдать въ судѣ; но что же мнѣ дѣлать? рѣшительно по перейти въ статскую, или оставаться въ духовномъ званіи? и здѣсь еще новая задача: быть ли священникомъ, или обречь себя на вѣчное одиночество и сдѣлаться монахомъ? О какая мудрость потребна, чтобы разрѣшить этотъ Гордіевъ узелъ! Тамъ широкая и пространныя дорога къ повышенію, за то скудное содержаніе;

туть бы и порядочный доходъ, да нѣтъ ни какой пищи для честолюбія: засѣлъ въ одно мѣсто, такъ и сиди до скончанія вѣка; въ монашескомъ званіи, правда, сіи выгоды сливаются, такъ можно ли, при моемъ чувствительномъ сердцѣ, отказаться отъ утѣхъ семейственнаго счастія? Какъ согласить всѣ эти противорѣчія? Quo nie veriam? quod iter incipiam ingredi? quam vivendi viam ingrediar insistem? (Куда мнѣ обратиться? какую дорогу избрать? какой родъ жизни выбрать?) Блаженны неразсуждающіе! Между-тѣмъ, какъ они идутъ безъ запинки по пути жизни, и слѣпо добиваются почестей и богатствъ, человѣкъ съ гениемъ, какъ напимѣръ, я, человѣкъ, любящій глубоко проникать въ сущность вещей, останавливается при началѣ поприща и не знаетъ: куда ему пуститься...."

-- Сюда, сюда! -- прокричалъ съ боку голо-сь. -- Тутъ прямо-то болото: если упадешь, такъ увязнешь по уши!

"Ахъ, въ самомъ дѣлѣ!" -- вскрикнулъ дьячекъ, и взглянувъ въ сторону, увидѣлъ выходящаго изъ лѣса фельдшера.

-- Куда такъ раненько собрался, Климъ Степанычъ? -- спросилъ сей послѣдній. -- Ужъ не шашни ли завелись какія? и смотря какъ поднарядился: красный кафтанъ и голубые штаны! Молодецъ! Дура-же только эта внучка протопопова!

Дьячекъ съ удовольствіемъ посмотрѣлъ на одежду, въ которую онъ облачился, по случаю намѣренія своего оставить духовное званіе. Онъ прибодрился фертомъ, и выфранчивая самымъ смѣшнымъ образомъ, заплеталъ и косилъ ногами.

-- Славно, славно, Климъ Степанычъ! -- продолжалъ фельдшеръ, идучи съ нимъ рядомъ. -- Вотъ ужъ теперь ты, можно сказать, что женихъ во всей формѣ, особенно еще какъ офицерской чиншико схватишь, такъ....

"То-то, братъ, меня еще и раздумье беретъ: не знаю еще, идти или не идти въ статскую?"

-- Помилуй, любезный, что же тебѣ думать, когда ужъ ты и прошеніе подалъ?"

"Такъ что же? развѣ не лъзя взять назадъ? Это, братъ, я ужъ не разъ дѣлывалъ! сперва подашь, а тутъ и раздумаешься."

-- Полно, полно, не срами себя! Что, тебѣ

хочется опять надѣть свой долгополый балахонъ? посмотри-ка ты теперь на себя въ зеркало: молодець! хоть кому, такъ женихъ!

"Хо, хо,хо! -- засмѣялся дьячекъ во все горло. -- Женихъ-то женихъ, да невѣсты-то нѣтъ!"

-- Какъ нѣтъ? а внучка протопопа?

"Да, внучка, пойдетъ! нѣтъ, я отчаялся."

-- А я тебѣ скажу, что не надо отчаяваться. Начальникъ самъ мнѣ сказывалъ, что на этихъ дняхъ поѣдетъ къ протопопу и будетъ настаивать, чтобы онъ непременно за тебя выдалъ.

"Будто правда?"

-- Какъ Бобъ святъ!

"Да, конечно, это было бы хорошо; но знаешь ли: если вникнуть путемъ, то едва ли мнѣ еще и есть большая выгода"

-- Помилуй, Климъ Степанычъ, да вѣдь прежде ты только это спалъ и надѣлъ....

"Прежде такъ, по теперь...."

-- А теперь, видно, какъ дѣло начало приходить къ концу, такъ о раздумье взяло.

"Да разсуди же ты самъ: во-первыхъ...."

-- Мнѣ тутъ судить нечего, а я просто скажу начальнику, что ты раздумалъ.

"Нѣтъ; погоди говорить. Я подумаю."

-- Ну, думай же, а теперь прощай!

Фельдшеръ свернулъ въ сторону, а дьячекъ, подходя къ дому, занимаемому уѣзднымъ судомъ на время прїѣхавшимъ изъ Нижне-Камчатска, опять началъ разсуждать самъ съ собою: "Вотъ тебѣ на! еще новая задача! раскусывай ее какъ умѣешь! О вы, древніе рѣшители самыхъ трудныхъ задачъ для человѣчества! о Платонъ! о Сократъ! о Сенека! да осѣнитъ меня безсмертный геній вашъ своимъ лучезарнымъ крыломъ, и да...."

-- Кутейникъ! -- вскричалъ вывернувшійся изъ-за угла мальчишка.

Сіе магическое слово разомъ пресѣкло теченіе дьячковой рѣчи. Онъ, внѣ себя отъ гнѣва, погнался за шалуномъ съ палкою, а мальчишка, бывъ изъ числа подъячихъ, побѣжалъ прямо въ судъ. Дьячекъ за намъ, и такимъ образомъ оба они скрылись во святилищѣ правосудія, гдѣ обидчикъ и получилъ отъ обидимаго воздаяніе по заслугамъ.

Въ сіе время члены суда, судья и два засѣдателя, были уже въ присутствіи. Судья, баронъ Бутеръ, былъ добрый и честный

Нѣмецъ, любившій искренно правду и не бравшій взяткоъ ни подѣ какими титлами, словомъ: человекъ какого только можно желать для служенія во храмѣ Ѡемиды; но (какъ говоритъ нашъ знаменитый Крыловъ:

Одно въ царѣ лишь было худо?

Царь этотъ былъ осиноый чурбакъ!)

одно было худо въ нашемъ судѣ, что онъ не умѣлъ ни читать, мы писать по-русски, и только выучился, и то съ превеликимъ трудомъ, кое-какъ подписывать свое имя. Правда, г. баронъ старался всячески скрывать свое невѣжество, и особенно выѣзжалъ на презрѣнїи къ русскому языку; но за всѣмъ тѣмъ всякой разъ какъ приводилось ему подписывать бумаги, чувствовалъ большое неудобство отъ этого пустяка; ибо не разъ случалось, что секретарь возвращалъ ихъ къ нему обратно съ несноснымъ докладомъ: "Вы изволили подписать-съ вверхъ ногами." Что тутъ оставалось дѣлать барону, какъ не прибавить на нашъ бѣдный языкъ разныя нѣмецкія брани?

Изъ числа засѣдателей одинъ былъ Малороссіянинъ, по уму и по прованію: Ду-

раченко. Онъ составлялъ совершенную противоположность съ барономъ. Баронъ звалъ все, кромѣ русской грамоты, а Дураченко, кромѣ грамоты, не зналъ рѣшительно ничего; притомъ всякое знаніе онъ читалъ глупостію, отъ роду не читывалъ ни одной книги, и это невѣжество ставилъ еще себѣ въ превеликую честь.

Другой засѣдатель былъ Хапиловъ, о которомъ было уже упомянуто выше. Онъ былъ тоже неучень, но человекъ съ здравымъ умомъ и съ знаніемъ своего дѣла, каковы большею частію природные сибирскіе служаки. Хапиловъ, родясь въ Камчаткѣ, тѣрь, какъ говорится, лямку лѣтъ тридцать, чтобы добиться высокаго званія засѣдателя: ибо десять разъ открывалась вакансія, и десять разъ садили на нее пріѣзжихъ, по извѣстному выраженію: "нѣсть пророкъ во отечествіи своемъ." Товарищи же его, какъ легко догадаться и по ихъ происхожденію, были оба пріѣзжіе, и посажены на мѣста, какъ люди отличные, по представленію Антона Григорьевича.

Секретарь сего Ареопага, по прозванію

Прижимовъ, былъ самый знаменитый крючекъ по всей Камчаткѣ, плутъ, взяточникъ и пьяница. Судья Бутерь не разъ грозился выгнать его изъ должности; но, надобно сказать правду, собственное благоразуміе запрещало ему сіе дѣлать: ибо Прижимовъ замѣнялъ ему не только руку, но и голову. Пользуясь симъ, секретарь презиралъ и угрозами судьи и самую его особою, и ходилъ въ присутствіе постоянно полупьянымъ. По открытіи засѣданія, Дураченко спросилъ вчерашній журналъ, который и былъ поданъ ему секретаремъ. Перелистывая тетрадь съ миною неудовольствія, Дураченко спросилъ секретаря: "кто это писалъ?"

-- Вновь опредѣляющійся дьячекъ Шайдуровъ-съ.

"Позовите его."

Шайдуровъ вошелъ въ присутствіе, и сдѣлавъ легкой поклонъ *à la mode*, старался подойти къ столу присутствія со всѣмъ искусствомъ, въ полной надеждѣ, что онъ своею ловкостію обратитъ на себя вниманіе начальства; но вдругъ всѣ его лестныя мечты разлетѣлись, какъ дымъ, когда Дураченко

грозно спросилъ его:

"Ты это вараксаль?"

-- Я, сударь!

"А что это у тебя, брратецъ, за каракули?"

-- Это, сударь, запятыя.

"Чтобъ я никогда не выдалъ ихъ! ты только, брратецъ, переводишь чернила. Пыши, какъ я, а не то и тебя подъ арестъ велю посадить."

-- Да помилуйте, сударь, за что же?

"Такъ ты, брратецъ, еще вздумалъ со мною спорить. Сторожъ! возьми его, сними съ него сапоги, да не пускай отсюда цѣлую недѣлю!"

Дьячекъ, пораженный, какъ громомъ, симъ приказаніемъ, не сказалъ ни слова, и только крупныя слезы градомъ покатилося изъ его глазъ, когда сторожъ началъ снимать съ него сапоги, Сіе оскорбленіе тѣмъ еще было для него чувствительнѣе, что приказные подняли при семъ случаѣ ужасный хохотъ, такъ что Дураченко, выглянувъ изъ присутствія, закричалъ на нихъ: "перестаньте, черти! я со всѣми вами сдѣлаю тоже." Хохотъ стихъ, но за то посыпались на бѣднаго дьячка самыя язвительныя насмѣшки.

-- Что, братъ! -- говорилъ одинъ изъ старыхъ повытчиковъ -- видно, писать-то не въ колокола звонить?

"Да -- подхватилъ другой -- видно, это не кутья: за одинъ разъ не схлебнешь!"

-- Вишь -- прибавилъ третій -- выѣхалъ со своими крюками! нѣтъ, братъ, здѣсь ихъ не любятъ! По нашему такъ вотъ какъ: захотѣлось табаку нюхнуть, такъ тутъ и точка!

Особенно надоѣдалъ нашему бѣдняку проклятый мальчишка, который, послѣ полученныхъ имъ отъ него побоевъ, сдѣлавшись совершеннымъ его врагомъ, дразнилъ его безъ малѣйшаго отдыха и пощады: "Кутейникъ! знать ноги-то спотѣли, что сапоги снялъ? смотри: мышъ бѣжить: не отгрызла бы пальцы!" и проч. Разумѣется, что всѣ эти выходки были глупы, какъ нельзя болѣе, но они ужасно терзали злополучнаго и неповиннаго дьячка. Наконецъ, бѣдствіе его достигло высочайшей степени: мимо оконъ суда прошелъ протопопъ, прямо къ воротамъ судебного дома. Дьячекъ совершенно обезумѣлъ отъ стыда, вскочивъ со стула, распахнулъ шкафъ,

стоявшій подлѣ печи, и спрятался около вся за шкафною дверью, такъ что только однѣ его босыя ноги выказывались изъ-за нихъ. Протопопъ вошелъ въ комнату; вѣжливо поклонился подъячимъ и не видя сторожа, на сей разъ куда-то усланнаго, спросилъ у одного изъ нихъ: "можно ли доложить объ немъ присутствію?" Подъячій равнодушно поглядѣлъ на него, и опять началъ писать, не удостоивъ его ниже словомъ. Протопопъ спросилъ другаго, и получилъ тотъ же отвѣтъ: эта чудная психологическая черта, которая вовсе неизвѣстна въ высшихъ присутственныхъ мѣстахъ, въ нижнихъ инстанціяхъ, кое-гдѣ, сохраняется еще и донынѣ. Протопопъ, видя, что приказные, не отвѣчая ему, только изрѣдка вспрыскиваютъ отъ смѣха, и не понимая сего причины, рѣшился ожидать сторожа, и сѣлъ на лавку, стоявшую противъ самаго шкафа. Приказные примѣтивъ, что онъ увидѣлъ дьячковы ноги, опять подняли общій смѣхъ, а мальчишка, тихонько вскочивъ со скамьи и подкравшись къ шкафу, вдругъ отпазнулъ дверь такъ, что дьячекъ едва успѣлъ только произнести: ахъ!

и, съ смертною блѣдностію на лицѣ, стоялъ, потупивъ голову, какъ пойманный на шалости школьникъ, и не смѣя поднять глазъ на протопопа.

-- Ну выходи, красный гусь! -- говорилъ мальчишка, издѣваясь надъ его робостію. -- Не докуда тебѣ тутъ стоять: ноги отерпнуть!

"Что это, Степанычъ! -- сказалъ протопопъ съ истиннымъ участіемъ -- въ какомъ, братъ, положеніи тебя вижу? Вотъ, братъ, какъ случается съ людьми, которые берутся не за свое дѣло! кабы ты пошелъ по духовному званію, да пошелъ съ умомъ: такъ ты вѣкъ-то свой провелъ бы спокойно, и покрайности такого срама право бы не терпѣлъ! а то захотѣлъ, Богъ знаетъ, чего, ударился въ доносы, да въ кляузы, и что изъ этого выйdetъ путнаго, Богъ вѣсть!"

Дьячекъ не отвѣчалъ ни слова, но зарыдалъ, и началъ громко всхлипывать. Протопопъ, по отличной добротѣ своей души, глубоко былъ тронутъ его положеніемъ, и забывъ всѣ обиды его, началъ уговаривать съ самымъ отеческимъ расположеніемъ:

"Ну, полно, Степанычъ! Господь мило-

стивъ! Еще такой бѣды нѣтъ, чтобы такъ плакать! Зними-ка ты этотъ красный поддегай, да останься въ прежнемъ: такъ авось дѣла-то поправятся. Ты тогда, какъ приходилъ просить меня, чтобы я написалъ о тебѣ съ Саламатовымъ къ преосвященному, хотъ немножко меня и оскорбилъ; однако я все-таки о тебѣ писалъ хорошее, и вотъ съ нынѣшней почтой получилъ отвѣтъ. На-ка, читай!"

Дьячекъ, все еще не смѣя взглянуть на протоппа, взялъ бумагу трепещущею рукою, и едва дочиталъ до половины, какъ выронивъ ее изъ рукъ, вскричалъ самымъ отчаяннымъ голосомъ: "О! это сверхъ силъ моихъ! Если бы меня распилили, расчленили, я перенесъ бы это мученіе легче, нежели ваши благодѣянія. Они мнѣ жгутъ и прожигаютъ насквозь сердце!"

"Полно, Степанычъ! -- прервалъ протоппъ.-- Къ чему эти пустяки собирать?"

-- Нѣтъ, отецъ святой, это не пустяки. Я васъ оклеветалъ праваго, а вы виноватаго меня оправдали. Охъ, тяжело! Не могу это снести! Прощайте, святой отецъ! Поминайте меня въ вашихъ молитвахъ.

Сказавъ сіе, дьячекъ схватилъ лежавшую на полу веревку, опрометью бросился въ дверь, и сшибъ съ ногъ сторожа, попавшагося ему на встрѣчу. Сторожъ, вскочивъ на ноги, бросился за нимъ, думая, что онъ бѣжалъ отъ ареста; равнымъ образомъ и многіе изъ подъячихъ также кинулись изъ суда, не столько для поимки дьячка, сколько для того, чтобы воспользоваться случаемъ для отлучки отъ должности, и чтобы завернуть по дорогѣ въ свое любимое мѣстопробываніе. Самъ протопопъ также вышелъ за ворота и глядя вслѣдъ за бѣгущими, покачалъ головой, и глубоко вздохнувъ, сказалъ съ горестію: "Бѣдный парень! совсѣмъ погибъ отъ своего високоумія!"

Между-тѣмъ дьячекъ, отмѣривая преогромные шаги, далеко опередилъ преслѣдовавшихъ его, и, наконецъ, скрылся отъ нихъ въ лѣсу. Онъ обѣжалъ сторяча всю Петропавловскую гавань, выбѣжалъ на берегъ Авачи, и тамъ, выбравъ толстое дерево, придѣлалъ къ нему подмости, и ставъ на нихъ, привязалъ веревку за сукъ, съ готовою петлею, и потомъ вложилъ въ нее голову;

оставалось только столкнуть подмости и повиснуть. Въ семь положеніи протекло нѣсколько минутъ; но подмости все еще были цѣлы: ибо нерѣшительность не покинула своей жертвы и на краю гроба. Дьячка взяло раздумье; не лучше ли утопиться? Около четверти часа онъ высчитывалъ удобства той и другой смерти, и наконецъ, отвергнувъ смерть сухопутную, рѣшился избрать водяную. Съ сею мыслію, онъ вынулъ изъ веревки голову, и проворно соскочивъ съ подмостковъ, бросился прямо къ водѣ. Но между тѣмъ продолжительность разсужденій чувствительно охладила въ немъ охоту къ смерти, такъ что, взойдя только по колѣно въ воду, онъ впалъ въ новое недоумѣніе: "Не лучше-ли мнѣ въ самомъ дѣлѣ -- говорилъ онъ самъ съ собою -- умереть, какъ умирали древніе: сѣсть въ воду и пустить себѣ кровь изо всѣхъ жилъ? Точно! Такъ умеръ великій Сенека, такъ умру и я!" Съ симъ словомъ онъ сѣлъ въ воду, и припоминая себѣ монологъ Катона, дабы умереть по всѣмъ правиламъ древней философіи, хватился перочиннаго ножичка, съ помощію котораго хотѣлъ послѣдовать за

Сенекою; но, переискавъ во всѣхъ карманахъ, ни гдѣ его не нашель. "О верхъ несчастія! -- вскричалъ онъ, выходя изъ воды. -- Нечего дѣлать! Видно, въ наказаніе за мои преступленія, всемогущая судьба не позволитъ мнѣ умереть такъ, какъ умеръ ты, великій свѣтильниковъ древности, и, видно, я долженъ кончить жизнь не какъ философъ, но какъ умирають и самые невѣжественные люди, отъ этой грубой, варварской верви!" Дьячекъ опять хотѣлъ было закинуть на себя петлю, какъ вдругъ кто-то схватилъ его за руку, съ крикомъ: "здѣсь, здѣсь!" Это былъ сторожъ, ужъ довольно дряхлый старикъ. Дьячекъ разомъ выдернулъ у него руку, и оттолкнувъ его отъ себя прочь, опять кинулся въ лѣсъ. Вслѣдъ за нимъ опять погнались и сторожъ и сопутствовавшіе ему подъячіе; но всѣ они были уже въ порядочномъ куражѣ, и дьячекъ снова скрылся отъ нихъ въ чащѣ лѣса. Долго шумъ и трескотня, раздававшіеся въ немъ, извѣщали слѣдователей о могучемъ бѣгѣ отчаяннаго дьячка, который, скажемъ кстати, былъ одаренъ отъ природы чрезвычайною тѣлесною силою; но вскорѣ затихъ и

шумъ, и преслѣдователи, отказавшись отъ успѣха въ поимкѣ, принуждены были возвратиться назадъ, и прошли по кратчайшему тракту -- прямо въ питейный домъ.

XXI.

СУДЬЯ ВЪ ХЛОПОТАХЪ.

Тревога, произведенная бѣгствомъ дьячка, смутила присутствующихъ, и всѣ они бросились къ окнамъ. Проводивъ глазами бѣглеца, судья Бутерь и засѣдатель Дураченко призвали въ присутствіе оставшихся въ судѣ приказныхъ, и произвели строгій разспросъ о причинѣ и подробностяхъ сего происшествія. Наконецъ правдолюбивый, но близорукій судья, бывъ подстрекнутъ Дураченкомъ, разгнѣвался, самъ не зная за что, на протопопа, и позвавъ его въ присутствіе, сказалъ ему съ примѣтною запальчивостію;

"Каспадивъ протопопъ! я призвалъ васъ чтобы объявить волю нашальникъ: отобразь отъ, васъ нѣкоторый свѣдѣнія...."

-- Я готовъ исполнить волю начальника -- отвѣчалъ протопопъ съ величайшею скромностію; -- но я самъ получилъ изъ Иркутска увѣдомленіе, что дѣло Тенявы по слу-

чаю доноса, поданнаго Саламатовымъ, оставлено до прїѣзда сюда ревизора, и что....

"Постойте, каспадонъ протопопъ! Вы не далъ мнѣ досказать, что я началъ. Судъ призывалъ васъ для этотъ дѣлъ; но теперь вы сдѣлалъ новый проказъ, и сейчасъ же извольте написывать къ намъ отвѣтъ...."

-- Господинъ судья! я тутъ не сдѣлалъ мы какой проказы, а только хотѣлъ обратить погибающаго на путь правый.

"Тутъ сказывать проповѣдь не время: для этого былъ церковь. Притомъ вы показывалъ ему какой-то бумагъ...."

-- Да, я показывалъ ему бумагу ко мнѣ отъ преосвященнаго, который, по ходатайству моему, его простилъ, и предписывалъ возвратиться ему въ Иркутскъ для принятія священства....

"Да что, Богданъ Богдановичъ! -- сказалъ Дураченко съ тою неизъяснимою злобою, которой обыкновенно предаются подлыя и низкія души, при видѣ челоуѣка, нелюбимаго начальствомъ -- что терять попусту слова? Прикажете секретарю, чтобы онъ записывалъ, что отецъ протоіерей будетъ говорить,

да представимъ начальству -- вотъ и все!"

-- Вы говорилъ резонъ. Каспадинъ протопопъ! извольте сѣсть и сказывать, а вы, каспадинъ секретарь должны писать.

Протопопъ, по удивительной скромности своей, ни сколько не противорѣчилъ сему обидному приказанію, и рассказалъ, какъ происходило дѣло. Наконецъ допросъ былъ конченъ. Протопопъ уже готовъ былъ его подписать, какъ вдругъ засѣдатель Хапиловъ, непримѣтно заглядывавшій въ сію бумагу, во время письма, вдругъ остановилъ протопопа: "Постойте, и прежде прочитайте: тутъ написано совсѣмъ не то, что вы говорили!"

-- Какъ не то? -- возразилъ секретарь, стараясь выдернуть бумагу изъ рукъ Хапилова.-- Нѣтъ-съ, извините-съ: точно то-съ!

"Не понимаю, какъ достаетъ у тебя дерзости -- вскричалъ Хапиловъ -- это утверждать? Развѣ ты думаешь, что я не умѣю читать?.... Богданъ Богдановичъ! вы изволили слышать, что говорилъ отецъ протоіерей; теперь послушайте, что написалъ г. секретарь."

Хапиловъ прочиталъ отвѣтъ, въ которомъ протопопъ явно обвинялъ себя въ

произведеніи въ судѣ шума, безпорядка и безчинства; въ подученіи дьячка къ оставленію службы и къ побѣгу, въ грубыхъ отвѣтахъ предъ судьейю и проч. Выслушавъ сіе, любившій правду судья совершенно взбѣсился, и обратился къ секретарю съ величайшимъ гнѣвомъ: "Каспадинъ секретарь! какъ вы смѣль это сдѣлать на моихъ глазахъ?"

-- Да что же я сдѣлалъ такое? -- отвѣчалъ равнодушно секретарь, заткнувъ за ухо перо и не вставая съ мѣста.

"Какъ что? И вы смѣете говорить съ насальникъ, не вставай со стуль? Я васъ фелюсею же минуту посадить подъ арестъ, и кушать одинъ хлѣбъ и водъ."

-- И будто нельзя ужъ будетъ и каплю вина пропустить въ горло? -- говорилъ секретарь съ насмѣшкою.

"Mein Gott! что мой видѣль? -- вскричалъ судья, совершенно выйдя изъ себя.-- Онъ смѣетъ еще надо мной издѣваться! Сторожъ! посаживай его подъ арестъ."

-- Пожалуйста, ваше благородіе! -- сказалъ подошедшій къ секретарю сторожъ.

"Пошелъ прочь! Пойду я!"

-- Какъ твой не поидеть! -- воскликнулъ судья, даже въ нѣкоторомъ безпамятствѣ. -- Я фелю тащить тебя за волосъ!

"Попробуйка-ка!"

Судья кинулся было самъ тащить его, но секретарь, оттолкнувъ его отъ себя, сказалъ ему весьма хладнокровно:

-- Да что, Богданъ Богдановичъ, такъ ты расходился! Вѣдь, теперь не прежняя пора тебѣ надо мною ломаться; стоитъ только захотѣть мнѣ, такъ ты и пошелъ вверхъ ногъ!

"Что это значиль?"

-- А вотъ что значиль! Господа! -- провозгласиль секретарь, обратясь къ засѣдателямъ, изъ коихъ Хапиловъ смотрѣль на сіе происшествіе съ примѣтнымъ прискорбіемъ, а Дураченко, напротивъ, едва удерживался отъ смѣха -- господа! извольте-съ выслушать. Вчера г. судья, подписалъ прошеніе объ отставкѣ на имя намѣстника, и вотъ что въ немъ пишетъ....

"Что я слышу? Какое прошеній?" -- прервалъ судья, съ величайшимъ испугомъ.

-- Тебѣ должно быть извѣстно, когда подписываль. Господа! Судейская ли это рука?

Засѣдатели сдѣлали утвердительный отвѣтъ. -- Такъ вотъ извольте-съ выслушать: "Во все продолженіе моей сорокалѣтней службы я постоянно обманывалъ начальство: не зная не только законовъ, но и русской грамоты, я перешелъ многія должности и наконецъ добился званія судьи, употребляя всякую неправду, пронырства и подлости. Наконецъ начинаетъ меня мучить совѣсть: не могу долѣе жить обманомъ, потому что смерть уже стоитъ за плечами. А потому принося мое душевное покаяніе, что я человѣкъ незнающій, глупый и къ должности своей вовсе неспособный... {Истинное происшествіе.}"

-- *Almächtiger Gott!* (Всемогущій Боже!) -- воскликнулъ судья, повалившись отъ ужаса на полъ.

"Что ты это сдѣлалъ, негодяй!" -- вскричалъ Хапиловъ, бросившись поднимать судью.

-- Развѣ я сдѣлалъ это? -- отвѣчалъ насмѣшливо секретарь. Вѣдь вы видѣли, что онъ самъ подписалъ!

"Пасвольте мнѣ, пасвольте! -- воскликнулъ судья, проворно вскочивъ на ноги, и бросающъ

на колѣна передъ секретаремъ. -- Mein lieber Freund! -- произнесъ онъ самымъ жалобнымъ голосомъ. -- Пошалѣй мою жену я моихъ дѣти! Оттай мнѣ этотъ проклятый бумагъ!"

-- Нѣтъ, завтра! Теперь ты, Нѣмецъ, въ моихъ рукахъ, а отдай тебѣ бумагу, такъ опять распѣтушишься. Опять примешься меня бранить, что я пошутилъ надъ отцемъ протопопомъ....

"Оттай, рати Бога, оттай! Я не станеть никогда бранить тебя: что хочешь, тѣлай; сочиняй бумагъ, какія только умѣешь: я всѣ буду утверждать; пей, сколько твоей душѣ угодно: я ни скажу ни одинъ словъ!"

-- Ладно, за этимъ дѣло не станеть -- отвѣчалъ секретарь, вытаскивая изъ стола сулейку. -- Ваше здоровье, господинъ судья!

Дураченко расхохотался, а Хапиловъ, внѣ себя отъ неудовольствія, вскричавъ: "Боже мой! какой срамъ!" -- бросился къ секретарю, вырвалъ у него прошеніе и отдалъ судѣ.

"Возьмите эту кабалу, которую вы подписали на себя, и ради Бога встаньте, не срамите своего почтеннаго званія!"

-- Благодѣтель! отецъ!-- воскликнулъ судья,

бросившись обнимать Хапилова -- мой въ вѣкъ не забудеть вашихъ благодѣяній.... А ты, негодяй! -- вскричалъ онъ, обратившись къ секретарю со вспыхнувшимъ лицомъ -- я тебѣ покажу, какъ сочинять фальшивый бумагъ....

"Простите великодушно! -- воскликнулъ секретарь съ притворнымъ страхомъ бросившись, въ свою очередь, судѣ въ ноги.

-- Мой никогда не простить! -- отвѣчалъ судья, трясая въ рукѣ надъ головою секретаря сочиненное имъ прошеніе. -- Эту бумагъ....

Но въ сію минуту секретарь, проворно вскочивъ на ноги, вырвалъ снова изъ рукъ у него прошеніе и мгновенно перемѣнивъ тонъ, сказалъ: "Прощайте, господинъ судья! Я сейчасъ иду къ начальнику."

-- Стой, стой! -- воскликнулъ судья, схвативъ секретаря за фалду; но сей послѣдній вырвался и ушелъ изъ суда. Вслѣдъ за нимъ убѣжалъ и Дураченко, уже давно взявшійся за шляпу и только выжидавшій конца, дабы бѣжать съ донесеніемъ.

"O Mein Gott! -- говорилъ судья, упавъ на стулъ. -- Что я стану теперь тѣлать? Вся мой служба самаранъ! Мой пошелъ теперь на

вѣкъ безъ репутасіонъ...."

Вся эта сцена происходила предъ глазами протопопа, который смотрѣлъ на нее съ истиннымъ прискорбіемъ, какъ вѣрный сынъ отечества, и наконецъ сказалъ, обратясь къ Хапилову: "Ахъ, Боже мой! я никогда не думалъ, Евгенийъ Петровичъ, чтобы въ судахъ, толь въ священнѣхъ мѣстахъ, могли происходить такъ безпорядки!"

-- Что дѣлать, отецъ Петръ? У меня у самого разрывается сердце на части; но не въ моей власти помочь этому злу.

"Все, Евгенийъ Петровичъ, зависитъ отъ выбора чиновниковъ; ибо сказано: "Премудрость и мысль блага во вратѣхъ премудрыхъ: смисленніи не уклоняются отъ закона Господня."

-- Ваша правда, отецъ Петръ! Наши установленія всѣ прекрасны; Монархія начертала ихъ съ великою мудростью; но исполнители всякой законъ искажаютъ.

"Это прискорбно слышать, не только видѣть!"

-- А между тѣмъ я обреченъ цѣлую жизнь быть этому свидѣтелемъ! Каково мнѣ?

"Привычка, Евгеній Петровичъ, можетъ сдѣлать ко всему хладнокровнѣе; но каково нашему брату подсудимому?"

— Конечно, подсудимому тягостно, отецъ Петръ; но увѣряю васъ: еще тягостнѣе смотрѣть на страданія другихъ, и не имѣть возможности помочь. Подавай, сколько хочешь мнѣнній, не только ихъ не уважаютъ, но еще гонятъ за нихъ.

"Да, а слышаль про вашу исторію. Ахъ, Боже мой! можно ли такъ насмѣхаться надъ правосудіемъ? вмѣсто того, чтобы искать истины, за нее еще наказываютъ! Послѣ этого что такое нашъ судъ?"

— Такъ-то употребляютъ во зло — отвѣчалъ Хапиловъ съ сильнымъ негодованіемъ — самое священнѣйшее установленіе! Въ общемъ мнѣнній уѣздный судъ есть мѣсто низшее, мало важное; но на дѣлѣ онъ есть важнѣйшее изъ учрежденій! Здѣсь полагается основаніе дѣлу; сюда приходитъ народъ, который часто не имѣетъ и понятія о существованіи высшихъ мѣстъ, и тутъ получаетъ онъ прямое или превратное мнѣніе о самомъ правительствѣ. Боже мой! пристрастный или глу-

пый судья есть истинный врагъ Государя и отечества: ибо никто болѣе, кромѣ его, не можетъ поколебать самое спокойствіе народа!

"Вы прекрасно судите, Евгеній Петровичъ!"

-- Можетъ быть, я и ошибаюсь, но я много толковалъ съ людьми, знающими о семъ предметѣ; даже много читалъ книгъ, завезенныхъ сюда покойнымъ Зудою. И самая бесѣда его была всегда для меня истиннымъ наслажденіемъ. Сколько онъ сообщилъ мнѣ самыхъ здравыхъ и совершенно новыхъ для меня идей!

Сей разговоръ еще долго длился; но, наконецъ, вбѣжавшій въ присутствіе сторожъ объявилъ Хапилову, что за нимъ присылалъ начальникъ со строгимъ повелѣніемъ: сейчасъ же къ нему явиться.

XXII. ВИДѢНІЕ.

-- Такъ точно! -- говорилъ съ бѣшенствомъ Антонъ Григорьевичъ разговаривавшему съ нимъ фельдшеру -- Я всегда зналъ этого Хапилова, какъ ослушника, какъ бунтовщика, какъ негодяя! Удиви-

тельная дерзость! Въ судѣ, въ присутствіи, при зеркалѣ, вырвать изъ рукъ бумагу!... Прикажи сейчасъ позвать его.

Фельдшеръ передалъ сіе приказаніе стоявшимъ его прихожей казакамъ, и по возвращеніи его начальникъ спросилъ съ нетерпѣніемъ: ну, чѣмъ же все кончилось?

"А тѣмъ, ваше высокоблагородіе, что секретарь успѣлъ-таки опять выхватить прошеніи изъ рукъ Нѣмца."

-- Успѣлъ? Молодецъ! Вотъ служака! Вотъ настоящій чиновникъ, какими должны бы быть всѣ! Дѣятеленъ, проворенъ, безкорыстенъ!

"Особенно, если бы не испиваль еще" -- прибавилъ съ усмѣшкою фельдшеръ.

-- Это пустяки, суціе пустяки! Знаешь половицу: пьянъ да умень.... Однако жъ разсказывай скорѣе. Ну что-жъ наконецъ?

"Да окончилось тѣмъ, ваше высокоблагородіе, что вырвавши прошеніе, секретарь прибѣжалъ со всѣхъ ногъ ко мнѣ вмѣстѣ съ Дураченкомъ. И этотъ преданъ вашему высокоблагородію какъ нельзя болѣе."

-- Я это знаю! Дураченко чиновникъ, пра-

Богу! Я такъ много думалъ, какъ бы забрать совершенно въ свои руки этого безграмотнаго, но упрямаго Нѣмца; ночи не спалъ; и наконецъ придумалъ это превосходное средство. Разсуди же: каково бы было мнѣ перенести, если бы мой планъ вдругъ разрушился?

"Да, вы изволили уже, ваше высокоблагородіе, говорить мнѣ объ этомъ, когда еще отдавали эту бумагу, чтобы я передалъ ее секретарю; только я не понимаю, что вы изволите слишкомъ беспокоиться съ этимъ Нѣмцомъ. Приказали ему, да и все тутъ."

-- Ты судишь, какъ фельдшеръ, но я долженъ дѣйствовать, какъ начальникъ. Развѣ ты не видишь, что я окруженъ мошенниками, доносчиками, ябѣдниками, который готовы обнести и оклеветать меня каждую минуту? Я вижу, что этотъ глупый баронъ дѣйствуетъ несправедливо, подучаемый Хапировымъ; но могу ли я приказатъ ему открыто: такъ рѣши? Боже сохрани! Баронъ имѣетъ кой-какія связи въ Иркутскѣ, и на меня написали бы не вѣсть что; но теперь!...

Начальникъ, прикусивъ губы, махнулъ значительно головой.

"Справедливо, ваше высокоблагородіе! Теперь онъ съ руками и съ ногами попалъ къ вамъ въ услуженіе."

— Скажи же ему, что если хочетъ остаться на мѣстѣ, то прекратилъ бы съ протопопомъ всякое знакомство и не мѣшался при отобраніи отъ него отвѣтовъ. Если же, паче чаянія, протопопъ вздумаетъ опять отпираться отъ своихъ словъ, то баронъ долженъ приказать составить журналъ, что отвѣты написаны совершенно сходно со словами подсудимаго, и немедленно донести мнѣ формально объ его дерзости. Все ли ты понялъ?

"Все, ваше высокоблагородіе!"

— Ну поди же, и что скажетъ онъ, тотчасъ меня извѣсти. Я бы могъ все это сказать ему самъ; но, признаюсь, мнѣ скучно слушать ея тарабарскій языкъ.

Фельдшеръ вышелъ, а начальникъ, по обыкновенію, придвинувъ къ себѣ Чети-Миню, и готовясь читать, разсуждалъ: "Да, это гораздо лучше! Пусть этотъ бездѣльникъ ведетъ переговоры, чѣмъ мѣшаться мнѣ самому; онъ и отвѣчать будетъ, если это откроется. Славное правило: загребать жаръ чужими

руками; и кто его выдумалъ, былъ самый мудрый изъ земнородныхъ! Жаль только, что не всегда оно удается! Хотѣлось было мнѣ погрести жарку руками дьячка, да нѣтъ! А было бы весьма хорошо для меня! Онъ бы женился, а я... Мы бы знали уже, какъ это дѣло уладить! Тогда всѣ концы бы въ воду; на меня не могло бы быть ни малѣйшаго подозрѣнія, и я былъ бы совершенно спокоенъ.... но что дѣлать? Съ дуракомъ не справиться. Справедливо говорится: съ дуракомъ Богъ неволенъ!"

Въ сіе время, по предварительному докладу, вошелъ въ кабинетъ Хапиловъ. Начальникъ, вспыхнувъ, какъ адское зарево, взглянулъ на него такими глазами, въ которыхъ изображались вдругъ всѣ неистовыя страсти: гнѣвъ, злоба и бѣшенство.

"Что вы, сударь, дѣлаете со мною?" -- возопилъ онъ, ударя кулакомъ по столу.

-- Я не знаю за собой ни какой вины -- отвѣчалъ Хапиловъ съ величайшимъ уваженіемъ.

"Ты не знаешь ни какой вины, а между тѣмъ связываешься съ подсудимымъ, дѣйствуешь съ ними за одно, потворствуешь,

нарушаешь всё установленія, всё законы...."

-- Мнѣ кажется, вы получили обо мнѣ совсѣмъ неправильныя свѣдѣнія.

"Мнѣ нечего получать; у меня нѣтъ наушниковъ! Я самъ знаю, гдѣ что дѣлается. Я не сплю; я бодрствую день и ночь для блага вѣрренной мнѣ страны. Я самъ умѣю различать чиновника честнаго, справедливаго, усерднаго отъ негодя, взяточника и лѣнивца."

-- Но всё эти названія, по сущей справедливости, я не могу принять на свой счетъ.

"Да, ты не можешь; но я скажу тебѣ, что ты точно таковъ и есть. Кто тебѣ далъ право учить протопопа и вырывать бумаги изъ рукъ секретаря? Какъ ты смѣлъ это дѣлать въ судѣ, въ мѣстѣ, толь важномъ и священномъ?"

-- Я сдѣлалъ то, что требовала моя совѣсть, честь иприсяга....

"Честь и присяга! -- возопилъ начальникъ, выйдя изъ себя.-- Повиновеніе волѣ начальства: вотъ твоя честь и присяга! Тебѣ, видно, еще мало, что ты разгуливалъ по морю! Я не то еще сдѣлаю. Я домъ твой раскатаю по брев-

намъ! Ты не найдешь для себя мѣста во всей Камчаткѣ!"

-- Воля ваша, вы начальникъ; но я вамъ скажу рѣшительно: я присягалъ въ вѣрности Государынѣ, и не нарушу ея ни за какія блага, ни страданія въ мірѣ! Дѣлайте со мной что хотите!

"Бунтовщикъ, крамольникъ! -- закричалъ начальникъ, дрожа, какъ въ лихорадкѣ отъ чрезвычайнаго дѣйствія гнѣва -- я заставлю тебя повиноваться!"

-- Когда-же я не повиновался? И если вы сказывалъ свои мнѣнія по дѣламъ: то въ такомъ случаѣ только пользовался правомъ, даннымъ мнѣ силою закона.

"Вы вѣчно прикрываетесь закономъ, а на умѣ у васъ только заговоры и комплоты противъ начальства; только противорѣчія, умничанье и неповиновеніе."

-- Вы заблуждаетесь.

"Какъ? ты смѣешь еще грубить мнѣ? Подите вонъ, сударь, вонъ! Я вижу, что говорить съ тобой -- значитъ терять слова. Нѣтъ; тутъ надо принять другія мѣры!"

-- Но прежде, кажется, надобно бы выслу-

шать обвиняемаго.

"Ни слова болѣе! вонъ, вонъ! Казаки! выведите его отъ меня!"

Привыкшій съ дѣтства къ глубокому повиновенію, Хапиловъ, не смѣя болѣе ничего говорить въ свое оправданіе, отдалъ начальнику самый почтительный поклонъ и ушелъ изъ кабинета. Сердце его, огорченное обидою и несправедливостію, раздиралось на части, и глубокая скорбь изображалась на блѣдномъ его лицѣ. Въ сіе время находился въ комнатѣ предъ кабинетомъ притаившійся Сумкинъ. Нѣсколько подслушанныхъ словъ, шумъ въ кабинетѣ и встревоженное лице Хапилова, дали ему вѣрное понятіе о происшедшемъ. Какъ будто бы съ нѣкоторымъ участіемъ, а болѣе для удовольвенія низкому и злему удовольствію, онъ подошелъ на цыпочкахъ къ Хапилову, и съ ужимками сказалъ ему чуть-чуть слышнымъ голосомъ: "Напрасно вы это дѣлаете! Знаете: воля начальства!...." Хапиловъ не дослушалъ его, и не удостоилъ ниже взглядомъ. Сумкинъ посмотрѣлъ вслѣдъ его со злобою змѣи, и сдѣлавъ жестъ рукою, сказалъ про себя: "вотъ"

народецъ! Взять бы этакихъ всѣхъ собралъ, да, гм!.... Жаль, что не моя воля, а то бы...."

-- Ба, Сумкимъ! ты прошелъ весьма кстати -- сказалъ начальникъ, отворивъ дверь изъ кабинета. -- Поди сюда!

"Я пришелъ доложить вашему высокоблагородію. Не безъизвѣстно вамъ, что...."

-- Прежде выслушай меня, а потомъ уже говори свое! -- перебилъ начальникъ, еще несовершенно успокоившійся послѣ сцены съ Хапиловымъ.

"Виновать, ваше высокоблагородіе! Что приказать изволите?"

-- Ты слышалъ разговоръ мой съ этимъ негодяемъ.

"Какъ я осмѣлюсь...."

-- Ну полно, притворствоваться: я знаю тебя: твои уши далеко слышать.

"Но только тогда, ваше высокоблагородіе, когда есть на это воля начальства."

-- Хорошо! я желаю, чтобы ты слышалъ этотъ разговоръ, и слѣдовательно ты уже знаешь: съ какою дерзостію, съ какою обидою къ моему лицу, отвѣчалъ этотъ крамольникъ"

"Волосы дыбомъ стали у меня, ваше высокоблагородіе, не повѣрите? Какъ можно быть столь дерзкимъ, столь непокорнымъ!"

— Ты видишь: тутъ слова уже не дѣйствуютъ. Я начальникъ, и слѣдовательно долженъ предупреждать всякое безпокойство; а чего ждать, если такъ будутъ презирать власть? Вотъ что заставляеть меня приступить къ мѣрамъ строгимъ. Я тебя зналъ, Сумкинъ, всегда человѣкомъ усерднымъ, кромѣ только одного случая... помнишь, въ декабрѣ?

"Что дѣлать, ваше высокоблагородіе! Тогда проштрафился не много. Впередъ таковъ не буду! Не помяните грѣховъ...."

— Я и не поминаю ихъ: ты уже ихъ со сто-рицею вознаградилъ при слѣдствіи; пото-му-то я и хотѣлъ бы поручить тебѣ....

"Все радъ исполнить, ваше высокоблагородіе!"

— Тебѣ, безъ сомнѣнія, извѣстно? что дѣло о Тенявѣ пріостановлено. Ябѣдники перемогли меня; но я еще слажу съ ними! Я не могу выразить тебѣ, какъ я радъ назначенію ревизора: ибо по пріѣздѣ его, я увѣренъ, правда

восторжествуетъ во всемъ блескъ. Между тѣмъ нельзя же, однако жъ, послаблять ослушникамъ и бунтовщикамъ: такъ я хочу поручить тебѣ.... (Тутъ начальникъ остановился, и, примѣтно, обдумывалъ преднамѣреваемый приказъ).... Вотъ что, братецъ! Я сказалъ уже тебѣ, что дѣло Тенявы отложено; по этому уѣздный судъ долженъ скоро отправиться обратно въ Нижнекамчатскъ.... (При семъ словѣ начальникъ снова замолчалъ).. Ну, словомъ, вотъч то: когда поѣдетъ Хапиловъ, то развѣ не могутъ напасть на него разбойники?.... Нельзя же мнѣ имѣть повсюду глаза: я не Богъ! Мало ли что можетъ дѣлаться въ такой обширной странѣ! Могутъ убивать, грабить.... Конечно, жаль человѣка честнаго, добраго, но ослушниковъ, непокорныхъ, эту заразу общества, право, весьма полезное истреблять, какъ говорится, мечемъ и огнемъ.... Ты появляешь меня?

"Кажется, понялъ, ваше высокоблагородіе! То есть, вы изволите...."

-- Терпѣть я не могу этихъ то есть, и ничего не изволю, кромѣ одного вашего спокойствія и благоденствія Камчатки. Если

ты не растерялъ послѣдняго ума въ Куюх-ченѣ, то, кажется, можешь понять, что Хапиловъ и Ревизноръ..."

"Нечего сказать, ваше высокоблагородіе! велика ваша забота о насъ грѣшныхъ, и Богъ убилъ бы насъ громомъ, кабы мы не старались исполнять вашихъ отеческихъ повелѣній...."

— Ну, хорошо, исполняй ихъ съ усердіемъ, какимъ ты всегда отличался къ пользѣ службы: оно не будетъ забыто. Но что же ты хотѣлъ мнѣ сказать, когда пришелъ?

"Да вотъ что, ваше высокоблагородіе! Я пришелъ было вамъ доложить о здоровьѣ Петра Ѳедоровича. Вѣдь, вамъ извѣстно, что я съ нимъ квартирую вмѣстѣ: ужъ насмотрѣлся такихъ ужасовъ, что Господи упаси!"

— Что же такое?

"Страшно и пересказывать, ваше высокоблагородіе! Притомъ не худо бы его положить въ особую какую-нибудь каморочку, а то...."

— Да говори, братецъ! Что такое?

"Такіе казусы рассказываетъ, ваше высокоблагородіе, и все съ вашимъ имене-

мъ!"

— И ты давно не придешь сказать мнѣ объ немъ? О вы, негодные! Всѣ вы на одинъ покрой! Поди къ нему, глупецъ, бѣги бѣгомъ, зажми ему ротъ, и не пускай къ нему ни одной души. Я сейчасъ приду самъ.

Погремушкинъ, котораго душа сильно была потрясена проповѣдію Зуды во время камчадальскаго бунта, съ-тѣхъ-поръ все задумывался болѣе и болѣе, и наконецъ, услышавъ подробности страшной исторіи, случившейся на водахъ, и вѣрную вѣсть о назначеніи ревизора, совершенно помѣшался, и приходилъ время отъ времени въ ужасное бѣшенство. Въ припадкахъ сумасшествія, воображая присутствіе начальника, изступленный укорялъ его самыми страшными словами въ разныхъ злодѣяніяхъ, въ которыя онъ былъ вовлеченъ имъ; бросался на него съ величайшею яростію, и бился самъ до крови, такъ что, наконецъ, должно было связать ему руки и ноги; между-тѣмъ ничего не пилъ, не ѣлъ и высохъ, какъ скелетъ, у котораго остались только страшные, мутные, почти совершенно выкатившіеся глаза и ужасный, нестерпимый

скрежетъ зубовъ.

Въ семь положеніи засталъ его начальни-
къ. Едва показался сей послѣдній, какъ
страшное бѣшенство овладѣло
помѣшаннымъ. Омъ затрясся всѣмъ тѣломъ,
и, съ пѣною во рту, заскрежеталъ зубами.
"Злодѣй! -- закричалъ онъ такимъ голосомъ,
отъ котораго стали дыбомъ волосы у началь-
ника. -- Злодѣй! зачѣмъ ты пришелъ? Губи-
тель! зачѣмъ ты пришелъ? Извергъ! зачѣмъ
ты пришелъ? Я тебя растопчу, растерзаю, раз-
дери адское сердце твое...."

-- Петръ Ѳедоровичъ!-- сказалъ начальни-
къ, подойдя къ его постели -- ты не узналъ ме-
ня...

"Я? Тебя не узналъ, злодѣй? Тебя не узналъ,
убійца? Я не узналъ тебя? Нѣтъ, кровопійца! я
знаю тебя, знаю слишкомъ хорошо! Ты погу-
билъ мою душу и тѣло; ты ввелъ меня въ
свои богомерзскія дѣла; ты научилъ меня
лгать, притворствовать, лицемѣрить; ты
очернилъ мою совѣсть; ты предалъ меня ад-
скому огню.... Видишь ли эти билліоны духо-
въ? Видишь-ли, какъ они жаждутъ моей ду-
ши?.... О злодѣй! ты отдалъ меня въ ихъ руки!

Ты научилъ меня презиратьъ Вѣру и законы; ты далъ мнѣ адской примѣръ смѣяться надъ всѣмъ священнымъ; ты научилъ меня злодѣйствовать.... Я къ тебѣ вступилъ невиннымъ юношею, а теперь что я? грѣшникъ, лицемеръ, святоша, убійца!.... О горе мнѣ!.... Видишь ли, сколько страшныхъ тѣней собралось вокругъ моей постели! Вотъ купецъ Пивоваровъ, котораго мы обвинили, разорили и заморили въ тюрьмѣ! Вотъ...."

Начальникъ задрожалъ при семъ перечисленіи, и схвативъ подушку, бросилъ ее на изступленнаго, и сълъ на нее, кидая вокругъ страшные взоры, выражавшіе и рѣшительность злодѣя и опасеніе душегубца. Больной страшно забился, но не могъ сбросить гнѣтущей его тяжести. Нѣсколько минутъ продолжались судорожные припадки; наконецъ умирающій въ послѣдній разъ вскинулъ ногами и протянулся. Болѣе признаковъ жизни не было. Любопытно бы взглянуть въ сію минуту во внутрь души жестокаго убійцы. Что тамъ происходило? Говорятъ, въ ней была адская тма съ неопредѣленными, безобразными видѣніями

тѣней. Душегубецъ самъ былъ въ сіе время почти въ изступленіи, и съ ужасомъ увидѣлъ въявь грозную тѣнь отравленной имъ супруги, которая, бросивъ на него взоръ поражающій, какъ молнія, казалось, глухо прошептала: "Несчастный! вспомни о душѣ!" Онъ не могъ перенести сего видѣнія, и съ трепетомъ выбѣжалъ изъ комнаты.

Воздухъ и великолѣпныя виды природы освѣжили его воображеніе. Была уже ночь -- ночь теплая, ясная, свѣжая. Чистое темно-голубое небо было усыяно звѣздами. Море спокойно и безмолвно дремало въ своихъ берегахъ. Горы и лѣса, рисовавшіеся на западѣ по отливу потухавшей зари, также погружались въ тишину и сонъ. Все въ природѣ было такъ мирно, такъ тихо, такъ величественно и прекрасно -- и посреди этого превосходнаго созданія шло существо, которое было сотворено для его украшенія, и которое сдѣлалось его безобразіемъ и гибелію!

По приходѣ домой, начальникъ засталъ у себя фельдшера, возвратившагося отъ судьи.

-- Ну, что твой Бутерьъ? -- спросилъ онъ

фельдшера довольно спокойнымъ голосомъ.

"Да что, ваше высокоблагородіе, такъ перетрусился, что даже смѣшно и жалко смотрѣть! Только и твердитъ: "мой все сдѣлаетъ для нашальникъ, лишь бы его не погубить."

-- Ну, хорошо! Я и ждалъ этого. Вотъ какъ дѣлается на свѣтѣ: всегда вмѣстѣ бываетъ и радость и горе. Ты принесъ мнѣ добрыя вѣсти, а я скажу тебѣ худыя; нашъ Петръ Ѳедоровичъ скончался.

"Что вы говорите? Ну, дай Богъ ему царство небесное! Впрочемъ, если молвить правду -- матку, то какъ не скажешь: жила бабушка не мѣшала, а умерла не жаль. Погремушкинъ, ваше высокоблагородіе, былъ себѣ на умѣ!"

-- Да, онъ былъ человѣкъ весьма умный и честный.

"Ну, что касается до честности, такъ это еще подѣ сомнѣніемъ."

-- Полно шутить, Алексѣй -- сказалъ начальникъ, какъ бы не примѣчая продолжающагося дерзкаго тона со стороны фельдшера; -- теперь не то время. Вообрази, какія странныя вещи совершаются ее мною! Сидя у по-

стели Погремушкина, я дожидался его конца. Между тѣмъ смерклося; въ комнатѣ стало довольно темно. Я задумался, и вдругъ слышу шорохъ. Я взглянулъ, и представь мое изумленіе... Но Боже мой, опять она!

"Кто, кто, ваше высокоблагородіе?" -- вскричалъ суевѣрный и трепещущій фельдшеръ.

-- Развѣ не видишь ты? -- сказалъ шопотомъ начальникъ, уставивъ въ уголь устрашенные взоры, и схвативъ фельдшера за плеча. -- Это она!... Жена моя!

"Я ничего не вижу, ваше высокоблагородіе" -- говорилъ фельдшеръ побѣлѣлъ, какъ полотно и дрожа, какъ листь.

-- Слышишь? Опять тѣ же слова: убійца? вспомни о душѣ!

"Вотъ вамъ Христось, ваше высокоблагородіе, хотъ мнѣ сейчасъ провалиться сквозь землю: ничего не вяжу."

-- Она опять скрылась! -- сказалъ тихо начальникъ по нѣкоторомъ молчаніи, начиная свободнѣе переводить духъ"

"Ваше высокоблагородіе, осмѣливаюсь вамъ доложить: не прикажете-ли отслужить па-

нихиду?"

Начальникъ не говорилъ ни слова, погруженный въ глубокое размышленіе. Но когда фельдшеръ повторилъ свое предложеніе, онъ, вслушавшись въ рѣчь его, захохоталъ.

"Панихиду? Ха, ха, ха! Развѣ ты въ самомъ дѣлѣ думаешь, что мертвецы могутъ востать изъ гробовъ и приходитъ беспокоить живыхъ своимъ явленіемъ? Вздоръ, братецъ! Это только призракъ, обманъ, мечта разстроеннаго воображенія, и ваша робость весьма стоитъ того, чтобы надъ всю смѣяться въ веселый часъ. Ха, ка, ха!"

-- Воля ваша, ваше высокоблагородіе -- ска- залъ фельдшеръ съ большею робостію и запинкою -- я радъ бы смѣяться вмѣстѣ съ вами, да не могу: мнѣ все думается....

"Что тебѣ думается?" -- спросилъ начальникъ такимъ голосомъ, который означалъ, что вопросъ сдѣланъ безъ всякаго участія души, которая, судя по выраженію глазъ, неподвижно устремленныхъ на одну точку, была уже сильно занята совсѣмъ другимъ предметомъ.

-- Мнѣ думается -- продолжалъ между тѣмъ фельдшеръ -- что чуть ли это въ самомъ дѣлѣ

не тѣнь Ольги Павловны: такъ ваша обязанность, ваше высокоблагородіе, какъ вы вы говорите, отслужить по ней панихиду. Вѣдь я, хотя и грѣшный человѣкъ, да исполнялъ только вашу волю: вы приказали маѣ научить Караулиху, чтобы она отравила ее; вы велѣли взвалить эту вину на внучку протопопа: на все это была ваша воля...."

"Что ты говоришь, мошенникъ? -- вскричалъ начальникъ, выйдя изъ задумчивости. -- На что была моя воля?"

"Да вѣдь вы, ваше высокоблагородіе, изволили..."

-- Молчать! Клянусь адомъ, если ты скажешь еще хотя одно слово, то я прикажу тебя сковать и заморить въ тюрьмѣ какъ убійцу.... Но эта ненавистная тѣнь опять!

Начальникъ не могъ докончить рѣчи. Зубы застучали у него другъ о друга и задрожали руки и ноги. Между тѣмъ какъ фельдшеръ, у котораго воображеніе было разстроено не менѣе, какъ и у его наставника въ злодѣянiяхъ, вскричалъ съ ужасомъ: "Вижу, вижу!" -- и повалился на полъ.

"Глупая и странная мечта! -- сказалъ на-

чальникъ, не преставаая владѣть собою. --
Встань, Алексѣй! Я слишкомъ погорячился:
теперь намъ надобно дѣйствовать...."

-- Дѣйствуйте, какъ хотите -- отвѣчай фельд-
шеръ, блѣдный и трепещущій, вставая съ по-
ла; -- но я болѣе не слуга вамъ!"

"Что же хочешь ты сдѣлать,
сумасшедшій?"

-- Я долженъ умереть.

"Ты? Умереть?"

-- Да, умереть, потому что теперь только
вижу, что я сдѣлалъ, то, что стоитъ смерти.

"Безумный, ты губишь себя напрасно!"

-- Все равно!

"Остановись! -- вскричалъ начальникъ,
схвативъ его въ изступленіи за грудь, и какъ
бы страшась, что еще душа упадетъ на его
совѣсть.-- Остановись!... Казаки! подите сюда!
Возьмите его и не выпускайте ни куда изъ до-
ма: онъ помѣшался!"

-- Пустите меня! -- кричалъ фельдшеръ, вы-
рываясь у нихъ изъ рукъ. -- О силы небесныя!
сойдите ко мнѣ на помощь!

"Отведите его -- повторилъ начальникъ -- и
не выпускайте ни куда изъ дома. Вы будете

отвѣчать за его жизнь."

Казаки, не смотря на всѣ усилія помѣшавшагося, схватили его и увели, а начальникъ, запершись въ кабинетъ, долго сидѣлъ въ ужасной думѣ, и, наконецъ, вскочивъ на ноги, произнесъ съ нѣкоторымъ изступленіемъ: "Чортъ заberi! Что дѣлается вокругъ меня! Все падаетъ и рушится, и я одинъ остаюсь посреди обломковъ своего зданія! Но что ни будетъ то и будь: обратной дороги для меня уже нѣтъ! Мнѣ одна дорога, страшная дорога.... въ адъ!... Но покамѣстъ еще живу я, меня ничто ни поколеблетъ? Буду дѣйствовать до послѣдняго вздоха! Въ вѣчности мнѣ уже ждать нечего; по крайней мѣрѣ здѣсь проживешь счастливо, сколько можно. Что робѣть?... Одно сумасшедшаго я сбылъ съ рукъ; теперь надобно подумать о другомъ. Если эта скотина, воображая, что онъ скоро умретъ также вздумаетъ каяться и рассказывать мои тайны. Плохая шутка!... Нечего дѣлать; надобно пустить въ ходъ бумагу Караулихи: это будетъ мнѣ лучшею опорой.... и такъ теперь только одна эта вѣдьма осталась изъ всей моей свиты.... Все къ луч-

шему: отъ одной отдѣлаться не долго; только прежде удалось бы докончить, съ помощію ея, мои планы съ этою дѣвчонкою... О мученіе!... Опять эта несносная тѣнь! Опять тѣ же слова!....

ЧАСТЬ IV.

XXIII. ПОКАЯНІЕ.

Мичманъ и Ивашкинъ были заключены въ одной тюрьмѣ: это была обширная, грязная и темная изба, съ однимъ окошкомъ, загороженнымъ желѣзною рѣшеткою. Мичманъ былъ прикрѣпленъ къ стѣнѣ толстою цѣпью; Ивашкинъ сидѣлъ на свободѣ. Но не по степени взводимыхъ на нихъ преступленій было расположено ихъ заключеніе: злой соперникъ мичмана, не надѣясь погубить его по суду, послѣ полученія повелѣнія: оставить дѣло объ убійствѣ Тенявы до пріѣзда ревизора, рѣшился уморить его въ тюрьмѣ, и всячески стараясь увеличить его страданія, томилъ голодомъ и жаждою. Ни молодость, ни крѣпость силъ, не спасли бы его отъ смерти, если бы добрый Ивашкинъ

не былъ на сей разъ его ангеломъ-хранителемъ, и не облегчалъ его и душевныхъ и тѣлесныхъ скорбей. Пользуясь любовію и уваженіемъ многихъ изъ караульныхъ казаковъ, Ивашкинъ дѣлилъ съ нимъ свой скудный обѣдъ, и голосомъ опытнаго, мудраго старца утверждалъ ослабѣвавшаго юношу въ необходимости крестной жизни, въ упованіи на неукоснительную помощь Божію, о въ преданіи себя на Его святую волю.

"Эхъ, Викторъ Ивановичъ! -- говорилъ онъ мичману -- для того мы и созданы на сей свѣтъ, чтобы здѣшнимъ страданіемъ испустить будущее блаженство! Кому хорошо здѣсь, тому будетъ худо тамъ: ибо въ счастіи люди большею частію развращаются и забываютъ Бога. Посмотрите на меня: меня люди не только погубили, но и положили на мое лице клеймо безчестія, которое навсегда разлучило меня съ самымъ драгоцѣннѣйшимъ для человѣка на землѣ -- съ родиною; а за что? Богъ судитъ моимъ гонителямъ! Но никогда мой языкъ не произнесъ имъ страшнаго слова: проклятіе; никогда я не допускалъ богохульнаго ропота на свой жребій и всегда бла-

гословляль и благословляю доднесь святую десницу, меня карающую {Ивашкинъ былъ сосланъ невиннымъ. Смолтр. Путешествіе Крузенштерна.}! И какое право имѣеть одинъ человекъ роптать, когда милліоны страждутъ? Если бы можно было прислушаться къ гулу, раздающемуся на землѣ, и обхватить однимъ взоромъ весь родъ человѣческой... о! чтобы мы услышали и увидѣли!... Всеобщій вопль и стенанія оглушили бы насъ, и страшное зрѣлище слезъ и крови поразило, раздробило-бы на части наше сердце!"

-- И все это благо и все добро? -- сказалъ мичманъ съ усмѣшкою ужаснѣйшаго отчаянія.

"Такъ, все это благо и все добро: ибо жизнь наша не здѣсь, а тамъ!"

-- Гдѣ жъ это тамъ?

"Этого не дано знать человеку, потому-что не нужно: здѣсь намъ дана вѣра и надежда."

-- Надежда!... Ха, ха, ха! Мечта, которою обольщаютъ себя бѣдняки!

"Но если и обманываетъ насъ иногда надежда земная: то небесная никогда!... Викторъ Ивановичъ! -- воскликнулъ Ивашкинъ

въ какомъ-то священномъ восторгѣ, схвативъ мичмана за руку -- мужайтесь духомъ: здѣсь нѣтъ счастья, но тамъ... тамъ оно есть; это говоритъ мнѣ мое сердце!"

-- Но мое сердце мнѣ не говорятъ ничего; оно умерло для всякаго счастья, для всякой надежды.

"Не гнѣвите Бога, Викторъ Ивановичъ, не предавайтесь отчаянію!"

-- Да! я послушался бы васъ, если бы вы могли измѣрять бездну моего несчастья. Вы оклеветаны, согнаны съ блестящей дороги, которая васъ вела къ чести и знатности; изгнаны, обезчещены, заточены,-- конечно, это страшное злополучіе; но вы не испытали измѣны, ужасной измѣны сердца, которое-бы вы почитали святилищемъ, недоступнымъ ни какому пороку; измѣны того человѣка, котораго бы любили болѣе самого себя, котораго бы вы считали небеснымъ духомъ, и который бы сталъ... О Боже!... Я видѣлъ прекрасное существо, которое, можетъ быть, готово было наименовать меня своимъ сыномъ, и эта злополучная... О! для чего ты, Небо, сохраняешь еще мое пагубное бытіе?... Возьми его! Возь-

мите у меня жизнь! Несчастнѣй упаль ниць на скамью и зарыдалъ горько.

"Викторъ Ивановичъ! -- сказалъ Ивашкинъ съ важнымъ видомъ -- вы богохульствуете?"

-- Что это значить?

"Вы проклинаете жизнь, и слѣдовательно оскорбляете Творца, вамъ ее давшего! Вы не видите Его путей, и дерзаете мыслить, что они не правы! Малодушнѣй! я испыталъ не менѣе твоего: и я любилъ нѣкогда, и я подучалъ клятвы въ вѣрности; скажу еще болѣе: я имѣлъ друга, горячо любимаго мною друга, для котораго не жалѣлъ мы самой жизни моей -- и что же? Этотъ-то другъ и погубилъ меня, и, невѣрная! отдала ему свою руку..."

-- А вы?

"А я благословляю Провидѣніе, инесу безропотно ношу скорбей, чтобы успокоиться въ могилѣ!"

Мичманъ взглянулъ на своего собесѣдника съ чувствомъ невольнаго уваженія. "Великій человекъ! -- подумалъ онъ -- и ты въ рубищѣ и уничиженіи!"

Разговоръ прекратился на нѣсколько вре-

мени. Оба разговаривавшіе, сильно взволнованные мыслями, погрузились въ думу; но потомъ мичманъ, примѣтно успокоившійся, сказалъ:

"Конечно, Аркадій Петровичъ, когда несчастіе прошло, тогда можно уже покоряться судьбѣ; но бѣдствіе настоящее..."

-- А развѣ вы находите настоящее положеніе мое счастливымъ? Развѣ я не въ ссылкѣ, не въ тюрьмѣ, не въ нищетѣ, не обезчещенъ, не опозоренъ? И развѣ я -- произнесъ Ивашкинъ дрожащимъ голосомъ, залившись слезами -- развѣ я не лишился послѣдняго человека, любившаго меня на сей землѣ?

"И за всѣмъ тѣмъ?..."

-- И за всѣмъ тѣмъ благодарю Создателя моего, и не ропщу на свой жребій: здѣшняя жизнь -- мгновеніе, а тамошняя -- вѣчность!

"Боже Всемогуцій!-- воскликнулъ мичманъ -- отчего я не имѣю этой удивительной преданности Твоей волѣ?"

-- Молясь Ему, Викторъ Ивановичъ, молись: это бездна благодати и милосердія; это отецъ, который и въ тѣ ужасныя минуты, когда все бѣжитъ отъ несчастнаго, простира-

еть къ нему отрадную руку и проливаетъ утѣшеніе въ его растерзанное сердце. Молись ему, юноша, молись, и я стану также молиться за тебя!

Ивашкинъ, со слезами на глазахъ, произнесъ самую пламенную молитву, вылетѣвшую изъ глубины его сердца. Мичманъ былъ пораженъ этимъ зрѣлищемъ. Душа его умилилась, и въ первый разъ, по приключеніи съ нимъ несчастія, слезы полились изъ его глазъ.

"Благодарю тебя, добродѣтельный человѣкъ -- сказалъ онъ, сжимая руку Ивашкина -- благодарю: ты облегчилъ мою горестъ, и пролилъ какой то цѣлебный бальзамъ въ мое сердце; мнѣ стало теперь гораздо легче."

-- Благодарите того, Викторъ Ивановичъ, отъ котораго вѣчно истекаетъ благодать и щедрота. Не преставайте прибѣгать къ Нему въ часъ скорби и отчаянія -- и вы всегда получите скорую помощь....

"Да! когда уже не осталось ничего на землѣ...."

-- Но для чего вамъ такъ думать? Я, конечно, жизнь свою уже прожилъ; но ваша едва

начинается....

"И скоро кончится!"

-- Но она не должна кончиться. Вы обязаны сберечь ее, если не для себя, такъ для отечества.

"Это не въ моей власти; и притомъ, что такое отечество?"

-- Священная страна, пріютъ въ дни дѣтства и успокоеніе въ старости!

"Пусть будетъ такъ; но эта цѣпь слишкомъ хорошо связала меня и для себя и для отечества!"

-- Викторъ Ивановичъ! вы видите: мнѣ предана наша стража. Эти добрые люди сами не могутъ смотрѣть равнодушно на ваши страданія. Скажите слово -- и вы свободны!

"Какъ? Вы предлагаете мнѣ бѣжать? Мнѣ бѣжать! Куда и зачѣмъ?"

-- Затѣмъ....

"Замолчи, старый грѣшникъ! -- вскричала вбѣжавшая въ тюрьму цыганка. Мичманъ вздрогнулъ и отворотился къ стѣнѣ; но Ивашкинъ сохранилъ свое непоколебимое спокойствіе. -- "Я все подслушала! -- продолжала она. -- Лукавая лисица! Ты не обманешь

меня?"

-- Тебя?

"Я всё знаю твои умыслы, и прежде, чѣмъ ты сманишь моего безпутнаго сына..."

-- Боже Великій! -- воскликнулъ мичманъ голосомъ величайшей горести.

"А я такъ скажу тебѣ,-- прервалъ равнодушно Ивашкинъ -- что размозжу тебѣ голову прежде, чѣмъ ты назовешь его въ другой разъ своимъ сыномъ!"

-- Какъ?

"Да говори скорѣе: зачѣмъ ты пришла, и не заражай..."

-- Аркадій Петровичъ! -- произнесъ мичманъ умоляющимъ голосомъ -- оставьте ее: можетъ быть, она въ самомъ дѣлѣ мать моя.

"Можетъ быть! -- повторила цыганка укоризненнымъ голосомъ -- можетъ быть! Такъ знай же, безумецъ, что тотъ, кому ты писалъ вчера, спрашивая: отецъ ли онъ твой? послалъ меня сказать тебѣ, что одни изверги ищутъ своихъ родителей только въ тѣхъ, кто богатъ и въ чести, и презираютъ тѣхъ, которые въ нищетѣ и униженіи..."

-- И такъ, все совершилось! -- произнесъ съ

отчаяніемъ мичманъ, схлопнувъ руками поникнувъ головою на грудь. -- Я погибъ!

"Неблагодарный, отступникъ, извергъ! -- завопила цыганка -- я дала тебѣ жизнь, воспитала, пожертвовала для тебя всѣмъ, самою любовію матери, а ты? Ты подыскался подомною, обезчестилъ меня, погубилъ, и теперь еще не хочешь признать меня своею матерью! Да будетъ же проклятъ часъ, въ который ты родился на свѣтъ! Да будетъ...."

-- Пощади! -- возопилъ мичманъ, повалившись на скамью.

"Если ты точно мать его -- скажешь строго Ивашкинъ, -- то ты должна сжалиться надъ нимъ!"

-- Нѣтъ, нѣтъ для него жалости: она умерла давно въ моемъ сердцѣ! Проклинаю его сто-кратно, проклинаю....

"Милосердый Боже!" -- тихо простоналъ мичманъ.

-- Такъ, замолчи же, злодѣйка! -- вскричалъ Ивашкинъ, схвативъ Цыганку за грудь, бросивъ ее на полъ, и зажавъ ей ротъ. -- Я вижу, что ты не мать его, а фурія!

"Пощадите ее, пощадите!" -- говорилъ мич-

манъ едва слышнымъ голосомъ.

Въ это мгновеніе Цыганка, обладавшая неженскою силою, рванулась съ необыкновеннымъ усиліемъ, сбросила съ себя Ивашкина, и съ крикомъ: "карауль! разбой! душатъ!" кинулась въ двери; но едва она успѣла занести ногу черезъ порогъ, какъ грозное страшное лице схватило ее за горло: это былъ полунагой, полуживой, съ блѣднымъ изсохшимъ лицомъ и выставившимися глазами мертвецъ. Трудно было узнать въ немъ фельдшера.

"Стой! -- завопилъ онъ охриплымъ, болѣзненнымъ, но пронзительнымъ голосомъ. -- Стой! Въ эту минуту ты мнѣ всего нужнѣе." Съ напряженіемъ всѣхъ силъ онъ вдернулъ ее въ тюрьму, и не давъ опомнишься ей отъ изумленія, повергнулъ ее на полъ, и ставъ колѣномъ на грудь, произнесъ съ страшнымъ воплемъ: "Кайся! Кайся въ твоихъ злодѣйствахъ!"

Мичманъ не могъ объяснить себѣ, что такое совершалось предъ его глазами: сонъ или существенное явленіе, и то глядѣль на сіе, то снова закрывалъ глаза, какъ бы желая повѣрить свое сомнѣніе. Ивашкинъ также

смотрясь съ изумленіемъ; равнымъ образомъ и козаки, какъ караулившіе тюрьму, такъ и прибѣжавшіе вслѣдъ за фельдшеромъ, бывъ поражены симъ зрѣлищемъ, стояли въ безмолвіи. "Кайся! -- кричалъ мертвецъ. -- Викторъ Ивановичъ! мы съ этою злодѣйкою, а не невѣста твоя, виновны въ смерти Начальницы; мы умертвили ее, и оклеветали невинную...."

-- Боже мой! что я слышу? -- говорилъ шопотомъ Мичманъ, все еще не довѣряя самъ себѣ.

"Мы сговорились съ Начальникомъ на это злодѣяніе; мы, а не невѣста твоя, украли доносъ твой; мы всѣму злу причиною; мы погубили васъ, мы злодѣи, убійцы!"

Больной не могъ болѣе говорить, ослабѣлъ, и упавъ на полъ, покатился въ ужасныхъ конвульсіяхъ.

-- Скажите мнѣ, ради Бога скажите мнѣ, Аркадій Петровичъ -- говорилъ мичманъ умоляющимъ голосомъ -- что это такое? Мечта, сонъ, видѣніе моей разстроенной души?

"Нѣтъ, Викторъ Ивановичъ, это не сонъ, но здѣсь рука Промысла: вы видите, злодѣй

невольно кается въ погубленіи васъ."

-- И такъ я обмануть, жестоко обмануть?

"Мы тебя обманули! -- вопіялъ валявшійся на полу въ смертныхъ страданіяхъ фельдшеръ.-- Я твой губитель! Я тебя обнесъ, оклеветалъ неповиннаго въ убійствѣ, а самъ... сдѣлался настоящимъ убійцею! Ахъ! зарѣжь меня, приколи, растерзай меня скорѣе... Нѣтъ болѣе силъ терпѣть этихъ адскихъ мученій!"

-- Мерзавецъ! -- вскричала съ величайшею злобою и изступленіемъ цыганка, отдохнувшая между-тѣмъ отъ боли, причиненной фельдшеромъ, и кинувшаяся на него съ ножомъ, схваченнымъ ею со стола. -- Мерзавецъ! я тебя избавлю отъ этихъ мученій:

"Держите ее!" -- вскричалъ Ивашкинъ, и бросившись къ ней, успѣлъ схватить ее за руку. Казаки кинулись къ нему на помощь, и мгновенно обезоружили убійцу.

-- Ребята! -- сказалъ Безшабашный, бывшій въ караулѣ -- скрутимъ на ей руки, чтобы не барахталась, да поведемъ къ начальнику.

"Вы успѣете еще увести ее! -- сказалъ Ивашкинъ. -- Но теперь лучше позовите сюда скорѣе отца протоіерея: вы видите, фельд-

шеръ издыхаетъ, и можетъ умереть безъ покаянія; грѣхъ останется на васъ!"

Казакѣ, потолковавши нѣсколько между собою, послали одного изъ среды себя за протопомъ. Между тѣмъ больной не преста-валъ кататься по полу, и когда Ивашкинъ предложилъ ему лечь на скамью, разостлавши на нее свой армякъ, онъ, съ ужаснымъ скрежетомъ зубовъ, отвѣчалъ ему: "Оставь меня, оставь! Мало мнѣ этого, злодѣю!"

-- Видите, Викторъ Ивановичъ -- говорилъ Ивашкинъ -- какъ Богъ и милосердъ и справедливъ! Кто внушилъ этому несчастному придти къ вамъ съ раскаяніемъ, если не Тотъ, Кто владѣетъ нашими помышленіями? Я давеча говорилъ вамъ: надо Ему молиться, и Онъ не замѣдлитъ поспѣшить на помощь!... Но отъ чего же я еще не вижу слѣдовъ радости на вашемъ лицѣ, когда величайшая тягость спала съ вашего сердца -- и невѣста ваша невинна?

"Но я виновенъ предъ нею! Проститъ ли она меня? Притомъ, эта женщина!... о! если она на самомъ дѣлѣ мать моя!"

-- Нѣтъ, она не мать твоя!-- прохрипѣлъ

умирающей фельдшеръ. -- Я знаю ее давно.... Я былъ бѣглый солдатъ, и вмѣстѣ съ нею участвовалъ нѣкогда въ воровствахъ. Она....

"Околѣй, дьяволь! -- завопила цыганка, порываясь изъ рукъ казаковъ -- околѣй! О кабы я могла вырвать съ корнемъ твой проклятый языкъ!"

-- Зажмите ей ротъ! -- вскричалъ Ивашкинъ.-- Зажмите, вотъ такъ, чтобы она не могла слова пикнуть!

Но между тѣмъ съ больнымъ увеличились припадки, и онъ не былъ въ состояніи сказать ни одного слова на безчисленные вопросы мичмана.

"Экая причина, ребята! -- говорили казаки -- смотри, что онъ умретъ безъ покаянія! Что это отецъ протопопъ замѣшкался! Бѣги-ка ты за нимъ, Егорка!.... А вотъ, слава Богу идетъ!"

-- Не опоздалъ ли я? -- спросилъ съ нетерпѣніемъ протопопъ.

"Да чуть ли не опоздали, отецъ Петръ! -- сказалъ Ивашкинъ. -- Впрочемъ онъ ужъ во всемъ раскаялся. Вотъ что онъ при всѣхъ васъ говорилъ...."

Ивашкинъ пересказалъ, въ краткихъ сло-

вахъ, признаніе фельдшера, а протопопъ, съ видомъ величайшаго умиленія, произнесъ: "Благодарю тебя, Господи Боже Всемилосердый: что Ты не попустилъ погубить невинную сироту! Я твердо увѣренъ былъ, Аркадій Петровичъ, что Господь, рано или поздно откроетъ ея невинность.... Но дайте же мнѣ поскорѣе заняться этимъ несчастнымъ.... Друзья мои! -- сказалъ онъ обратившись къ казакамъ -- положите его на лавку.... Ахъ, Господи! какъ онъ мучится! Какъ ужасно сводитъ его члены и какъ пѣна бьетъ изо рта!... Зажгите-ка эту свѣчку, и поставьте передъ образомъ.... Алексѣй Пантелѣичъ! я пришелъ, любезный, къ тебѣ.... Перекрестись, если можешь, и если слышишь меня, то дай знать мнѣ хотя движеніемъ руки.... Алексѣй Пантелѣевичъ!"

Больной почувствовалъ призывающій его голосъ, еще разъ раскрылъ глаза, и взглянувъ на протопопа, съ видомъ величайшаго раскаянія, произнесъ умирающимъ голосомъ: "отецъ Петръ! простите меня!"

Послѣднія слова произнесены были шепотомъ. За тѣмъ послѣдовало страшное молчаніе. Еще раскрылись глаза, потухшіе и

остановившіеся -- и потомъ закрылись завсегда. "Онъ скончался! -- сказалъ протопопъ съ чувствомъ живѣйшаго участія. -- Господь да простить его согрѣшенія!"

Послѣ сего, совершивъ надъ умершимъ установленныя молитвы, протопопъ сказалъ казакамъ, чтобы отнесли его на квартиру, и потомъ подошелъ къ мичману, который, при приближеніи его, затрепеталъ, какъ преступникъ, не смѣя поднять на него глазъ.

-- Что съ вами сдѣлалось, Викторъ Ивановичъ? -- спросилъ протопопъ. -- Отъ-чего вы такъ дрожите? Вы все еще больны?

"Нѣтъ, здоровъ; но... я оскорбилъ васъ; оскорбилъ Марію.... Ахъ, я знаю, что достоинъ всего вашего гнѣва!"

-- Полноте, Викторъ Ивановичъ! На что я буду сердиться, когда вы нисколько не виноваты? Васъ нарочно старались разстроить съ Машей! Все дѣло въ томъ, что Антонъ Григорьевичъ, забывъ и совѣсть и страхъ Божій, рѣшился или погубить васъ обоихъ, или же-ниться за ней...

"Что я слышу?"

-- И сегодня еще поутру приходилъ онъ ко

мнѣ съ предложеніемъ, что если я хочу спасти Машу отъ гибели, то отдалъ бы ее за него...

"Злодѣй!"

-- Но я сказалъ ему рѣшительно, что я надѣюсь на единую помощь Божію, по слову писанія: не надѣйтесь ни на князи, ни на сыныи челоувѣческія; что если святой волъ Его не угодно будетъ примирить васъ между собою....

"О мой отецъ! О мой другъ! -- воскликнулъ мичманъ -- если Марія отвергнетъ раскаявающагося преступника, то я готовъ умереть у ногъ ея!"

-- И не смотря на то -- сказалъ хладнокровно Ивашкинъ -- умрете въ этой тюрьмѣ, не выдавъ ее!

"Такъ! Я не могу имѣть и этого послѣдняго утѣшенія!"

-- Нѣтъ, можете, если вамъ пріятнѣе обнять вашу невѣсту, нежели нянчиться съ этою подругою (Ивашкинъ указалъ на цѣпь).

"Неужели мнѣ должно бѣжать, какъ преступнику! Нѣтъ; что бы ни стало со мною, я этого сдѣлать не могу!"

-- Отець Петръ! -- сказалъ возвратившійся въ сіе время, по отнесеніи фельдшера, Безшабашный -- мы теперь шли мимо дома Горбунова, и, смотри, что-то тамъ не ладно совершается: кажись голосъ начальника и Марьи Алексѣевны

"Боже милостивый!" -- воскликнулъ протопопъ, упавъ безъ чувствъ на полъ.

-- Проклятая цѣпь! -- вскричалъ мичманъ съ величайшимъ изступленіемъ. -- Теперь ты меня не удержишь (онъ рванулъ цѣпь, и выдернулъ ее изъ стѣны)!

"Что вы дѣлаете? -- говорилъ Безшабашный. -- Вы хотите бѣжать; но мы не смѣемъ васъ отпустить."

-- Пустите меня или...

"Насъ стращать нечего: мы не трусова десятка! Изволь-ка убираться на свое мѣсто!"

-- Разбойники! я размозжу вамъ всѣмъ головы!

"Ребята! -- сказалъ Безшабашный -- берите его, да свяжемъ по рукамъ и по ногамъ."

-- Остановитесь! -- вскричалъ Ивашкинъ -- остановитесь! Вы слышали, что онъ ни въ чемъ невиновенъ; что его терзаютъ напрасно;

что злодѣй для того только губить его, чтобы отнять у него невѣсту, и, можетъ быть, въ эту минуту совершаетъ ужаснѣйшее изъ преступленій... Если вы христіане, вы не должны исполнять волю душегубца... Пустите его!

"Мы дали присягу!"

-- Вы дали присягу служить вѣрою и правдою Государынѣ; но здѣсь вы видите явное нарушеніе всѣхъ законовъ и Божескихъ и Государевыхъ. Вы сами будете отвѣчать, когда допустите погубить невинность!

"В что въ самомъ дѣлѣ, ребята -- сказалъ Безшабашный -- вѣдь теперь въ домѣ Горбунова не добро творится! Такъ и быть: пусть же судить насъ Богъ и Государыня, но не дадимъ злодѣю смѣяться надъ сиротою. Пустимъ его, ивсѣ пойдемъ съ нимъ вмѣстѣ!"

-- Пойдемъ, ребята! -- вскричали казаки въ одинъ голосъ. -- Пойдемъ! За добро не стануть судить насъ!

XXIV. ПРИМИРЕНІЕ.

Начальникъ, получивъ рѣшительный от-
казъ въ рукѣ Маріи, вышелъ отъ прото-
попа съ величайшею яростію, хотя при
прощаніи и утаилъ ее въ сердцѣ. "Теперь -- ду-
малъ онъ, идучи дорогою -- жребій мои бро-
шенъ: пусть этотъ старый хрычъ лопнетъ съ
досады, а я цѣли своей достигну! ни Богъ, ни
адъ не остановятъ меня въ моемъ намѣреніи:
я не жду болѣе милости и презираю всякія му-
ки!"

Мы не будемъ доканчивать сихъ страшны-
хъ размышленій злодѣя, уже перешедшаго
всѣ предѣлы возможности раскаянія, и скаже-
мъ только то, что отъ принялъ рѣшительное
намѣреніе посѣтитъ въ тотъ же день Марію.

Положеніе сей несчастной со стороны
содержанія не было слишкомъ худо: ибо губи-
тель ея, для собственныхъ адскихъ цѣлей,
старался о ея выздоровленіи. Горница, гдѣ
жила она, была довольно просторна и опрят-
на, какъ въ порядочномъ крестьянскомъ
домѣ. Пища доставлялась ей не только здоро-
вая, но и пріятная. Самая свобода ея не была
совсѣмъ стѣснена: ей позволялось гулять въ
огородѣ, который хотядля пріѣзжаго не пред-

ставиль бы инаго зрѣлица, кромѣ скудости тамошней природы, но для жительницы Камчатки былъ, по крайней мѣрѣ, не непріятенъ {Въ Камчаткѣ родится картофель, капуста, не вьющаяся, однакожь, въ кочни, рѣпа и рѣдька. Хлѣбъ сѣютъ весьма мало и только во внутреннихъ мѣстахъ, по рѣкѣ Камчаткѣ.}. Все это, конечно, не могло возвратитъ Марію ея прежняго здоровья и красоты, однакожь, при ея молодости, крѣпкомъ сложеніи и особенно при твердомъ упованіи на Бога, поддержало ея жизнь. Она страдала, но не предавалась отчаянію, и горестъ ея, растворенная чувствованіемъ невинности и живою надеждою на высшую помощь и лучшую жизнь, если не здѣсь, такъ за гробомъ, придавала ея чертамъ нѣчто возвышенное, неземное: ибо счастье сближаетъ насъ съ землею, а злополучіе приближаетъ къ Небу; и тотъ, кто никогда не былъ несчастливъ, заслуживаетъ истинное сожалѣніе!

Марія, пробудившись на самомъ разсвѣтѣ, сѣла подъ окно. Все покоилось и въ природѣ и въ смутномъ жилищѣ людей; только чуть-чуть подуваль легкій утренній вѣтерокъ, и

море едва плескалось въ берега. Небо было чисто. Воздухъ прозраченъ и прохладенъ. Вдали поднималась заря. Прекрасное, радостное явленіе утра имѣло цѣлебное дѣйствіе на душу Маріи, какъ и всегда бываетъ съ несчастными: имъ кажется, что, при всеобщемъ праздникѣ, воскресеніи природы, невозможно, чтобы одни они были забыты и опредѣлены на мученія. Свѣтлый, прелестный лучъ надежды блеснулъ ярко въ душѣ нашей страдальцы, и ей такъ живо, такъ ясно представилось могущество Творца, что, въ умилительномъ восторгѣ души, она залилась слезами, и бросилась на колѣна, обративъ молящій взоръ на лучезарный Востокъ, откуда, казалось ей, вмѣстѣ со свѣтомъ лились утѣшеніе и отрада.

Дѣйствіе молитвы всегда благодѣтельно: Марія цѣлое утро чувствовала себя весьма легко, тѣмъ болѣе, что при ней не было на сей разъ ея ненавистнаго аргуса -- Марины, которая въ сіе время отлучалась отъ нея, имѣвъ продолжительную конференцію съ начальникомъ. Злодѣй и сластолюбецъ разспрашивалъ ее со всею подробностію о душевномъ

разположеніи Маріи -- и цыганка, находя замѣченное уже нами выше дьявольское удовольствіе подстрекать своего губителя на новыя злодѣянія, и притомъ мучить свою невинную соперницу, обманула его. По словамъ ея, Марія уже начинала охотно слушать рассказы объ удовольствіяхъ брачной жизни и о выгодѣ быть женою челоуѣка богатаго и чиновнаго. Гнусная страсть вспыхнула въ грѣшникѣ. Не откладывая далѣе своихъ намѣреній, злодѣй пошелъ къ протопопу. Послѣдствія ихъ свиданія уже извѣстны. Цыганка, возвратившись къ Маріи, начала съ адскимъ смѣхомъ надъ нею издѣваться.

-- Я рада, что ты сегодня не такъ печальна, какъ прежде, и не такъ сердито на меня смотришь; за то и я тебѣ скажу радостную вѣсть.

Марія хотя убѣгала всякаго разговора съ Мариною: ибо злодѣйка всегда растворяла его ядомъ; но обольщенная мечтательными надеждами сердца, бѣдная думала что въ настоящихъ словахъ Марины уже заключается ихъ исполненіе, и съ нетерпѣніемъ спросила ее: "Не узналъ ли онъ, что я невинна?"

-- Это -- онъ отвѣчала цыганка съ

усмѣшкою, будто бы не понимая, про кого говоритъ Марія -- это онъ давно уже знаетъ!

"О еслиэто правда, то благодарю Тебя, Боже мой! Одного этого я и желала: теперь что ни будетъ со мною, я все снесу терпѣливо!"

-- И я скажу тебѣ еще болѣе: онъ сегодня къ тебѣ придетъ...

"Онъ придетъ комнѣ? Викторъ?"

-- Какой Викторъ! Не про него рѣчь: онъ сидитъ въ тюрьмѣ, и скоро исчахнетъ въ цѣпяхъ.

Смертная блѣдность выступила на лицѣ Маріи. Цыганка продолжала:

-- Рѣчь о начальникѣ. Вѣдь я тебѣ твержу давно, что онъ отъ тебя безъ памяти.

"Переставь! -- воскликнула Марія, всплеснувъ руками.-- Если ты вѣришь чему-нибудь святому, то заклинаю тебя этимъ -- не мучь меня!"

-- Что за мука быть женою начальника?

"Боже мой, Боже мой!"

-- Ну, а если не нравится быть его женою, то можешь сдѣлаться его любовницею. Правда, когда пройдетъ молодость и спадетъ красота, то онъ, безъ сомнѣнія, тебя броситъ;

но чтожъ такое? Не ты первая, не ты и послѣдняя! Я сама была нѣкогда не хуже тебя...

Марія ничего не отвѣчала, и только самые болѣзненные вопли вырывались изъ ея души. Языкъ злобы наконецъ истощился. Марія отдохнула. Наступилъ вечеръ. Вдругъ опять цыганка вбѣжала къ ней съ видомъ фуріи и съ адскою радостію на глазахъ, сказала: "Вотъ, видишь, я правду говорила тебѣ давеча: онъ придетъ; вонъ идетъ онъ! Радуйся!" Но противъ ожиданій ея, Марія не оробѣла: отчаяніе придало ея душѣ невѣроятныя силы. Спрятавъ, украдкою отъ цыганки, ножъ въ рукавъ своего платья, она сѣла подлѣ стола и ожидала своего злодѣя съ величайшимъ, повидимому, спокойствіемъ. Онъ вошелъ въ горницу, и прежде обратился къ цыганкѣ. "Я забылъ тебѣ сказать -- говорилъ онъ -- что твой сынокъ прислалъ мнѣ письмо, въ которомъ описываетъ свое происхожденіе и набивается мнѣ въ сыновья. Поди и скажи ему..." Продолженіе сего приказанія мы знаемъ. Цыганка, бросивъ взоръ нечеловѣческой радости на Марію, вышла изъ горницы, и остано-

вившись на нѣкоторое время у дверей, прислушивалась съ дикимъ удовольствіемъ начавшемуся между Маріею и начальникомъ разговору, и потомъ отходя прочь, сказала съ неимовѣрною злобою: "Празднуй, злодѣй; праздникъ твой не дологъ! Теперь пойду потѣшусь надъ твоимъ выродкомъ, а тамъ наступитъ и твоя очередь!"

Въ продолженіе сего между начальникомъ и Маріею началась слѣдующая сцена:

"Марья Алексѣевна! -- сказалъ начальникъ строгимъ голосомъ -- вы, чай, знаете за что вы содержитесь?"

-- За что бы я ни содержалась -- отвѣчала Марія съ твердостію, -- но я знаю одно то, что я невинна!

"Хорошо! О невинности твоей поговоримъ послѣ; но теперь я долженъ сказать тебѣ, что если ты имѣешь хоть какое-нибудь сердце, то должна чувствовать цѣну моихъ благодѣяній, и быть, вразсужденіи меня, по крайней мѣрѣ, благодарною..."

-- Вамъ благодарною? -- съ живостію прервала Марія.

"Да, благодарною! повторилъ начальни-

къ.-- На тебя поданъ мнѣ ужасный доносъ, что ты отравила мою жену. Я давно могъ бы произвести слѣдствіе, и осудить тебя, а ты видишь я что дѣлаю? Съ собственною своею опасностію я хочу спасти тебя: я медлю, забочусь о твоёмъ содержаніи, о здоровьѣ, о спокойствіи..."

-- Но было бы гораздо съ вашей стороны великодушнѣе, когда бы вы приказали убить меня однимъ разомъ, чѣмъ по каплѣ пить мою кровь.

"Такъ! Неблагодарная! я звалъ напередъ, что инаго ожидать отъ тебя нечего! Хорошо! Я болѣе тебя не стану щадить: предамъ тебя суду; пусть же полюбуется твой старый дѣдъ, когда тебя выведутъ на мѣсто казни, и когда..."

-- Но чего вы хотите отъ меня?

"Ты знаешь, чего я хочу. Я люблю тебя. Если хочешь избавиться отъ казни: будь моею женою!"

-- Никогда!

"А казнь?"

-- На все готова!

"А думаешь ли ты, что твой дѣдъ перене-

сеть твое безчестіе?"

-- Я знаю, что онъ не перенесетъ этого, и смерть его падетъ на твою душу!

"Э! такъ ты такова! Но нѣтъ голубушка ты не отдѣлаешься отъ меня; ты моя!"

-- Отойди, злодѣй! -- вскричала Марія, принимаясь за ножъ.

"Вздоръ! Ты должна быть моею!"

Марія, отскочивъ на нѣсколько шаговъ отъ губителя, выдернула изъ рукава ножъ, и занеся его себѣ на грудь, сказала ему съ величайшею твердостію: "Если ты сдѣлаешь еще одинъ шагъ ко мнѣ, меня не будетъ!"

-- Ты рѣшаешься на самоубійство?

"Рѣшаюсь!"

-- И не боишься вѣчной муки?

"Ты будешь отвѣчать за меня!"

-- Но подумай, что если ты сдѣлаешься моею женою, то будешь пользоваться честію, богатствомъ, довольствомъ; все мое будетъ принадлежать тебѣ; я раскрою предъ тобою всѣ мои сокровища, и каждое твое слово...

"Замолчи обольститель! Я ненавижу тебя, и презираю твои богатства!"

-- Испытаніе кончилось! -- сказалъ началь-

никъ, вдругъ принявъ на себя радостный и довольный видъ, и сѣвъ на скамью.-- Милая дочь моя! ты выросла подъ моимъ кровомъ, и ты могла подумать, что я въ самомъ дѣлѣ стану губить тебя, разлучая съ избраннымъ тобою женихомъ! Нѣтъ, ты еще не знаешь меня, не знаешь, сколько я забочусь о твоемъ счастиі. Все, что ни случилось съ тобою, было сдѣлано по желанію самого твоего жениха. Онъ хотѣлъ испытать твою къ нему любовь, твое постоянство, твою добродѣтель -- и ты прекрасно выдержала это испытаніе!

"Напрасно ты думаешь обмануть меня этою ложью: я знаю тебя уже хорошо!"

-- Но если ты не вѣришь мнѣ: то повѣришь твоему жениху, который....

"Который, по твоему приказанію сидитъ въ тюрьмѣ и въ цѣпяхъ!"

-- Нѣтъ!... который свободенъ, а теперь же будетъ у ногъ твоихъ.

Начальникъ отворилъ дверь въ сѣни, и сказалъ громко: "Викторъ Ивановичъ! идите, спѣшите въ объятія вашей...." Когда онъ говорилъ сіе, Марія стояла въ недоумѣніи. Злодѣй примѣтивъ сіе, не dokonчилъ рѣчи, быстро

обернулся къ ней, выхватилъ у ней изъ рукъ ножъ, отбросилъ его въ сторну, и схвативъ Марію въ объятія, вскричалъ съ неистовою радостію: "Теперь ты моя!"

Марія издала ужасный вопль. "Боже! защити меня!" -- вскричала она отчаяннымъ голосомъ, употребляя слабыя и тщетныя усилія.

-- Нѣтъ! -- сказалъ злодѣй съ бѣшенымъ смѣхомъ. -- Теперь ни какая сила не вырветъ тебя изъ моихъ рукъ! Ты моя!

"Злодѣй! -- вскричалъ вбѣжавшій въ горницу въ ярости и бѣшенствѣ мичманъ. -- Полно ругаться надъ невинностію!" Онъ мощно ухватилъ начальника за волосы, бросилъ его на полъ, и занесъ надъ главою его саблю.

-- Викторъ, Викторъ! -- вскричала Марія забывшая, въ сію минуту ужаснаго смущенія, всѣ злодѣйства начальника, всѣ оскорбленія, перенесенныя ею отъ своего жениха, всѣ непріязненныя съ нимъ отношенія, и увлекшая одною къ нему любовію.-- Викторъ! что ты дѣлаешь? Ты губишь себя!

"Ты не знаешь, Марія -- отвѣчалъ мичманъ, оставаясь въ томъ же положеніи -- всю злобу и гнусность этого душегубца! Онъ посе-

лилѣ вражду между вами; онѣ оклеветалѣ и очернилѣ тебя предо мною; онѣ хотѣлъ погубить тебя: самѣ велѣлъ убить свою жену, и свое злодѣянїе свалилъ на тебя, дабы принудить тебя слѣдовать его гнуснымѣ желанїямѣ; онѣ...."

-- Все это извѣстно мнѣ, Викторѣ; но я все прощаю ему, и умоляю тебя: и ты прости его!

"Мнѣ простить его? Никогда! Нѣтъ; конецѣ его насталѣ! Умирай, злодѣй."

-- Остановись! Остановись! вскричала Марїа, бросаѣсь къ мичману и удержавѣ его руку.

"Для чего ты его удерживаешь? -- сказалѣ начальникѣ съ обыкновеннымѣ равнодушїемѣ.-- Пусть онѣ убьетѣ своего отца!"

-- Нѣтъ, извергѣ, ты самѣ отказался отѣ этого имени, и теперь меня не обманешь имѣ!

"Перестаньте, перестаньте, Викторѣ Ивановичѣ! -- сказалѣ поспѣшно вошедшїй въ сїю минуту Ивашкинѣ. -- Что вы затѣяли? Господѣ съ вами! Ужели хотите сдѣлаться убїйцею? Боже сохрани васѣ! Онѣ злодѣй, но

что же и вы будете передъ закономъ, когда убьете его? И тогда навѣкъ вы прощайтесь со своимъ счастиемъ!"

-- Этотъ извергъ уже похитилъ его у меня: яоскорбилъ ангела (мичманъ показалъ на Марію), и все кончено!

"Неужели ты думаешь, Викторъ, что я могу на тебя сердиться? Я и теперь люблю тебя, какъ и всегда!"

-- Какъ? ты и теперь все еще любишь меня?

"Я никогда и не переставала тебя любить! Я видѣла, что ты въ заблужденіи, и объ одномъ просила Бога, чтобы ты узналъ мою невинность; потомъ же, если бы ты и забылъ меня, я все бы простила, и если бы умерла, то умерла бы о тебѣ молясь!"

-- О небесное существо! -- воскликнулъ мичманъ, бросивъ саблю, и упавъ къ ногамъ Марію.

Слезы потекли ручьемъ у него изъ глазъ.-- Ангель-хранитель мой! какъ ты любишь меня, икакъ я, легковѣрный, не достоинъ твоей любви!

Между тѣмъ освободившійся изъ рукъ

мичмана злодѣй проворно вскочилъ на ноги и бросился къ двери; но Ивашкинъ остановилъ его.

"Пустите меня! -- кричалъ первый. -- Что? Вы хотите меня убить? Вы бунтовщики, крамольники...."

-- Нѣтъ, Антонъ Григорьевичъ, мы не бунтовщики и не крамольники; но все-таки не можемъ васъ отпустить.

"Вы бунтуете противъ власти, нарушаете законы...."

-- Это рѣшить высшее начальство, кто изъ васъ: мы или вы болѣе нарушаемъ законы; но теперь мы не имѣемъ времени съ вами состязаться. Вы должны остаться здѣсь, пока не придутъ васъ отсюда выручить. "Ребята! скажь! Ивашкинъ, обратившись къ казакамъ -- посадите Антона Григорьевича въ этотъ чуланъ."

-- Какъ вы смѣете, разбойники? Я вашъ начальникъ!

"Знаемъ -- говорилъ Безшабашный -- что Матушка Царица послала васъ сюда начальствовать, да вы-то, вишь, задумали другое, а повадился кувшинъ по воду ходить, такъ

туть ему и голову положить."

-- Упрямиться нечего, Антонъ Григорьевичъ! -- сказалъ съ твердостію Ивашкинъ. -- Вы видите: здѣсь всѣ противъ васъ. Извольте войти въчуланъ доброй волей: изъ уваженія единственно къ вашему званію мы не хотимъ употребить силы.

"Хорошо, я пойду, но.... это будетъ вамъ всѣмъ дорого стоить!"

Ивашкинъ молча заперъ за нимъ дверь, завернулъ замкомъ, и положивъ ключъ въ карманъ, сказалъ тихо любовникамъ, утопавшимъ между тѣмъ въ слезахъ радости и восторга: "Довольно, довольно! Пора идти! Время дорого! Пользуйтесь имъ, пока звѣрь взаперти!... Едва приведя въ чувство отца протоіерея...."

-- Развѣ онъ боленъ? -- спросила испугавшаяся Марія.

"Былъ, но я помогъ ему. Все это вы узнаете послѣ..... Я уговорилъ его обвинять васъ нынѣшнею же ночью, и онъ уже въ церкви. Спѣшите за мною!"

-- Но что съ нами будетъ потомъ? -- спросилъ мичманъ.

"Впереди Богъ! спѣшите!"

XXV. ВѢНЧАНІЕ.

Была темная ночь. Небо задернулось тучами, отъ времени до времени освѣщавшимися молніею. Слышался и громъ, но отдаленный, глухой, какъ большею частію бываетъ въ Камчаткѣ. Въ лѣсахъ бушевалъ вѣтеръ. Волны шумѣли на морѣ. Пользуясь мракомъ и шумомъ, молча пробиралась къ церкви торопливая толпа, изъ которой, при одномъ поворотѣ повидимому тайкомъ отъ прочихъ, отдѣлался человекъ, и ускользнулъ въ ворота. Дойдя до дверей церкви, толпа раздѣлилась надвое: большая часть пошла скорыми шагами къ лѣсу, остальные вошли въ церковь. Въ ней было и пусто и мрачно и безмолвно; только скрипѣли ставни, потрясая вѣтромъ; только одна свѣча горѣла передъ налоемъ, у котораго стоялъ старецъ, погруженный въ глубокую думу. Прекрасный юноша и прелестная дѣвушка бросились въ его объятія. Старикъ прижалъ ихъ къ своей груди, и всѣ трое, не произнеся ни одного

слова, вдругъ залились слезами. Есть чувствованія, для которыхъ языкъ человѣческой и медлителенъ и излишенъ!

Прошли первыя минуты свиданія. Сердца нѣсколько успокоились. Старецъ возвелъ глаза къ небу, благословилъ дѣтей и началъ совершать обрядъ, при которомъ не было ни богатоубранныхъ ивеселыхъ поѣзжанъ, ни шумной толпы любопытныхъ зрителей. Два только свидѣтеля присутствовали при вѣнчаніи: дряхлый восьмидесятилѣтній трапезникъ, взглядывавшій, какъ житель другаго свѣта, изъ темнаго угла, гдѣ стоялъ его прилавокъ, и печальный Ивашкинъ, склонившійся на свой посохъ, и, казалось, обдумывавшій будущій жребій новобрачныхъ. Обрядъ кончился. Протопопъ еще разъ со слезами на глазахъ горячо обнялъ Виктора и Марію, непрестававшихъ также заливаться слезами радости и горя; но потомъ, какъ бы исполнясь высшаго вдохновенія, отеръ слезы и произнесъ съ важностію пророка: "Малодушные! о чемъ мы плачемъ? Тотъ, кому повинуются моря, предъ Кѣмъ трепещутъ горы, и небо свивается яко риза, развѣ не можетъ

защитить насъ отъ нападенія червя, буде восхоцетъ? Идите, дѣти, куда вамъ назначить Господь! Спасайтесь отъ губителя!... Викторъ Ивановичъ! я тебѣ вручаю сокровище, котораго дороже я ничего не имѣлъ и не имѣю на сей землѣ: ты заступишь теперь для нея мѣсто отца и матери; береги ее, другъ мой: она достойна тебя!"

-- Ея спокойствіе есть мое спокойствіе -- сказалъ съ жаромъ супругъ Маріи; -- ея жизнь есть жизнь моя! Никто не можетъ посягнуть на ея безопасность прежде, пока не погрязнетъ въ моей крови: вотъ обѣтъ мой предъ алтаремъ Того, Кто видитъ самую глубину моего сердца!

"Да поможетъ тебѣ Господь во всѣхъ путяхъ твоихъ! -- сказалъ протопопъ съ глубочайшимъ чувствомъ. -- А ты, дочь моя, слѣдуй за твоимъ мужемъ...." *

-- О любезный дѣдушка! -- вскричала Марія, задыхаясь отъ слезъ -- я люблю Виктора; но не имѣю силъ и съ вами разстаться!

"Другъ мой! этого требуетъ Провидѣніе -- и мы должны покориться Его волѣ! Вамъ нельзя оставаться здѣсь ни одной минуты: злодѣи

непремѣнно разлучить васъ и погубить обоихъ. Аркадій Петровичъ будетъ вашимъ хранителемъ. Ему Камчатка знакома вдоль и поперегъ, и, съ Божіею помощію, я надѣюсь, онъ успѣетъ скрыть васъ въ безопасномъ мѣстѣ, до времени...."

-- Думаю, что успѣю въ этомъ! -- сказалъ Ивашкинъ, вышедшій изъ задумчивости, при произнесеніи его имени. -- Дорогою я разсказывалъ Виктору Ивановичу, куда я надѣюсь ихъ провести; но и то также сказалъ я, что впереди Богъ!

"Да, отъ Него все зависитъ! И кто другой, какъ не Онъ, внушилъ вамъ ваше благое намѣреніе?"

-- Дай Богъ только, чтобы оно исполнилось!

"Нѣтъ, Аркадій Петровичъ -- сказалъ съ живостію мичманъ,-- я не могу васъ взять въ свои проводники: предоставьте насъ нашей судьбѣ!"

-- Отъ чего вдругъ такая переменна въ вашихъ мысляхъ?

"Если мы попадемся въ руки преслѣдователей, мы будемъ отвѣчать за

свой побѣгъ; но вы по какой винѣ будете мучиться?"

-- Обо мнѣ не беспокоитесь: я давно пересталъ бояться человѣческой власти. Что со мной сдѣлають? Будутъ терзать этотъ бѣдный трупъ? Пускай! Было время, когда я любилъ жизнь, а теперь мнѣ все равно! Скажу вамъ болѣе и скажу истинную правду: теперь смотрѣть мнѣ на страданія другихъ гораздо мучительнѣе, нежели на свое собственное. Если бы было иначе, кто меня притащилъ бы въ Петропавловскъ, когда я могъ бѣжать туда, куда воронъ костей не занасивалъ? Но я вспомнилъ Зуду и -- воротился. Богу не угодно было, чтобы я помогъ моему старому другу; за то Онъ послалъ мнѣ другой случай; я полюбилъ васъ обоихъ всѣмъ сердцемъ -- и готовъ для васъ на все. Пойдемте! Пора!

"Подумайте!"

-- Все обдуманно! Безъ меня вы не ступите шагу въ этой пустынѣ, а мнѣ она извѣстна, какъ моя ладонь. Пойдемте!

"Но если вы дѣлаете благородное дѣло, спасая васъ, то развѣ съ нашей стороны должно

пользоваться имъ къ вашему вреду?"

-- Эхъ, Викторъ Ивановичъ! въ этомъ разочтемся послѣ!

"Въ самомъ дѣлѣ сказалъ протопопъ -- не теряйте, дѣти, напрасно времени, Положитесь на Бога и идите! Благословляю васъ отъ всей души моей!... Полно плакать, Машенька: слезами не поможешь! Мужайтесь и крѣпитесь!... Ну, прощайте, прощайте! Богъ да благословитъ васъ!" Протопопъ взялъ свѣчу, и уговаривая Марію, заливавшуюся горькими слезами, подошелъ съ новобрачными къ дверямъ; но едва онъ коснулся къ замку, какъ страшный ударъ въ нее съ наружной стороны раздался въ пустотѣ церкви. Всѣ бывшіе въ пей вздрогнули.

-- Кто тамъ ломится? -- спросилъ протопопъ.

"Отворяй!" -- вскричалъ голосъ изъ-за дверей?

-- Кому надобность въ ночное время быть въ церкви?

"Отворяй; мы скажемъ что за надобность!"

"Отпирай же, старый хрѣнъ -- воскликнулъ начальникъ; -- не то дверь велю вышибить!"

-- Звѣрь на свободѣ! -- сказалъ тихонько Ивашкинъ.-- Безъ сомнѣнія, это мошенникъ Горбуновъ освободилъ его. Мнѣ казалось, будто кто-то ускочилъ въ ворота: такъ и есть!

"Да, вѣрно онъ -- подтвердилъ протопопъ;-- онъ и трусь, да и преданъ злодѣю. Но куда дѣвались прочіе казаки?"

-- Ушли куда глаза глядятъ, чтобы скрыться до прїѣзда ревизора.

"Въ послѣдній разъ говорю -- снова раздался голосъ начальника -- отворяй, или дверь сейчасъ же вылетитъ вонъ!"

-- Вышибай, если имѣешь на это право!

"Имѣю! Здѣсь скрываются преступники, бунтовщики, разбойники: выдай мнѣ ихъ, и я уйду въ ту же минуту!"

-- Здѣсь лѣтъ ни бунтовщиковъ, ни разбойниковъ.

"Послушай, старикъ: если ты не выдашь ихъ добровольно и принудишь меня употребить силу, то и самъ будешь сидѣть въ тюрьмѣ вмѣстѣ съ ними!"

-- Дѣдушка, милый дѣдушка! -- вскричала Марія -- выпустите меня. Пусть злодѣй растерзаетъ меня, но я не допущу, чтобы выстрада-

ли вмѣстѣ съ нами!

"Нѣтъ, Марія! -- прервалъ мичманъ -- ты должна остаться. Я всему причиною; до меня вы были счастливы; я разрушилъ ваше счастье: я и долженъ страдать за сіе. Пустите меня!"

-- Нѣтъ, дѣти мои милые, не пущу васъ обоихъ: вы оба равно любезны мнѣ, и я скорѣе умру у этого порога, нежели позволю злодѣю надъ вами ругаться!

"Что, калуеръ!-- снова раздался за дверью звѣрской голосъ начальника -- еще ли будешь говорить, что у тебя никого нѣтъ въ церкви!"

-- Есть; но это дѣти мои, а не разбойники, которыхъ ты ищешь!

"Давно ли мичманъ сталъ твоимъ сыномъ?"

-- Съ той минуты, какъ онъ сталъ мужемъ моей внучки!

"Бунтовщикъ! крамольникъ! -- завопилъ съ ужасною яростію начальникъ, услышавъ сей отвѣтъ -- нѣтъ пощады ни тебѣ, ни твоимъ сообщникамъ! Ломайте дверь, стрѣляйте въ окна, рѣжьте, губите, жгите измѣнниковъ!"

Желѣзная дверь тяжело застонала подѣ ужасными ударами тирана, заглушая усилившіеся удары грома; церковь дрожала и все зданіе, казалось, готово было разрушиться.

"Стрѣляйте! Стрѣляйте!" -- раздавались бѣшеные крики начальника.

-- Гасите свѣчу -- вскричалъ Ивашкинъ -- и спрячемся за печь!

"Боже мой, Боже мой! что съ вами будетъ" -- воскликнула Марія.

-- Что бы ни было -- говорилъ мичманъ, выдернувъ саблю, -- но я дорого продамъ имъ нашу свободу.

"Теперь единая надежда намъ Богъ!" -- сказалъ протопопъ.

Едва осажденные успѣли спрятаться, какъ нѣсколько ставней съ шумомъ растворились, ружейныя дулы пробили слюду, и уставились сквозь желѣзныя рѣшетки. Потомъ послышался шорохъ взводимыхъ курковъ, раздалось страшное: пали -- и мгновенное пламя, вылетѣвшее съ ужаснымъ трескомъ, освѣтило тму церкви, и пули засвистали по ней въ разныхъ направленіяхъ. Пальба не

утихала. Церковь совершенно наполнилась пороховымъ дымомъ, сквозь котораго безпрестанно вспыхивало въ окнахъ пламя выстрѣловъ, и загаралась молнія. Трескъ усилившейся грозы, учащенные удары тарана, грохотъ ружей, свистъ и щолканіе пуль, крикъ осаждающихъ и бѣшенный побудительный ревъ разъяреннаго злодѣя, сливаясь вмѣстѣ, изображали нападеніе не людей, но духовъ злобы, воздвигшихъ всѣ силы неба и земли на разрушеніе святаго мѣста.

Въ это время протопопъ, не теряя надежды на Бога, читалъ молитву; Марія дрожала отъ страха, не столько за себя, какъ на драгоцѣнныхъ сердцу ея дѣда и супруга; Викторъ, съ неустрашимостію молодаго воина, ожидалъ мгновенія, въ которое должно будетъ начать смертный бой съ злодѣями; одинъ Ивашкинъ, презирая давно жизнь, стоялъ съ величайшимъ хладнокровіемъ, и выискивалъ въ умѣ средства избавиться отъ бѣды не для себя, но для своихъ несчастливыхъ товарищей; наконецъ, какъ будто что-то вспомнивъ съ примѣтною радостію, онъ проворно кинулся изъ за-печи.

-- Куда ты (Богъ съ тобой!)? -- сказалъ со страхомъ протопопъ, схвативъ его за полу. - Вѣдь тутъ и шага не ступишь, какъ тебя злодѣизастрѣлютъ!

"Пустите, отецъ Петръ! Здѣсь ничего не выстоимъ: надо дѣйствовать!"

-- Если нужно дѣйствовать -- прервалъ мичманъ -- то скажите что дѣлать: я на все готовъ!

"Не торопитесь: дойдетъ очередь и до васъ, а покамѣсть теперь моя."

-- Но васъ убьютъ?

"Все равно!"

Говоря сіе, Ивашкинъ выдернулъ полу изъ рукъ протопопа и оставилъ своихъ товарищей въ страшномъ ожиданіи объ его участи. Отъ ужаса едва переводя дыханіе, они прислушивались робко къ его шагамъ, и при каждомъ выстрелѣ, освѣщавшемъ церковь, слышали, казалось, что-то тяжелое, грянувшее на полъ, и говорили съ трепетомъ другъ другу: "Это упалъ онъ! Ужъ навѣрное онъ!"

Между тѣмъ неустрашимый, но всегда осторожный. Ивашкинъ, пробираясь около стѣны, большею частію ползкомъ, добрался

до прилавка, за коимъ притулился старый трапезникъ, братъ памятнаго въ лѣтописяхъ Камчатки удальца Харчина, вмѣстѣ съ симъ послѣднимъ участвовавшій въ главномъ камчадалскомъ бунтѣ {1731 года.}, и потомъ рѣшившійся загладить свои преступленія и временное отступничество повсежизненнымъ служеніемъ при церкви.

-- Кирилычъ! -- сказалъ Ивашкинъ -- сидя со сложенными руками, не искупимъ бѣды; пойдемъ!

"Оставь меня, родимый! Мнѣ инаго дѣлать нечего, кромѣ какъ ждать смерти! Погибнетъ церковь, погибну и я вмѣстѣ съ нею: таковъ обѣтъ мой!"

-- Я тебѣ не помѣшаю сдержать твой обѣтъ; но скажи мнѣ только: не извѣстенъ ли тебѣ тотъ ходъ, который, говорятъ, прорыли казаки во время камчадалскихъ бунтовъ, чтобы доставать въ острожекъ воду, и изъ котораго выходъ потомъ былъ проведенъ сюда, чтобы держать его въ секретѣ?

"Какъ не извѣстенъ, батюшка! Вѣдь я, ока-
янный, и провелъ имъ бунтовщиковъ. Вонъ,
въ алтарѣ близъ сѣверныхъ дверей, какъ под-

нимешь вторую половицу.... Только вряд ли не засыпался онъ землею! Времени, батюшка, прошло много, много! Вотъ ужъ какъ и я при церкви лѣтъ болѣе сорока будетъ!... Ахъ ты, Господи!... Экъ! они, окаянные въ двери-то ломаются: словно черти въ святое мѣсто!"

Ивашкинъ, не дослушивая послѣднихъ словъ трапезника, проворно началъ пробираться съ тою же осторожностію къ своимъ товарищамъ.

"Отецъ Петръ! я хочу провести вашихъ дѣтей потаеннымъ ходомъ."

-- Но какъ вы найдете его? И я слыхалъ что есть ходъ, но гдѣ его отыскать, не знаю.

"Я все уже разспросилъ у Кирилыча!"

-- Да, ему это извѣстно должно быть лучше моего: онъ гораздо прежде меня при здѣшней церкви. Если найдете этотъ ходъ, то велика милость Божія! Подите же, дѣти мои милые! Подите скорѣе! Мѣшкать нечего! Другой помощи ждаты не откуда!

Между тѣмъ, какъ Марія снова начала колебаться, не имѣя силъ ни оставить дѣда, ни разлучиться съ мужемъ, вдругъ раздались столь страшные удары въ дверь, что петли,

повидимому, не могли уже долѣе удерживаться на мѣстахъ.

"Машенька! -- вскричалъ протопопъ -- теперь долго думать нечего: спасайтесь! Еще нѣсколько минутъ -- и мы всѣ погибли!"

-- Пожаръ! пожаръ! -- закричалъ въ то же время трепещущимъ голосомъ старый трапезникъ, бросаясь изъ-за прилавка.-- Пожаръ! Отецъ Петръ! не прикажете ли ударить въ набать? Пожаръ!

"Слышишь, Машенька? Бѣги, пока есть время! Теперь я обязанъ забыть, что я дѣдъ вашъ, и долженъ поступать, какъ служитель церкви. Прощайте! Бей въ набать!"

Между тѣмъ огонь затлѣвшійся отъ выстрѣловъ на холстѣ, коимъ была обтянуты стѣны, разгорался мало-по-малу, и наконецъ вспыхнувъ, быстро бѣжалъ къ потолку и страшно освѣтилъ дымную церковь. Выстрѣлы при огнѣ сдѣлались почти неизбѣжны. Несчастные, не имѣя болѣе темноты своею защитою, рѣшились на послѣднее средство: пробѣжать бѣгомъ къ назначенному трапезникомъ мѣсту. Они бросились. Дикой вопль ихъ гонителя раздался въ окно:

"Вонъ они! вонъ! Пали, бей злодѣевъ!"
Нѣсколько ружей разомъ грохнули, пули за-
свистали, но только одна легко ранила мич-
мана. Вбѣжавши въ алтарь, несчастные под-
няли половицу, и взявъ нѣсколько зажжен-
ныхъ свѣчь, спустились въ невзвѣстный
путь.

Въ сіе время протопопъ, не думая болѣе ни
нихъ, ни о себѣ, собралъ поспѣшно священ-
ныя вещи, о выйдя съ ними изъ алтаря, съ
крестомъ въ рукѣ, отворилъ церковныя две-
ри, и съ важностію пастыря сказалъ ломив-
шимся казакамъ: "Если вы Христіане, то не
разрушать должны домъ Божіи, а спасать:
онъ горитъ!"

-- Въ самомъ дѣлѣ, церковь горитъ! -- за-
кричало вбѣжавшіе въ нее казаки. -- Ребята!
воды, воды! тушить!

"Пусть горитъ! -- закричалъ вбѣжавшій
также туда начальникъ.-- Прежде ищите
бѣглецовъ, а потушить успѣете. Говори, попъ:
куда ты ихъ спряталъ?"

-- Антонъ Григорьевичъ! -- отвѣчалъ прото-
попъ, держа предъ намъ крестъ -- вспомните
о томъ, кто былъ распятъ на крестѣ! Этотъ

храмъ искупленъ Святою кровію, а вы готовите ему гибель! Забудьте на минуту ваши земныя страсти, и подумайте о небесномъ!

Начальникъ невольно остановился, какъ бы пораженный изумленіемъ, а протопопъ, обратясь потомъ къ казакамъ, продолжалъ: "Дѣти мои, что стоите? Что медлите? Храмъ Божій обнимается пламенемъ -- какого ждете еще приказанія? Кому должно болѣе повиноваться: человѣку или Богу? "Ащи хотите и послушаете мене -- глаголетъ Господь -- благая земли снѣсте, аще же не хотите, ниже слушаете Меня, мечъ вы поясть!"

-- Попъ! -- вскричалъ опомнившійся начальникъ, дрожа отъ ярости -- долго ли ты будешь бунтовать моихъ подчиненныхъ?

"До тѣхъ поръ, пока ты не перестанешь оскорблять Бога и Государыню!"

-- Вотъ до чего дошла дерзость! Нѣтъ, нѣтъ! Или я болѣе не начальникъ, или я не допущу надо мною ругаться! Возьмите его, берите его!

Но всѣ эти приказанія были произнесены напрасно: ибо казаки, частію уstraшенные словами протопопа, частію по собственному религіозному расположенію, присоединились

къ толпѣ народа, ввалившася въ церковь для спасенія церковной утвари: ибо потушить пожаръ, по причинѣ пропущенія благопріятнаго времени, было уже невозможно. Въ общей суматохѣ, въ дыму, при крикѣ народа и воѣ набата, никто не примѣчалъ начальника, и никто не слыхалъ его криковъ. Въ бѣшенствѣ и досадѣ, онъ побѣжалъ уже изъ церкви, какъ вдругъ кто-то почти насильно остановилъ его, вскричавши: "Ваше высокоблагородіе! нашель!"

-- Нашель? Гдѣ они, злодѣи? Веди ихъ ко мнѣ!

"Нашель, но еще не самихъ, а только лазею, куда они скрылись. Если угодно: извольте идти скорѣе за мною!"

Начальникъ и достойный его служитель быстро пронеслись, какъ два злые духа, уже по опустѣвшей и по обнявшейся пламенемъ церкви, и первый, обуреваемый неистовою страстію, съ адскою яростію на лицѣ, схвативъ горящій отломокъ иконостаса, кинулся, какъ звѣрь, за своею добычею въ раскрытую дверь подземелья. Прислужникъ его также хотѣлъ послѣдовать за нимъ, но едва занесъ

ногу, какъ разгорѣвшійся иконостасъ рухнулъ, и придавилъ измѣнника своею пламенною массою: это былъ Горбуновъ!

XXVI. ПОБѢГЪ.

Въ продолженіе вышеписаннаго, Викторъ, Марія и Ивашкинъ, чувствуя сырость и духоту подземнаго хода, употребляли величайшія усилія, чтобы скорѣе пройти его; но, къ невыразимому огорченію, должны были останавливаться почти на каждомъ шагу: ибо во многихъ мѣстахъ, гдѣ земля, слабо удерживаемая гнилыми подпорками, обсыпалась, не лзя было проходить иначе, какъ сильно наклонившись, а въ другихъ мѣстахъ должно было даже ползти на колѣнахъ, и притомъ съ чрезвычайною осторожностію, чтобы не расшевелить страшной громады, угрожавшей сверху паденіемъ и смертію. Въ одномъ изъ сихъ трудныхъ переходовъ, Ивашкинъ, поскользнувшись на сырой и почти мокрой землѣ, выронилъ изъ рукъ свѣчу, и оставилъ себяи своихъ товарищей въ страшной темнотѣ. Тогда положеніе ихъ сдѣлалось столь ужаснымъ, что у самого

Ивашкина невольно встали на головѣ волосы. Возвратиться назадъ было нельзя; впереди ничего не было видно: могли опять встрѣтиться столь же трудные переходы, которые безъ свѣта совершить было почти невозможно; могъ быть выходъ и вовсе засыпанъ. Какого спасенія можно было надѣяться въ такомъ случаѣ? Бѣжать -- не куда! Кричать -- полось замеръ бы подъ землею! Казалось, вмѣстѣ со свѣчею погасла надежда, и грозная смерть: быть заживо погребеннымъ въ могилѣ, предстала воображенію несчастныхъ со всѣми своими ужасами. Гробовой холодъ сильнѣе повѣялъ со стѣнъ, и запахъ тлѣнія проникалъ кости. Ивашкинъ издавна думалъ о смерти, но за всѣмъ тѣмъ картина мучительной, продолжительной смерти, когда жизнь не отлетаетъ вдругъ, какъ блескъ молніи, но вытекаетъ какъ горящій свинецъ, пожигая тѣло каплей за каплею -- картина такой смерти, живо изобразившейся въ душѣ старца, смутила его, особенно за юныхъ товарищей, которымъ неисповѣдимая судьба ускорила темный и печальный путь тлѣнія въ то самое время, когда жизнь, полная люб-

ви и наслажденій, должна бы встрѣтить ихъ на дорогѣ радости и счастья. Старецъ скорбѣлъ ужасно, неизъяснимо; но насильно утишилъ кипѣніе мыслей въ своей груди, и удержалъ вопль, готовый изъ нее вырваться: ибо боялся испугать своимъ отчаяніемъ, впервые закравшимся въ его сердце, своихъ злополучныхъ спутниковъ.

Перевогши себя, онъ спросилъ мичмана совсѣмъ возможнымъ равнодушіемъ: "Что намъ дѣлать теперь, Викторъ Ивановичъ?"

-- Пойдемъ оцупью -- отвѣчалъ трепещущимъ голосомъ мичманъ, также почувствовавшій весь ужасъ своего положенія и также старавшійся скрыть свои чувства отъ Маріа.

"Но что это такое, Аркадій Петровичъ? -- спросила вдругъ Маріа, -- вдали какъ будто свѣтлое пятно?"

-- Да, да, я я вижу это! -- сказалъ мичманъ.

"Не смѣю слишкомъ рано радоваться -- отвѣчалъ Ивашкинъ: -- но пойдите скорѣе."

-- Чѣмъ далѣе мы идемъ -- говорила Маріа, -- тѣмъ пятно становится явственнѣе.

"И мнѣ тоже кажется" -- подтвердилъ мич-

мань.

-- Теперь и я его вижу! -- воскликнулъ Ивашкинъ, пройдя еще нѣсколько шаговъ. -- Слава Господу Богу, теперь мы спасены!

"Но что значить это пятно? -- спросилъ мичманъ -- какъ вы думаете?"

-- Это свѣтъ на концѣ выхода!

"Но теперь ночь!"

-- Вѣрно, церковь обнялась пламенемъ и освѣтила окрестности.

Догадка Ивашкина оправдалась. Пятно, видимое вдали вашими странниками, точно было отверзтіе выхода, освѣщенное заревомъ пожара. Но достигнувъ его, несчастные почувствовали новый ужасъ: выходъ былъ заслоненъ огромнымъ камнемъ, коего величайшія усилія ихъ не могли отодвинуть ни на вершокъ съ мѣста, и между тѣмъ, какъ они истощала свои силы надъ этимъ безуспѣшнымъ трудомъ, вдругъ послышался имъ въ глуши подземелья глухой топотъ вотъ. Они вздрогнули, и оглянувшись съ трепетомъ, увидѣли въ отдаленности огненную точку, быстро къ нимъ приближавшуюся. Новыя, послѣднія усилія были употреблены для

сдвинутія адскаго камня, но хладная громада, какъ злодѣйское сердце, была неподвижна.

"Царь небесный! -- воскликнула Марія, упавъ на руки Виктору -- теперь мы погибли невозвратно!"

-- Что это, ребята? -- сказалъ голосъ съ вер-ху отверстія.-- Словно подъ землею кто во-пить!

"Кто бы вы ни были -- вскричала Марія въ нѣкоторомъ изступленіи, не обращая вниманія на знаки Виктора и Ивашкина -- кто бы вы ни были спасите васъ!"

"Точно подъ землею, ребята! -- повторилъ прежній голосъ. -- Да кто тамъ говоритъ? Живо, такъ скажи: откуда ты кричишь?"

-- Слава Богу! -- вскричалъ Ивашкиенъ -- это голосъ Безшабашнаго!... Мы здѣсь, братъ Прокопій; спустись пожалуйста проворнѣе; оттащите камень!

Между-тѣмъ огонь, виднѣвшій во мракѣ хода, увеличился, и фигура бѣгущаго человѣка съ пламенникомъ въ рукѣ означилась явственно.

"Это онъ! Это онъ гонится за вами!" -- повторяла отчаянная Марія.

-- Мужайся, Марія! -- отвѣчалъ мичманъ, не менѣе ея отчаянный. Мы избѣгли многого, избѣгнемъ и этой опасности, съ Божіею помощію!

"Скорѣе, братъ Прокопій -- говорилъ Ивашкинъ -- пожалуй-ста скорѣе! За нами гонятся. Еще минута -- мы пропали!"

-- Да гдѣ ты говоришь, Аркадій Петровичъ?

"Здѣсь! здѣсь! Въ низу оврага. Видишь литу срубленную листовень?"

-- Ну!

"Она навалена на камень, а камнемъ загороженъ подземный ходъ, прокопанный сюда изъ церкви. Понялъ ли?"

-- Понялъ теперь. Смотри, пожалуй, мы и слыхомъ не слыхали, что есть такая диковина....

"Пожалуй-ста поскорѣе."

-- Духомъ, духомъ, Аркадій Петровичъ! Ну, ребята, сбрасывайте дерево, отворачивайте камень!

Едва только заключенные успѣли выйти изъ подземелья, и едва придвинуть былъ обратно камень, какъ злодѣй, стремившійся за ними въ погоню, прибѣжалъ ко входу, и уста-

вилъ въ небольшое отверзтіе, оставшееся между камнемъ и входомъ, ужасное, злостное лице, освѣщенное кровавымъ свѣтомъ горящаго отломка. "Изверги! Разбойники! -- завопилъ, онъ придя еще тѣмъ въ большую ярость, что увидѣлъ въ объятіяхъ мичмана ослабѣвшую его супругу -- Бунтовщики! отодвиньте камень! И если хотите прощенія, хватайте этихъ преступниковъ! Они убѣжали отъ наказанія, нарушили законы, наругались надъ властію...."

-- Аркадій Петровичъ! -- спросилъ равнодушно Безшабашный -- не прикажете ли пришибить его тутъ? Не докудова ему издѣваться надъ православными!

"Нельзя, Прокопій: онъ начальникъ!"

-- Да помилуйте, что онъ за начальникъ, когда на этакія художества пустился?

"Все равно! Мы не судьи его! За свои дѣла онъ дастъ отвѣтъ Государынѣ; а если мы накажемъ его, будемъ сами виновны предъ Нею. Оставимъ его своей злобѣ и безсилію: для него довольно покамѣсть и этой муки! Пойдемъ-те!"

Сказавъ сіе, Ивашкинъ началъ поднимать-

ся изъ оврага на гору, крутую и безлъсную, но поросшею травой. Викторъ шелъ, неся на своихъ рукахъ Марію. Вслѣдъ за ними потянулись и казаки, не обращая вниманія на яростныя вопли Начальника, который, произнося на отходящихъ ужаснѣшія проклятія, скрежеталъ зубами, и виднѣясь во тмѣ кровавымъ лицомъ, уподоблялся разъярившемуся злему духу, порывающемуся на гибель челоука, но удерживаемому въ извѣстныхъ предѣлахъ высшею силою. Чѣмъ болѣе выходили изъ оврага и всходили на гору наши странники, тѣмъ дѣлалось свѣтлѣ зарево пожара и слышнѣе становился голосъ колокола. Наконецъ, достигнувъ до вершины горы; они увидѣли пожаръ во всемъ грозномъ его величіи, Церковь пылала кругомъ, и около ея напрасно мелькали тѣни людей: ибо помощь ихъ была уже безсильна. Скоро обнялась огнемъ и колокольня, и, обложенная вокругъ тучами, пламенѣла, какъ свѣтильникъ возгорѣвшагося гнѣва Божія. Она пылала, но голосъ колокола все еще не умолкалъ: это былъ уже не набать, но пѣснь умирающаго, послѣдній голосъ души, отлетающей съ роди-

ны. Всѣ изъ числа группы, стоявшей на горѣ, зная объѣтъ старика, слушали сей звонъ съ мучительной тоскою и съ трепетомъ ожидали паденія колокольни, которой основаніе, какъ прежде подверженное огню, скоро должно было рушиться. Сія убійственная минута приспѣла: колокольня видимо пошатнулась и звонъ сдѣлался беспорядочнымъ; казалось, руки, производившія его, пораженныя страхомъ смерти, затрепетали. Колокольня начала склоняться болѣе и болѣе, звонъ дѣлался чаще и чаще; наконецъ колоколь умолкъ и -- колокольня рухнула, Всѣ сняли шапки и перекрестились.

"Ну бѣдный старикъ! -- сказали казаки въ одинъ голосъ -- отзвонилъ! Дай Богъ царство небесное! Говорили, что связавшись, въ молодости, съ бунтовщиками, онъ-де самъ зажигалъ эту церковь; но, вѣрно, Господь сжалятся надъ нимъ, и проститъ его душу!"

-- О если -- вскрикнула Марія -- и дѣдъ мой погибъ!

"Нѣтъ, онъ живъ -- сказалъ подошедшій къ толпѣ въ сію минуту казакъ.-- Я нарочно смотрѣлъ изъ лѣсу на пожаръ: изъ церкви все

почти вытаскали и всё вышло, кроме одного бѣднаго трапезника, а ему сколько ни кричали -- не сошелъ; звонить себѣ, да и только...."

-- Ну, Викторъ Ивановичъ -- прервалъ Ивашкинъ -- пора отправляться далѣе. Соберитесь съ силами, Марья Алексѣевна! Если Господь поможетъ отойти дальше, то тамъ отдохнете.

"Я готова!" -- сказала Марія, ставъ бодро на ноги, хотя примѣтно было, что она дѣлала это съ крайнимъ напряженіемъ, преодолая слабость тѣла силою духа.

Снова отдѣлившись отъ казаковъ, уговорившихся перейти къ пустынямъ Тигиля, трое странниковъ, Викторъ, Марія и Ивашкинъ пошли къ востоку, пробираясь черезъ лѣса и горы. Вся ночь прошла въ побѣгъ. Утро застало ихъ въ сильномъ изнеможеніи, особенно Марію. Склоняясь на колѣна къ Виктору, она едва слышнымъ голосомъ прошептала: "Другъ мой! я чувствую, что не могу далѣе идти. Оставь меня здѣсь -- и спасайся!"

-- Марія! тебя оставить? Тебя оставить, милая Марія? -- воскликнулъ Викторъ, задыхаясь отъ слезъ.

"Что жъ дѣлать, милый другъ мой! Мнѣ не суждено здѣсь наслаждаться счастьемъ: оставь меня, и бѣги отъ гонителей; по крайней мѣрѣ, яне буду чувствовать предъ моимъ концомъ этой ужасной мысли: что я была причиною твоей гибели!"

-- А я развѣ могу умереть спокойно, оставя тебя въ этой пустынѣ, на произволь смерти? Нѣтъ, Марія! я сто кратъ умру самъ прежде, нежели смерть коснется твоего чела! И я уже клялся въ этомъ предъ алтаремъ Того, кого обмануть смертный не можетъ!

"О милый мой! О безцѣнный Викторъ! ты напрасно давалъ эту клятву: она губить тебя, но меня спасти не можетъ. Я слышу, какъ уже смертная слабость разливается по моимъ членамъ и какъ жизнь погасаетъ..."

-- Боже Всемогуцій! -- воскликнулъ отчаянный Викторъ -- она умираетъ!

Въ эту самую минуту раздались въ недалекомъ за лѣсомъ ружейные выстрѣлы, и смятенные крики, повидимому, обороняющихся.

-- Викторъ Ивановичъ! -- вскричалъ прибѣжавшій изъ лѣса Ивашкшгъ, ходившій за хворостомъ -- поспѣшимъ на помощь: раз-

бойники напали на проѣзжихъ.

"Не лѣзя мнѣ: Марія моя умираетъ!"

-- Поди, другъ мой! -- прошептала Марія, приходя въ чувство. -- Неравно злодѣи убьютъ ихъ: на тебѣ останется грѣхъ, что ты не помогъ имъ!

"Но ты какъ останешься, Марія?"

-- Мнѣ легче!

Выстрѣлы зачастили; крикъ усилился: "Разбой! грабятъ! бьютъ!"

-- Бѣги, бѣги, Викторъ! Помоги несчастнымъ! -- вскричала Марія.

Викторъ, не медля болѣе, выхватилъ изъ ноженъ саблю и кинулся вмѣстѣ съ Ивашкинымъ. Выбѣжавъ изъ лѣса, они увидѣли, что бились шестеро, сидѣвшихъ на лошадяхъ, и что четверо изъ нихъ, повидимому, разбойники, прикрытые личинами, нападали на двоихъ, которые, хотя и храбро оборонялись, но, обогранные кровію, примѣтно начинали ослабѣвать; между тѣмъ какъ злодѣи, видѣвшіе ихъ изнеможеніе, увеличивали ярость натиска. Появленіе помощниковъ внезапно перемѣнило судьбу битвы. Мичманъ однимъ разомъ свалилъ одного изъ разбой-

никовъ съ лошади, въ то же время, какъ Ивашкинъ ошеломилъ другаго дубиною по головѣ. Остальные два ударили по лошадямъ, и кинулись бѣжать, Викторъ и Ивашкинъ, схвативъ ружья убитыхъ разбойниковъ и вскочивъ на лошадей ихъ, кинулись вслѣдъ за бѣгущими. Одинъ изъ сихъ послѣднихъ, проворный и ловкій, скоро скрылся изъ виду, пролетѣвъ стрѣлою по чащѣ лѣса, а другой, маленькій, тощій мужичишко, повидимому, ослѣпнувшій отъ страха, какъ заяцъ, набѣжалъ на вѣтви посохшаго дерева, и наклонившись подъ нихъ, попалъ пучкомъ своей огромной косы на сукъ, и соскользнувъ съ бѣжавшаго коня, повисъ, какъ новый Авессаломъ, между небомъ и землею. Увидѣвъ сіе, мичманъ, въ порывѣ запальчивости, приложился къ ружью и хотѣлъ было отправить мошенника къ его товарищамъ; но Ивашкинъ остаповилъ его. "Стойте, Викторъ Ивановичъ; посмотримъ, что это за человѣкъ; сдается мнѣ что-то знакомое!"

-- Батюшки! простите, взмилуйте надо мною окаяннымъ! -- вопилъ повисшій на суку разбойникъ.

"Такъ и есть! Это Сумкинъ! Что это, Антропъ Спиридоновичъ! ужъ разбойничать, братъ, пустился?"

-- Лукавый попуталь меня, грѣшника!

"А я такъ думаю, что ты, братъ, всякаго лукаваго самъ спутаешь!"

-- Простите, помилуйте, отцы родные! Ей-Богу ни въ чемъ не виновать: начальникъ-злодѣй велѣлъ мнѣ убить Хапилова!

"А ты и послушался!"

-- Что мнѣ дѣлать? Отцы родные! разсудите сами: мое дѣло подначальное: могу ли я послушаться?

"Вотъ, Викторъ Ивановичъ, здѣшнія понятія о повиновеніи! Велятъ осудить, убить, ограбить -- на все готовы!"

-- Какъ же быть иначе, батюшка Аркадій Петровичъ? Могу ли я противу начальника ротъ развѣвать? Да вѣдь онъ меня отдастъ подъ судъ, такъ я съ голоду пропаду, да и кости-то мои изгніють прежде, чѣмъ окончится дѣло.

"Все такъ; но лучше пусть бы изгнили твои кости подъ судомъ, чѣмъ ходить на разбой. Ты обязанъ слушаться начальника, но пом-

нить и то, что есть Государыня, которая вознаградила бы твое невинное страданіе."

-- Охъ, отецъ ты мой родной! гдѣ-же намъ разсуждать такъ? Кабы мы были ученые, а то вѣдь мы люди темные, невѣдущіе! Прости ты меня, батюшка Аркадій Петровичъ! Сжался ты надо мною! Сними ты меня, родимый! Нѣтъ моченьки болѣе!

"Сжалился бы я надъ тобою; но скажи мнѣ прежде: для чего ты не хотѣлъ сжалиться надъ бѣднымъ Зудюю, и думалъ еще терзать его, когда несчастный старикъ, спасшій вамъ жизнь, былъ уже при смерти?"

-- Не поминай ты этого, батюшка! Зablужденіе, родимый, zablужденіе! Кто не падалъ въ жизни своей, и Апостоль говоритъ: вижу инъ законъ....

"Антонъ Григорьевичъ -- прервалъ строго Ивашкинъ -- васъ всѣхъ научилъ говорить текстами; и я тебѣ скажу также текстомъ: нѣтъ милости не творящему милости! Оставайся здѣсь, покамѣстъ твой наставникъ придетъ освободить тебя!"

При отходѣ Ивашкина Сумкинъ закричалъ столь ужаснымъ голосомъ, что добрый стари-

къ рѣшилъ было его снять; но опять вспомнивъ скотскую жестокость сего мошенника надъ его другомъ, сжалъ сердце, и поспѣшилъ отъ него скорыми шагами. Голосъ теряясь въ глуши лѣса, умолкалъ, умолкалъ, и замолкъ.

Между тѣмъ Викторъ былъ уже съ Марією, которая хотя, по удивительному великодушію своему, и убѣдила его оставить ее, и спѣшить на помощь; не не могла не почувствовать болѣзненнаго опасенія при его уходѣ, и ощутила самую живую радость при его возвращеніи. Залившись слезами, она прижала Виктора къ своей груди, и, казалось, жизнь, сжалившись надъ прекраснымъ твореніемъ, возвратилась къ нему съ прежнею полнотою. Дѣйствіе ли радости, свѣжесть ли утра и нѣсколько минутъ отдохновенія -- только Марія почувствовала себя гораздо лучше. Въ сіе время возвратился и Ивашкинъ вмѣстѣ съ Хапиловымъ, перевязывавшимъ, во время преслѣдованія разбойниковъ, свои раны. Хапиловъ выразилъ свою благодарность Мичману самымъ живымъ образомъ, и будучи добръ и чувствителенъ, просилъ Вик-

тора уговорить Ивашкина: дозволишь ему спасти своего злодѣя, Сумкина. Не смотря на убѣжденія Мичмана, Ивашкинъ противился сему, говоря въ опроверженіе. "Помилуйте! что щадить злодѣя, который самъ отроду никого не щадилъ, и всегда хвастался своею жестокостію? Вѣдь не мы его повѣсили: онъ самъ набѣжалъ на висѣлицу!" Но когда и Марія присоединила свои просьбы; то Ивашкинъ, любя ее, какъ Ангела, не противился болѣе. "Ну, дѣлайте, Евгений Петровичъ, что хотите; только подольше не отпускайте его, мошенника, дабы мы могли далѣе уѣхать!"

-- Слава Богу!-- сказалъ Мичманъ -- что теперь намъ можно уже не уйти, а уѣхать!

"Вотъ какъ -- присовокупила Марія съ чувствомъ, исполненнымъ глубокой вѣры -- Богъ скоро награждаетъ наши добрыя дѣла! Если бы ты, Викторъ, не поспѣшилъ на помощь къ Евгению Петровичу; то теперь должны бы мы были идти пѣшкомъ, почти съ неизбѣжною опасностію; попасться въ руки нашего врага.

Распрощавшись наконецъ съ Хапиловымъ, надѣлившимъ Виктора и Ивашкина порохомъ, пулями и пищею, наши странники от-

правились далѣе. Марія съѣла вмѣстѣ съ Викторомъ.

XXVII. ПОГИБЕЛЬ.

"Разскажите мнѣ, Аркадій Петровичъ, подробнѣе -- сказалъ Викторъ, ѣдучи лѣсомъ, упиравшимся въ небо -- куда вы намѣрены насъ провести? Тогда хоть вы мнѣ и разсказывали; но, признаюсь, бывъ въ сильномъ волненіи духа, я худо понялъ."

-- Вотъ видите: если ѣхать -- отвѣчалъ Ивашкинъ -- извѣстными дорогами, насъ тотчасъ догонять, а потому мнѣ и хочется проѣхать этими горами къ морю. Тамъ, насупротивъ Топоркова острова, въ страшной глуши и въ горахъ, живетъ мой старинный знакомый Камчадалъ Тоначь. Онъ давно сказывалъ мнѣ, что, недалеко отъ его жилья, на берегу моря, есть пещера, въ которой одинъ можетъ защищаться противъ цѣлой толпы, и которую, кромѣ его, никто не знаетъ. Я самъ хотѣлъ уйти туда, чтобы скрыться отъ злобы людей, О! этотъ міръ такъ суетенъ и такъ печаленъ въ глазахъ моихъ!....

Викторъ, не спрашивая болѣе, совер-

шенно предоставилъ свою судьбу своему опытному путеводителю. Много лѣсовъ и горъ переѣхали они. Ивашкинъ, знавшій совершенно сіи мѣста, умѣлъ выбирать для проѣзда дорогу, если не совсѣмъ удобную, по крайней мѣрѣ, не самую трудную. Обѣхавъ большой кругъ, къ вечеру вѣхали странники на вершину высокой горы, проходившей по берегу моря, откуда къ востоку раскрылся океанъ во всемъ своемъ безпредѣльномъ величїи, а къ западу раскинулись шатры высочайшихъ сопокъ. Ивашкинъ, окинувъ глазами сію великолѣпную картину, внимательно посмотрѣлъ на шатеръ Авачинской, изъ котораго густой, черный дымъ, выходя неизмѣримымъ столбомъ и упираясь въ небо, явственно означался да лазоревомъ группѣ заката.

"Что-то -- сказалъ Ивашкинъ, покачавъ головой -- этотъ дымъ больно черенъ и высокъ: это не предвѣщаетъ добраго!"

-- Правда твоя, бачка! -- сказалъ подошедшій къ нему Камчадалъ, по обыкновенно своему не сдѣлавъ ни какого предварительнаго привѣтствія.

"Ба! это ты, Тоначь! Какъ ты сюда попалъ? А мы къ тебѣ ѣхали."

-- Хорошо, хорошо, бачка! Я радъ гостямъ, особенно старымъ друзьямъ.

"А, вѣрно, самъ въ гости собрался?"

-- Нѣтъ, бачка! Я поѣхалъ промышлять тюленей да вздумалъ взойти прежде посмотрѣть на горѣлую совку: какова? Нынче, бачка, что-то гамулы сильно развозились, вонь оногдась такъ всколыхалось море, что мой товарищъ, Брюнча, и теперь ловить тюленей за хвостъ на днѣ, у Измѣннаго камня....

"Ну что же -- спросилъ Ивашкинъ -- какъ тебѣ кажется?"

-- Худо, бачка! Надобно пообождать здѣсь нѣсколько, а то, храни Богъ, волнами захлещетъ. Пойдти вытащить байдару на беретъ, да привязать покрѣпче.

"А это кто плыветъ? Еще три байдары."

-- А это, кажись, Чакачь со своими дѣтьми! Вишь, бачка, и они тоже вытаскиваютъ байдары на беретъ. Да, теперь на водѣ страшно! Только и здѣсь, бачка, нельзя оставаться.

"Отъ чего такъ?"

-- А слышишь, какъ земля звѣнитъ подъ

копытами лошадей? Тугъ, вѣрно, пустое мѣсто, и буде зашевелиятся гамульи то какъ разъ обрушится!

"Тоначь замѣтилъ дѣльно!-- сказалъ Ивашкинъ, обратившись къ мичману. -- Камчадалы по духу знаютъ, гдѣ опасность, Поѣдемте далѣе, Викторъ Ивановичъ!"

-- Отъ чего же эта пустота? -- спросилъ Викторъ.

"Вы видите, что окружныя горы почти всѣ имѣютъ видъ огнедышущихъ: мудрено ли, что горнъ ихъ простирался и подъ этою горою. Такихъ мѣстъ, гдѣ примѣчается въ землѣ пустота, въздѣшной странѣ весьма много."

Съѣхавъ съ пустаго мѣста, странники сошли съ лошадей и опять обратили взоры на горѣлую сопку, изъ коей дымъ валилъ все гуще и гуще, разстилаясь червою полосою, по движенію вѣтра, и закрывая багровое солнце, какъ бы подернутое гнѣвомъ на вселенную. По мѣрѣ, какъ вечерѣлъ день, начинало показываться въ густотѣ дымнаго столба красное пламя, прорывавшееся змѣеобразными чертами. Но въто самое время, какъ Викторъ и Ивашкинъ смотрѣли съ тайнымъ трепетомъ

на сіе грозное предвѣстіе ужаснѣйшаго изъ явленій природы, Марія нечаянно встрѣтила глазами предметъ, еще болѣе поразившій ужасомъ ея сердце: въ концѣ долины изъ глубины лѣса выѣзжала толпа всадниковъ, кои, казалось, примѣтя на горѣ нашихъ бѣглецовъ, кинулись къ нимъ во весь скакъ.

"Викторъ! кто это?" -- сказала Марія, съ ужасомъ на лицѣ.

-- Не знаю, моя милая! -- отвѣчалъ мичманъ, также ужаснувшійся;-- но если это и погоня, то еще мы постоимъ за себя: теперь у насъ есть по надежному товарищу (онъ потрясъ ружьемъ)!

"Да, это точно погоня! -- подтвердилъ Ивашкинъ, молча всматривавшійся до того въ приближавшуюся толпу. -- Я узнаю и начальника: вонъ, видите, порывается напередъ всѣхъ: видно, что адское нетерпѣніе пожигаетъ его душу!"

-- Но кто жъ освободилъ его?

"Развѣ, думаете вы, что, одинъ только Горбуновъ готовъ былъ искупить себѣ прощеніе цѣною измѣны? Онъ измѣнилъ товарищамъ: могъ измѣнить и другой!"

-- Но не понимаю, какъ они могли напасть на нашъ слѣдъ?

"Весьма просто! Догадываетесь ли, кто трясется позади всѣхъ?"

-- Кажется, это мерзавецъ Сумкинъ!

"Такъ теперь вы видите, что я не даромъ хотѣлъ его оставить на висѣлицѣ: если бы онъ висѣлъ на ней, то не показалъ бы дороги злодѣю!"

-- Но какъ онъ могъ это сдѣлать?

"Ему стоило только указать первое мѣсто, гдѣ васъ увидѣлъ, а тутъ ужъ Камчадалы хоть кого выслѣдятъ!"

-- Что жъ вамъ дѣлать теперь?

"Надѣяться на Провидѣніе!" -- отвѣчалъ старецъ съ спокойною важностію.

-- Великій Боже! -- воскликнула Марія, съ ужасомъ наблюдавшая надъ преслѣдователями -- злодѣи уже поднимаются на гору!

"Спасетъ или нѣтъ васъ Провидѣніе,-- сказалъ мичманъ въ нѣкоторомъ изступленіи -- но злодѣй, насъ преслѣдующій, падетъ первый!"

Положеніе сихъ несчастныхъ было самое

безпомощное. Побѣгъ на сушѣ былъ невозможенъ; ибо дальнѣйшій путь по горѣ пересѣкался ужасными рытвинами, а падѣ была покрыта тундрою: тутъ и тамъ можно было пробираться только самою тихою и осторожною ѣздою. Пуститься въ море, значило броситься на вѣрную смерть; потому что признаки близкаго землетрясенія, слишкомъ хорошо затверженные Камчадалами, были не подвержены сомнѣнью. Но между тѣмъ, какъ злополучные странники колебались въ выборѣ средствъ, толпа, преслѣдующая ихъ, поднялась на гору, и скакала вдоль по вершинѣ во всю прыть, предводительствуемая бѣшенымъ злодѣемъ. Мичманъ взвелъ курокъ, и не смотря на убѣжденія Маріи и увѣщанія Ивашкина, стоялъ съ поднятымъ ружьемъ, ожидая приближенія начальника. Увидѣвъ сіе грозное положеніе своего противника, злодѣй осадилъ вдругъ лошадь, саженьяхъ въ двадцати отъ своихъ жертвъ, и также приложившись къ ружью, вскричалъ съ адскою яростію; "Сдайся, или смерть!"

-- Смерть! -- вскричалъ ужаснымъ голосомъ мичманъ, прицѣлясь въ изверга.

Оба они сдѣлали одинаковое движеніе, и оставалось одно мгновеніе, чтобы свершиться величайшему изъ преступленій. Марія была почти безъ чувствъ; Ивашкинъ смотрѣлъ съ ужасомъ, видя тщету своихъ словъ; толпа, окружавшая злодѣя, также стояла въ изумленіи и бездѣйствіи, невольно сопровождающемъ единоборство. Наконецъ замки щелкнули, и что жъ? По странной игрѣ случая, или по волѣ высшаго Существа, взирающаго всегда отеческимъ окомъ на наши заблужденія -- какъ бы то ни было, ружья обихъ соперниковъ дали вспышку. Казалось, и бездушное вещество устрашилось ужаснаго дѣла, для котораго оно было избрано; но сердцу человѣческому, въ часъ ярости, нѣтъ ничего страшнаго! курки опять были взведены, опять насыпанъ порохъ на полку, опять ружья пришли въ убійственное направленіе; но уже сама природа возстала противъ нарушенія ея законовъ: ужасный, невообразимый ударъ пролетѣлъ подъ землю; гора дрогнула въ основаніи; все дышавшее на ней встрепетало. И во всеобщемъ коловоротѣ вселенныя человѣка ожидаетъ не болѣе, какъ та

же смерть, которую онъ вкушаетъ иногда на мягкомъ и спокойномъ ложѣ; но не смотря на то, общее смятеніе, общій трепеть природы, когда мнится, гнѣвъ Божій грядетъ на преступную обитель человѣка, и духъ ярости его сокрушаетъ грѣшную землю,— въ сіи минуты человѣкъ содрагается, трепещетъ, замираетъ несравненно сильнѣе, нежели предъ самою кончиною въ обыкновенное теченіе міра: тогда какъ бы спадаетъ мгновенно съ глазъ его завѣса грѣха, сокрывавшаго отъ него истинное его отношеніе къ Творцу, и величіе Всемогущаго, равно и ничтожество предъ Нимъ виновной твари, открывается во всей поразительной ясности. Вѣроятно, сіе самое, дѣйствіе имѣлъ страшный глаголь природы и на сражавшихся: оба они опустили ружья, и, казалось забыли свою злобу; однако жъ едва установилась земля, какъ опять ненависть вспыхнула въ въ сердцахъ; опять ружья были направлены, и -- вторичный сильнѣйшій ударъ, потрянулъ гору съ непостижимою силою, мгновенно низвергнулъ ея вершину въ пустое нѣдро, и глубокая пропасть раздѣлила отца съ сыномъ, готовыхъ навести взаимно

по смертельному удару. Густое облако пыли задернуло обѣ стороны пропасти, и скрыло другъ отъ друга противниковъ. Между-тѣмъ удары увеличились и когда вѣтеръ пронесъ пыль, предъ глазами бывшихъ на горѣ открылось зрѣлище вмѣстѣ страшное и великолѣпное. Возмущенный въ ложѣ своемъ океанъ, съ неизъяснимымъ ревомъ и шумомъ, то взбѣгалъ кипящими горами на сушу, то опять убѣгалъ на великое разстояніе отъ берега, и обнажалъ подводныя скалы, искони сокрытыя отъ пытливаго взора.

"Какое страшное зрѣлище! -- говорилъ Ивашкинъ, глядя съ ужасомъ на возмущеніе океана. -- Смотрите: вонъ три брата {Скалы, высунувшіяся изъ воды.} едва теперь показываются изъ воды, а вѣдь они въ обыкновенное время сажень на пятьдесятъ выше моря."

При новомъ ударѣ набѣжавшій на землю океанъ опять схлынулъ, и скрылся отъ взоровъ, снова обнаживъ подводные утесы; потомъ еще разъ тоже повторилось явленіе. Казалось, взбунтовавшаяся бездна хочетъ ниспровергнуть свои границы и залить навсегда возвышавшуюся надъ ней сушу.

Во все продолженіе этого страшнаго явленія, гора, на которой спасались отъ потопленія и гонимые и гонители, колыхалась какъ волна, наводя неизъяснимый ужасъ на сердце; вся окрестность была также въ грозномъ движеніи: горы и лѣса волновались какъ море, съ глухимъ необъятнымъ гуломъ, какъ паденіе многихъ рѣкъ. Нѣтъ словъ, нѣтъ кисти, чтобы живо представить эту картину. Вся природа, и океанъ, и земля были въ содроганіи, въ трепетъ, въ ужасъ: это было, можетъ быть, хотя и слабое, но вѣрное подобіе того страшнаго дня, когда погаснетъ солнце, померкнетъ луна, спадутъ звѣзды съ неба и силы небесныя поколеблются.

Но скорѣе могла успокоиться вся необъятная природа, нежели утихнуть ненависть и буйная страсть въ сердцѣ злодѣя. Видя, что землетрясеніе кончилось, губитель опять началъ преслѣдованіе.

"Казаки! -- закричалъ онъ -- долой съ лошадей, обходи пропасть, лови мошенниковъ!"

-- Попробуйте, злодѣи! -- кричалъ отчаянный мичманъ: -- каждый, кто отважится ступить на гору, заплатитъ за это жизнью!

"Послушайте, Викторъ Ивановичъ! -- сказалъ Ивашкинъ,-- вы видѣли, что самъ Богъ предохраняетъ васъ отъ преступленія: не искушайте болѣе Его благости!"

-- Развѣ вы хотите опять отдаться въ руки злодѣя? Для чего же была и бѣжать намъ?

"Нѣтъ, я не хочу отдаться ему, но теперь есть средство спастись и безъ пролитія крови. Вы видите, что злодѣямъ нельзя иначе напасть на насъ, какъ только съ этой стороны, между тѣмъ, какъ мы тотчасъ можемъ достигнуть моря."

-- И что-жъ тогда?

"Возьмемъ байдары, и отдадимся на произволь Бога: вы уже знаете, что Марья Алексѣевна умѣетъ ѣздить въ байдарахъ, да и мнѣ не учиться этому".

-- Ахъ, Викторъ! -- вскричала Марія -- не думай болѣе! рѣшайся: время дорого!

"Я на все готовъ, и думаю не о себѣ, а только о твоёмъ спасеніи....."

-- Если такъ: то пойдёмъ скорѣе! пусть-же поглотитъ насъ море; по крайней мѣрѣ мы умремъ вмѣстѣ!

"Шевелитесь проворнѣе; изверги! -- раздал-

ся вдали дикой ревъ начальника. -- Я васъ всѣхъ переморю въ тюрьмѣ, если упустите бунтовщиковъ!"

Но какъ ни ярился злодѣй, и какъ ни спѣшили его подчиненные, наши странника успѣли между тѣмъ достигнуть моря; ибо преслѣдователи не могли прямо сойти на беретъ, по причинѣ почти перпендикулярнаго отвала горы на большое разстояніе, и должны были прежде спуститься на противоположную сторону, и потомъ уже подняться на вершину, гдѣ спасались гонимые. Въ сіе время достигнувъ берега, Викторъ и Ивашкинъ проворно отвязали байдары, о которыхъ нужно было Ивашкину сказать добрымъ Камчадаламъ, притомъ давнишнимъ его знакомымъ, только нѣсколько словъ, обѣщая въ послѣдствіи щедрое вознагражденіе и представляя опасность своего положенія. Наконецъ байдары были спущены на море; бѣгущіе сѣли -- Викторъ съ Марією, Ивашкинъ одинъ; вѣтеръ дулъ съ берега; волны стремились въ море, и легкіе челноки помчались, какъ стрѣла, по пѣнившимся ихъ хребтамъ. Тогда прибѣжалъ на беретъ начальникъ. "Разбой-

ники! злодѣи! -- закричалъ онъ въ величайшемъ бѣшенствѣ на Камчадаловъ -- какъ вы смѣли подать помощь бунтовщикамъ? Всѣхъ васъ перевѣшаю!"

Вслѣдъ за нимъ сбѣжались и казаки.

"Спехивайте байдары -- вопилъ начальникъ -- садитесь проворнѣе, гонитесь за мошенниками; ловите, стрѣляйте, если не останутся; бѣйте ихъ, топите, губите разбойниковъ!"

Между-тѣмъ вѣтеръ, разыгрываясь болѣе и болѣе, подулъ съ ужасною силою. Валы заходили горами, и убѣгающіе челноки скрылись во глубинѣ.

-- Ха, ха, ха! -- раздался въ сіе мгновеніе дикой хохотъ на обвалившейся горѣ. Изумленная толпа взглянула наверхъ. Тамъ, на высунувшемся изъ обвала камнѣ, стояла цыганка, освѣщенная, какъ фурія, краснымъ пламенемъ гаснувшей зари, съ развѣвавшимися по вѣтру волосами. -- Ха, ха, ха! -- кричала она съ адскою радостію, указывая на исчезнувшіе челноки. -- Поздравляю, злодѣй: ты погубилъ своего сына!

-- Что ты вопишь, злодѣйка? -- вскричалъ

начальникъ, въ половину разслушавъ крикъ цыганки, мѣшавшійся съ шумомъ вѣтра.

"Поздравляю тебя, злодѣй, съ радостью: ты убилъ жену, а теперь погубилъ сына!"

-- Замолчи, фурия, или и пришибу твой проклятый языкъ!

"Бей, но знай: это точно сынъ твой! вотъ тебѣ доказательство! (она бросила узелокъ). Тутъ его рубашка, въ которой я его ukrала у васъ; тутъ его крестъ, который ты надѣлъ на него, снявши съ себя; тутъ его ладонка, въ которой вложена записка собственной твоей руки о его рожденіи...."

Начальникъ схватилъ узелокъ; съ нетерпѣніемъ разорвалъ ладонку, и съ ужасомъ прочиталъ свою записку.

-- Злодѣйка! для чего ты не сказала мнѣ это прежде?

"Извергъ! ты погубилъ мою молодость, ты убилъ мою жизнь; я дала клятву отмстить тебѣ -- и сдержала ее! теперь веселись, если можешь, сыноубійца? вонъ твой сынъ! вонъ погибаетъ въ волнахъ! вонъ челнокъ опрокинулся, и твой сынъ, борясь со смертію, проваливается тебя, мучитель!"

-- Фурія! замолчи! -- возопилъ обезумѣвшій преступникъ, ударивъ ее изъ ружья.

Пуля просвистала мимо, и цыганка съ новою злостію начала мучить его своею адскою рѣчью; но онъ уже не могъ слушать ее; бурныя, тяжкія мысли потокомъ хлынули на его душу. "Друзья мой! -- кричалъ онъ, не помня самъ себя -- спасите меня отъ сыноубійства! Бѣгите, воротите его, возвратите мнѣ сына!" Въ это время бѣжавшіе челноки опять показались на поверхности валовъ, чуть, чуть чернѣясь въ отдаленности. "Онъ еще живъ! -- завопилъ терзающійся грѣшникъ.-- Онъ еще живъ! летите, воротите его! Горе мнѣ, если я погублю его!"

Нѣсколько казаковъ проворно сѣли въ оставшіяся байдары и бросились въ море, отважно презирая жизнь и только думая о томъ, какъ бы исполнить волю своего начальника, сколько онъ ни былъ недостоинъ сего имени. Но чѣмъ они больше старались догнать бѣгущихъ, тѣмъ болѣе сіи послѣдніе употребляли усилій отъ нихъ удалиться. Буря и ночь наконецъ поглотила ихъ, и гибель несчастныхъ совершилась: посланные воро-

тились съ этой вѣстію.

"Такъ онъ погибъ! -- вскричалъ начальникъ, разодравъ да себѣ одежду. -- Сынъ мой погибъ отъ руки моей!... И вонъ, вонъ въ облакахъ.... Видите ли?.... Это тѣнь жены моей!.... О какъ взоръ ея пробиваетъ мою душу и рветъ сердце!.... Слышите ли, какъ хохочетъ адъ надо мною? (Въ это время былъ слышенъ хохотъ цыганки). Видите ли, какъ духи злобы стремятся на меня?.... О, скорѣе! разорвите на части мое тѣло}... Разступись земля, и сокрой меня отъ мученій!"

(Закалывается и упадаетъ.)

Лѣто смѣнилось зимою, зима лѣтомъ; опять наступила зима, и снова возвратилось лѣто. Боже мой! какъ удивителенъ, непостижимъ этотъ вѣчный, несовертимый ходъ природы, стирающій, какъ пыль, на пути своемъ жалкія поколѣнія людей. Въ теченіе вѣка измираетъ все жившее при началѣ его; и если иногда остаются на лицѣ всей земли два, три челоѣка, перешагнувшіе за грань другаго столѣтія, то что жизнь ихъ? неутолимая скорбь изгнанника, блуждающаго въ чуждой

пустынь; безконечный ропоть страдальца, горующего на развалинахъ роднаго пепелища! настоящее поколѣніе для нихъ чуждо: одинокая душа летитъ въ прошедшее; тщетно силится вызвать оттуда погибшіе лики, и, утомленная, жаждетъ успокоенія въ могиль. Да, столѣтіе для цѣлаго поколѣнія людей есть предѣль непроходимый, и -- ужасная картина! -- все младое, все прекрасное, все милое, все дышавшее геройствомъ и славою, все блиставшее знаніемъ и мудростію, всѣ гордившееся блескомъ величія и могущества -- всѣ, отъ царя до послѣдняго раба его, встрѣтившіе первый день столѣтія, лежатъ въ послѣдній распростерты въ гробахъ, преданные смерти и тлѣнію! Такова судьба цѣлыхъ поколѣній; а чтобы измѣниться одному человѣку -- много ли надобно? и между тѣмъ природа течетъ безмолвно и несократимо, совершая свои роковыя круговращенія!

Такимъ образомъ въ два года, протекшіе со времени происшествій, нами описанныхъ, съ лицами, дѣйствующими въ нашей повѣсти, случилось весьма многое. Самая смерть не забыла собрать своей дани.

Три новые креста чернѣлись близъ одинокаго дерева, осѣнявшаго славную могилу Клерка {Сопутникъ Кука.}. Надъ однимъ изъ сихъ памятниковъ, рано поутру, въ ясный лѣтній день, стоялъ человекъ довольно высокаго роста, кроткой и важной фізіономіи, погруженный въ глубокую думу. "Бѣдная Ольга! -- сказалъ онъ наконецъ, тяжело вздохнувши -- когда я смотрѣлъ на тебя во дни юности, въ то время, когда ты, исполненная жизни, была и мила и прекрасна, могъ ли я тогда думать, могла ливкраться въ умъ мой эта страшная мысль, что пройдетъ нѣсколько лѣтъ -- и я буду попирать твой прахъ, заброшенный въ дикую пустыню?... Вотъ что сдѣлали съ нами люди!"

Незнакомецъ слова умолкъ. Казалось, думы его становились мрачнѣе и мрачнѣе: ибо черты лица его, постепенно измѣняясь, приняли выраженіе величайшей скорби. Но нѣкоторымъ, отъ времени до времени вырвавшимся словамъ, можно было заключить, что сердце его было исполнено страшнаго ожесточенія противъ людей; но, не смотря на сіе, это былъ человекъ самый расположен-

ный ко благу другихъ; свойство, давно подмѣченное въ такъ называемыхъ мизантропахъ. Ревизуя Камчатку (нужно ли объяснять, что это былъ ожидаемый ревизоръ?), онъ не старался отличиться предъ начальствомъ преувеличеніемъ своихъ изысканій въ открытіи злоупотребленій; но, напротивъ, стараясь смягчить преступленія виновныхъ, поставилъ начальство на настоящую точку зрѣнія, съ которой надлежало ихъ разсматривать, какъ слѣдствія невѣжества и превратныхъ понятій. Дѣло Тенявы было главное, на которое ревизоръ обратилъ свое вниманіе. Признаніе Сумкина, показанія казаковъ, слышавшихъ покаяніе фельдшера, отзывы приказныхъ, бывшихъ свидѣтелями раскаянія дьячка, наконецъ, удостовѣреніе Хапилова - были достаточнымъ основаніемъ къ оправданію мичмана и протопопа. Слѣдствіе была представлено въ Иркутскъ, а не разсмотрѣнія онаго и до пріѣзда новаго начальника, ревизоръ долженъ былъ управлять Камчаткою. Время управленія его было общимъ праздникомъ сей страны. Наконецъ насталь день его отъѣзда, и, посѣщая часто

драгоцѣнную для него могилу, онъ пришелъ пролить на все послѣднія слезы и сказать незабвенному праху вѣчное прости. Размышленія его были прерваны приближеніемъ Хапилова.

-- Василій Михайловичъ! -- сказалъ сей послѣдній, придя нарочно для того, чтобы помѣшать мрачной меланхолии ревизора, любившаго часто предаваться мечтанію и тоскѣ, разрушавшей видимо его слабое здоровье -- Василій Михайловичъ! начинается вѣтеръ съ земли, и капитанъ спѣшитъ отправляться....

"Это вы, Евгенийъ Петровичъ! -- отвѣчалъ ревизоръ, какъ бы проснувшись отъ усыпленія. -- А я замечтался здѣсь: прошедшее такъ столпилось къ душѣ, и всѣ минувшія огорченія такъ живо представились уму надъ этою могилою!"

-- Что дѣлать? горестъ есть общій жребій людей!

"Меня терзаетъ не моя часть: о прошедшемъ бѣдствіи уже сѣтовать нечего, но та мысль, что люди, долженствующіе быть агнцами, обратились въ тигровъ! Вотъ, передъ нашими глазами, чья могила? адскій духъ,

получившій власть надъ подобными себѣ, могъ ли бы управлять съ большею лютостію?"

-- Но о злые необходимы въ мірѣ: если бы не было ихъ, мы не звала цѣны добродѣтельнымъ; если бы не было Антона Григорьевича, Камчатка не могла бы чувствовать въ полной мѣрѣ выгодъ добраго управленія, какими пользовалась она во время пребыванія вашего....

"Я исполнялъ свой долгъ -- и объ этомъ ни слова! но не лучше ли было бы, если бы всѣ начальники думали только о выполненіи своихъ обязанностей, о благѣ страны, вѣренной имъ отъ престола...?"

-- Василій Михайловичъ! вамъ извѣстно: я много терпѣлъ отъ Антона Григорьевича, и безукоризненно могу говорить объ немъ все; но я долженъ сказать, что и во время его управленія много было сдѣлано полезнаго: города получили лучшее наружное устройство; исправлены дороги, и тамъ, гдѣ вовсе не возможно было проѣзжать, проложены пути весьма удобные; въ присутственныхъ мѣстахъ водворена чистота, порядокъ, устройство....

"Я не охуждаю этого: это прекрасно и необходимо; но главнѣйшее дѣло всякаго начальника: благо народа, облегченіе его нуждъ, призрѣніе сиротъ, защита невинному и наказаніе виновному: вообще -- кротость, снисходительность, человеколюбіе, правосудіе...."

-- Но чтобы все это выполнить, и не падать -- надобно много имѣть силы въ душѣ!

"Антонъ Григорьевичъ имѣлъ ее довольно: но, къ несчастію, онъ обратилъ ее не на добро. Человѣкъ злой и глупый еще не опасенъ: онъ легко падаетъ самъ въ яму, приготовляемую для другихъ; но умный и злой!... О какъ трудно избирать людей для управленія вдали отъ правительственнаго взора!

"Но теперь жребій Камчатки, слава Богу! перемѣнился: нынѣшній начальникъ, какъ кажется, человекъ умный и добродѣтельный...."

-- Да, правительство, бдительно заботящееся облагъ здѣшной страны, нарочно избрало его, дабы залечить прежнія раны: онъ давно извѣстенъ своею справедливостію, умомъ и усердіемъ....

"Жаль, что глаза мои не увидятъ уже благоденствія моей родины!"

-- Не жалѣйте: наше отечество вся Россія, и благоденствіе самой отдаленнѣйшей отъ Камчатки области должно васъ столько же занимать, какъ и родины! Въ Иркутскѣ вамъ принадлежитъ лучшее поприще, и съ вашимъ умомъ и честностію, я надѣюсь, вы проложите себѣ прекрасную дорогу.... Однако жъ мы заговорились; вѣтеръ крѣпчаетъ, и въ самомъ дѣлѣ намъ пора отправляться.... Что же наши спутники? Ивашкинъ не ѣдетъ?

"Нѣтъ! онъ ужъ свыкъся съ Камчаткою, и не хочетъ ее оставить. Въ первыя минутъ и говорятъ, по объявленіи ему прощенія, онъ порывался было мыслями на родину; но потомъ сказалъ самъ себѣ: "что я мыслю, безумный? для чего мнѣ возвращаться туда? чтобы видѣть могилы моихъ друзей и родныхъ? печальное утѣшеніе! нѣтъ, время уже прошло, и теперь, гдѣ и лягутъ мои кости, все равно!" Послѣ этого онъ твердо рѣшился остаться здѣсь, и отвергнулъ всѣ убѣжденія Виктора Ивановича и Марьи Алексѣевны.

-- А правда ли, что они берутъ съ собою

безумнаго дьячка?

"Они это дѣлають изъ сожалѣнія къ нему. Когда онъ былъ не въ своемъ умѣ, и тогда былъ человекъ совершенно пропащій, а теперь помѣшавшись, долженъ здѣсь погибнуть съ голода..."

-- Вотъ слѣдствіе пустаго мудрованія! толкуя о вещахъ, непостижимыхъ для разума, человекъ можетъ попасть только на двѣ дороги: или сойти съ ума, какъ Шандуровъ; или подвергнуть сомнѣнію и попрасть все священное... О какое было бы счастье, если бы наше отечество, принимая просвѣщеніе отъ запада, могло отдѣлять для себя одно только полезное и не допускать на русскую землю этого проклятаго вольнодумства!

"По моему мнѣнію: вольнодумство есть то же, что злодѣяніе...."

-- И одно изъ величайшихъ! грабители разбойникъ, убійца наноситъ вредъ частный, причиняетъ зло одному или только нѣсколькимъ лицамъ, а вольнодумецъ, подкапывая основаніе вѣры и престола, погубляетъ цѣлое царство. И между-тѣмъ....

"Часто наслаждается и славою, и честію,

всѣми выгодами жизни, какъ, на примѣръ, какойнибудь Вольтеръ?.....

— А разбойникъ, бѣжитъ въ лѣса, и влача жизнь въ нищетѣ, въ бѣдствіи, въ страхѣ, погибаетъ, наконецъ, на эшафотѣ, или гибнетъ безъ мѣста, подобно цыганкѣ!

Въ сіе время показались вдали Викторъ и Марія, шедшіе также на кладбище. На лицахъ ихъ была написана печаль, но не скорбь: ибо жребій ихъ перемѣнился, а къ утратѣ, понесенной ими, сердца ихъ уже начали привыкать. Мичманъ остановился при могилахъ отца и матери; Марія подошла къ третьей; тутъ лежалъ ея дѣдъ.

— Марія! — сказалъ Мичманъ, смотря на лившіяся изъ глазъ ея слезы — ты оплакиваешь того, кто провелъ жизнь добродѣтельно; умеръ, какъ христіанинъ на рукахъ твоихъ, и кого въ вѣчности ожидаетъ блаженство праведныхъ, а я?... Вообрази, какъ должно раздираться мое сердце, когда я смотрю на эту могилу!.... О Боже мой! это былъ мой отецъ, несчастный отецъ.... убійца моей матери!

"Викторъ! Божіе милосердіе неизмѣримо: ты знаешь, что разбойникъ, умершій на

крестъ..."

Викторъ не отвѣчалъ ни слова. Онъ не плакалъ; но сердце его было стѣснено ужасно.

— Успокойся, Викторъ: если нашъ отецъ былъ болѣе виновенъ передъ кѣмъ, то предъ нашею матерью, а этотъ ангелъ, вѣрно, простилъ его, и, можетъ быть, у престола Всевышняго молить самъ о спасеніи его души....

"О другъ мой! -- воскликнулъ мичманъ, прижавъ Марію къ своей груди -- какъ ты умѣешь облегчать мое сердце!... Да, мать моя была ангелъ на земли, и она точно простила ему.... Прости, прости ему -- повторялъ Викторъ, залившись слезами и ставъ на колѣна надъ могилою начальницы -- прости ему, а небесный духъ моей матери!"

Раздался пушечный выстрѣлъ: это былъ сигналъ съ корабля, готовящагося къ выходу изъ гавани. Мичманъ отеръ слезы, и поднявъ руки къ небу, сказалъ съ глубочайшимъ чувствомъ: "Тамъ увидимся!"

Въ сіе время ревизоръ и Хапиловъ, скрывшіеся за деревьями, дабы не мѣшать изліянію чувствованія Виктора и Маріи, услышавъ выстрѣлъ, также вышла изъ лѣсу и

вмѣстѣ съ ними пошли къ гавани. На берегу стоялъ Ивашкинъ, съ глубокою печалію смотря на приготавливающійся корабль. Мичманъ и Марія кинулись въ его объятія, и залились слезами. Старикъ самъ плакалъ, какъ ребенокъ, но былъ непреклоненъ къ ихъ убѣжденіямъ.

"Аркадій Петровичъ! -- говорилъ мичманъ -- мы вамъ всѣмъ обязаны: вы освободили насъ изъ темницы, дали средство спастись отъ гоненія и были вашимъ ангеломъ-хранителемъ не все время вашего странствованія: безъ вашей опытной помощи, безъ вашей знакомства съ дикими обитателями Анадыра, занесенные бурей на его бесплодный и дикой берегъ, какъ бы мы могли спастись отъ неизбежной гибели? еловомъ, наша жизнь, ваше счастье -- все ваше, и чѣмъ же мы вознаградимъ васъ за это? Убѣдитесь нашими словами! вы заступите намъ мѣсто нашихъ родителей; мы употребимъ всѣ усилія, всѣ средства, все достояніе, чтобы успокоить вашу старость чтобы усладить послѣдніе дни вашей жизни..."

"Согласитесь -- присовокупила Марія, по-

чти рыдая -- пожалуй-ста согласитесь, Аркадій Петровитъ! у васъ здѣсь нѣтъ никого: мы замѣнимъ вамъ родныхъ, друзей; мы будемъ вашими дѣтьми, самыми нѣжными дѣтьми...."

-- Полноте, перестаньте дѣти мои! -- говорилъ старикъ, задыхаясь отъ слезъ. -- Ъхать съ вами мнѣ уже не лъзя: эта пора прошла давно, и темница моя сроднилась со мною; такъ не отягчайте моей разлуки съ вами: вы видите я самъ плачу, какъ дитя!

Еще раздался сигналъ съкорабля. Ивашкинъ вырвался изъ объятій Виктора и Маріи, и пошелъ скорыми шагами по берегу, съ намѣреніемъ взобратъся на прибрежный холмъ, съ восточной стороны. Между-тѣмъ корабль, распустивъ паруса выступилъ изъ Петропавловской гавани, и разсѣкая волны, быстро понесся по протяженію губы Авачинской. Викторъ и Марія, стоя на палубѣ не сводили глазъ съ роковаго холма, гдѣ стоялъ старецъ, подпершійся на посохъ и освѣщенный утреннимъ солнцемъ. Нѣсколько разъ они махали платкомъ; старикъ отвѣчалъ наклоненіемъ головы. Но холмъ все болѣе и

болѣ тонуль въ отдаленности, фигура стоявшаго на немъ челоуѣка, теряясь постепенно, едва уже сохраняла свое очертаніе; потомъ слилась въ одну черную точку; наконецъ совершенно смѣшалась съ синевою воздуха; и -- исчезла навсегда! Не такъ ли исчезаетъ и память людей въ глубинѣ времени?